A 185/315

Въ библиотеку Румянцевскаго Музея отъ автора.

Григорій Георгіевскій.

ХРИСТІАНСТВО

ВЪ

ПОНИМАНІИ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ

ВЪ

ДОМОНГОЛЬСКІЙ ПЕРІОДЪ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ.
Остоженка, Савеловскій переулокъ, собственный домъ.
1893.

Григорій Георгіевскій.

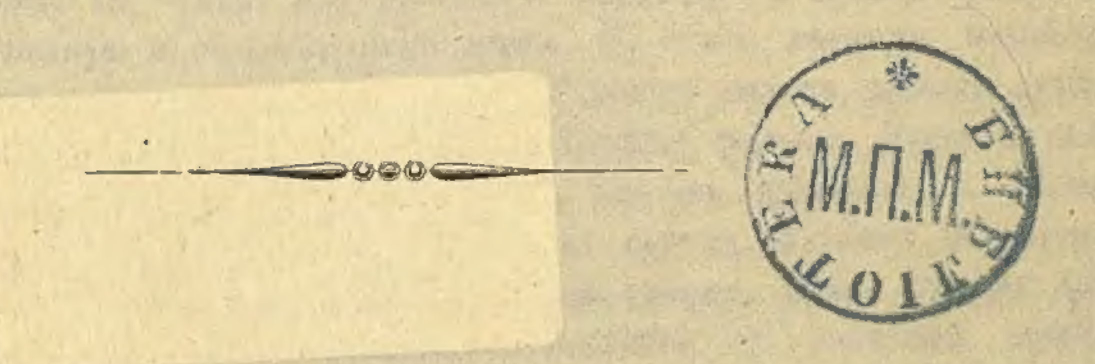
ХРИСТІАНСТВО

въ

ПОНИМАНІИ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ

въ

ДОМОНГОЛЬСКІЙ ПЕРІОДЪ.



МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ.
Остоженка, Савеловскій переулокъ, собственный домъ.
1893.

Печатать дозволяется. Москва, 23 Октября дня, 1893 года.

Цензоръ Архимандритъ *Климентъ*.

Изъ Майской, Іюньской, Іюльской и Августовской книгъ „Чтенія въ Общ. Люб. Дух. Просвѣщенія“ 1893 года.

Христіанство въ пониманіи Русскихъ людей въ домонгольскій періодъ.

> Литература и искусство служатъ только внѣшнимъ выраженіемъ духовныхъ отправленій жизни народной.
>
> *Ѳ. И. Буслаевъ.*

Тысяча лѣтъ минуло уже, какъ великое славянское Русское племя съ 862 г., года призванія князей, начало обособляться въ отдѣльный народъ и стремиться къ своей самостоятельной жизни. Спустя одинъ только вѣкъ послѣ этого событія, въ 988 г., Русскій народъ вступилъ въ семью христіанскихъ обществъ и началъ свою государственную и общественную жизнь. Съ этого времени начинается первый періодъ культурной жизни Русскаго народа, періодъ дружной и энергичной внутренней работы. Бѣдная раньше Русская мысль обогащается пріобрѣтеніемъ новыхъ для нея міровыхъ и вѣчныхъ истинъ, старается приблизить ихъ къ своему дѣтскому пониманію и усвоиваетъ ихъ своими младенческими силами. Юная Русская жизнь съ чисто-дѣтскою отзывчивостью роднится съ великими христіанскими началами братства и любви, съ полною готовностью отдается Небесному Идеалу и съ искреннимъ воодушевленіемъ спѣшитъ забыть все прошлое, грѣховное, спѣшитъ скорѣе стать ближе къ Нему... Свѣжія силы, не сдерживаемыя никакимъ внѣшнимъ давленіемъ, быстро ростутъ подъ благодатнымъ озареніемъ небесной помощи, быстро перерабатываютъ богатство, принесенное святымъ крещеніемъ, молодой организмъ крѣпнетъ, и тамъ, гдѣ такъ недавно еще по дѣвственному пространству бродили полудикіе кочевники,—тамъ

во всемъ величіи обрисовывается теперь великая христіанская Русская церковь. И эти начала, добытыя согласнымъ взаимодѣйствіемъ юныхъ естественныхъ силъ и благодатныхъ даровъ св. крещенія, быстро идутъ впередъ въ своемъ развитіи, рельефно оттѣняя типъ Русскаго христіанина, пока, наконецъ, не встрѣчаютъ рѣшительной преграды своему дальнѣйшему росту, обрушившейся на Русь съ такою неожиданностью въ 1223 г. въ формѣ наступившаго потомъ мрачнаго и крайне тяжелаго ига дикихъ выходцевъ Азіи—Монголовъ. Правда, Русь долго еще потомъ жила своими прежними, коренными Русскими началами, но спокойное, ровное и прямое теченіе впередъ Русской мысли и Русской жизни теперь было нарушено, и духовное развитіе Русскаго народа на христіански-Русскихъ началахъ съ этого времени подвинулось впередъ уже не далеко. За то, съ этого же времени Русь стала доступнѣе и, скажемъ болѣе, пассивнѣе ко всему пришлому и чужому и въ умственномъ и въ житейскомъ быту, пока, наконецъ, различныя внѣшнія давленія окончательно не сбили ея съ ея прямаго пути и не заставили ее блуждать по чужимъ окольнымъ дорогамъ. Съ этого уже времени коренныя начала Русской вѣры и Русскаго быта, выработанныя еще до татарскаго погрома, остаются сокрытыми въ глубинѣ Русскаго народнаго духа, составляя его лучшее и благороднѣйшее украшеніе, а вмѣстѣ его величіе и силу, постоянно готовую и способную къ блестящему развитію и безконечно широкой жизни, и, пока живъ самъ Русскій народъ, до тѣхъ поръ ни татарскія, и никакія другія невзгоды не могли и не могутъ совершенно уничтожить эти типическія черты его христіанскаго духа. Такимъ образомъ, если Премудрое Провидѣніе и не судило Россіи видѣть полный разсцвѣтъ своихъ народныхъ силъ и задатковъ, все таки начало ему было положено, и это начало падаетъ на домонгольскій, первый періодъ ея исторической жизни.

Тѣмъ не менѣе духовныя силы Русскаго народа никогда не переставали работать и, направившись за общимъ потокомъ «цивилизаціи» своихъ ближнихъ и дальнихъ сосѣдей, успѣли уже заявить себя и въ научной области и въ области литературы и искусства. Никогда не умиравшее Русское самосознаніе снова пробивается на самостоятельную дорогу, снова возвращается къ жизни реальной... Казалось бы, что Русское научное самосознаніе первымъ дѣломъ своимъ поставитъ опредѣленіе своего мѣста въ христіанствѣ, прежде

всего позаботится отыскать роль Русскаго народа въ общемъ шествіи къ вѣчному идеалу жизни и для легчайшаго и прямаго рѣшенія этихъ задачъ вызоветъ изъ неизвѣстности и освѣтитъ первый періодъ Русской жизни, когда были живы и дѣйственны Русско-христіанскія начала во всей ихъ чистотѣ и неприкосновенности, проанализируетъ Русское христіанство того времени, отыщетъ въ немъ (христіанствѣ) черты себѣ принадлежащія, какихъ нѣтъ ни у одного христіанскаго народа, какими такъ славенъ и великъ Русскій народъ, и какія обѣщали ему великую, свѣтлую будущность, и этимъ путемъ укажетъ прямую дорогу дальнѣйшему теченію Русской жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ. Но этимъ ожиданіямъ не суждено сбыться въ дѣйствительности и получить удовлетвореніе: въ Русской литературѣ вопросъ о Русскомъ христіанствѣ обойденъ почти совершенно. У насъ нѣтъ еще ни одного спеціальнаго сочиненія, посвященнаго первому періоду Русской исторіи со стороны занимающихъ насъ вопросовъ. Появившееся въ С.-Петербургѣ въ 1888 г. сочиненіе Н. Я. Аристова «Первыя времена христіанства въ Россіи по церковно-историческому содержанію Русскихъ лѣтописей» не ограничивается спеціально домонгольскимъ временемъ и для своихъ цѣлей пользуется только частью письменныхъ памятниковъ того времени—лѣтописями, обнимая въ своемъ обозрѣніи все время, до котораго только доходятъ лѣтописныя сказанія. При томъ, по самому характеру своего содержанія сочиненіе это представляетъ изъ себя сборникъ (далеко не систематичный) вѣрованій и проявленій благочестія нашихъ предковъ, въ основаніе котораго авторъ положилъ весьма зыбкую и ненадежную почву. Онъ на церковную жизнь древней Руси смотритъ какъ на что-то внѣшнее и едва-ли не чуждое для всей остальной жизни нашихъ предковъ, и дальше внѣшнихъ проявленій ихъ благочестія ничего не видитъ и, кажется, ничего не готовъ признать за ними. О чисто Русскихъ христіанскихъ взглядахъ тутъ нѣтъ и помину. Есть еще одно изслѣдованіе, повидимому, прямо отвѣчающее на наши вопросы: «Поученіе Владиміра Мономаха, какъ памятникъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній и жизни на Руси въ до-татарскую эпоху», С. Протопопова, въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1874, часть CLXXI, 231—292 стр.,—но это только повидимому. И здѣсь нѣтъ ничего новаго, чтобы спеціально характеризовало Русское христіанство разсматриваемаго времени,—если же что и выдается за такое, то совершенно невѣрно, по пред-

взятому и ложному основному взгляду автора о крайнемъ будто-бы увлеченіи древней Руси аскетическими идеалами и усиленномъ будто-бы стремленіи провести ихъ въ жизнь семейную и даже общественную.

За этими, болѣе или менѣе спеціальными, изслѣдованіями идетъ длинный рядъ цѣлыхъ сочиненій и отдѣльныхъ статей Русскихъ историковъ, которыя, будучи неоцѣнимы въ раскрытіи главныхъ своихъ историческихъ задачъ, лишь иногда, и то какъ-то вскользь, касаются интересующихъ насъ вопросовъ, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, И. Забѣлинъ въ концѣ перваго тома своего сочиненія: «Исторія Русской жизни съ древнѣйшихъ временъ», М. 1879 г. 1 и 2 чч. (Вышеуказанное сочиненіе Н. Я. Аристова сильно напоминаетъ эти мѣста «Исторіи» Забѣлина). Здѣсь же необходимо упомянуть и о множествѣ статей и рѣчей въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и отдѣльныхъ брошюръ, появившихся въ 1888 г. по поводу 900-лѣтія крещенія Руси. И здѣсь, какъ и въ другихъ сочиненіяхъ, касающихся домонгольскаго времени на Руси, есть много чисто-историческаго матеріала, но совершенно отсутствуетъ религіозно-философскій синтезъ, который бы характеризовалъ собою Русское христіанство.

Даже съ ученыхъ каѳедръ ничего нельзя услышать объ этомъ предметѣ. Тутъ много говорятъ о философски-созерцательномъ христіанствѣ греческаго міра, о государственно-практическомъ направленіи христіанства романскихъ народовъ, о мистически-таинственномъ субъективизмѣ и абстрактномъ пареніи христіанскихъ взглядовъ германскихъ народовъ, но о Русскомъ христіанствѣ... ни слова: точно Русскіе славяне никогда и не принимали христіанства, или же, если и принимали, то въ этомъ принятіи играли совершенно пассивную роль, представляя собой пресловутую «tabula rasa», на которой греки своею властною рукою безаппеляціонно писали, что хотѣли и знали.

Если и можно кого въ данномъ случаѣ помянуть добрымъ словомъ, такъ это великихъ и незабвенныхъ корифеевъ Русскаго славянофилства. Въ ихъ сочиненіяхъ, особенно въ воодушевленныхъ статьяхъ горячаго энтузіаста—Константина Сергѣевича Аксакова, есть много весьма цѣннаго по занимающимъ насъ вопросамъ. Жаль только, что нужные для насъ взгляды ихъ и замѣтки разбросаны по различнымъ ихъ сочиненіямъ и статьямъ, и самые труды этихъ почтенныхъ по-

клонниковъ родной старины носятъ на себѣ характеръ чисто публицистическій. Недавно появилось еще весьма цѣнное изслѣдованіе о взглядѣ Русскаго народа на милосердіе и милостыню по духовнымъ стихамъ о богатомъ и Лазарѣ въ «Рѣчи», произнесенной на годичномъ актѣ С.-Петербургской Духовной Академіи 19-го февраля 1890 г. экстраординарнымъ профессоромъ А. И. Пономаревымъ: «Славяно-Русскій Прологъ въ его церковно-просвѣтительномъ и народно-литературномъ значеніи». Рѣчь вмѣстѣ съ отчетомъ издана отдѣльной брошюрой: «Годичный актъ въ С.-Петербургской Духовной Академіи въ 1890 году (19-го февраля) СПБ. 1890 г.».

Такимъ образомъ, въ нашей современной литературѣ вопросъ о Русскихъ христіанскихъ взглядахъ, о пониманіи христіанства Русскимъ народомъ остается непорѣшеннымъ и даже почти незатронутымъ до сихъ поръ. Волей неволей всякій, интересующійся имъ, остается безъ указанія, безъ руководства, и если-бы тѣмъ не менѣе ему захотѣлось удовлетворить собственную любознательность, (не говоря уже о томъ, что это священный долгъ каждаго образованнаго Русскаго человѣка), ему пришлось-бы собственными силами пролагать, правда, отчасти намѣченную, но совершенно не проторенную дорогу. Время далеко отодвинуло его отъ той поры, когда юная Русь въ своей внутренней жизни стояла лицомъ къ лицу съ христіанствомъ, имъ однимъ, его идеалами только и стремилась жить. Ни положеніе очевидца событій, ни положеніе преемника живаго преданія изъ первыхъ или вторыхъ устъ пережившихъ эти событія предковъ,—для него уже невозможны. Для рѣшенія заинтересовавшихъ его вопросовъ въ настоящее время ему приходится вѣдаться съ тѣмъ мертвымъ источникомъ, который вѣчно сохраняетъ дѣла и мысли людей—съ памятниками литературы письменной и устной. Благодареніе Богу: на этой почвѣ любознательность вполнѣ можетъ быть удовлетворена: до нашего времени сохранились, правда, немногочисленные, но въ высшей степени содержательные памятники до-монгольской письменности и, можно сказать, неисчерпаемое богатство народныхъ пѣсенъ, началомъ своимъ восходящихъ именно къ той порѣ, когда Русскій народъ только что вышелъ изъ купели святаго крещенія. И если справедливо, что произведенія личнаго творчества того или другаго автора «служатъ выраженіемъ духовныхъ отправленій жизни народной», то тѣмъ болѣе это должно сказать о поэзіи народной, созданной и распѣваемой самимъ наро-

домъ, гдѣ творчество отдѣльнаго лица не имѣетъ почти никакого значенія. Такимъ образомъ, вотъ тотъ путь и тотъ источникъ, къ которымъ необходимо обратиться для разрѣшенія вопроса о пониманіи христіанства Русскимъ народомъ въ домонгольскій періодъ.

Что же именно дошло до насъ отъ того времени? Что представляютъ изъ себя теперь литературные памятники того времени? Къ рѣшенію этихъ вопросовъ и болѣе подробному обозрѣнію литературнаго достоянія родной старины мы и перейдемъ теперь.

Письменная литература появилась на Руси не сразу же послѣ принятія христіанства (разумѣемъ Русскую литературу). И это весьма понятно: не имѣя своихъ письменъ и никакого вообще образованія, Русскіе люди должны были научиться «книжному искусству» у своихъ южныхъ собратьевъ, а съ другой стороны необходимо было время на то, чтобы пріобрѣсти и выработать взгляды, убѣжденія и идеалы, или же пережить всевозможныя событія, чтобы дѣлиться ими потомъ съ другими въ томъ или другомъ родѣ письменности. Тѣмъ не менѣе, воспитавшись на Св. Писаніи, на отеческихъ и разныхъ другихъ произведеніяхъ христіанскаго востока, передовые Русскіе люди того времени скоро начинаютъ заявлять себя на разныхъ поприщахъ уже самостоятельной литературной дѣятельности. Но, что важнѣе всего для насъ, всѣ ихъ литературные труды носятъ на себѣ характеръ чисто церковный, или вѣрнѣе, церковно-учительный. И это понятно. То было еще первое время, когда христіанство въ формѣ греческаго православія было объявлено Русскою религіею, и русскій народъ сталъ лицомъ къ лицу съ новыми началами вѣры и жизни, которыя отселѣ ему нужно было усвоить и примѣнить на дѣлѣ. Это величайшее событіе (принятіе христіанства) въ жизни каждаго народа дало, такъ сказать, тонъ, указало направленіе всей жизни Русскаго народа въ теченіи долгаго періода, пока православіе не сдѣлалось въ дѣйствительности общерусскою, національною религіею. Это событіе наложило свою печать на этотъ періодъ, которою онъ характеризуется и выдѣляется изо всей исторіи Русскаго народа, печать распространенія и привитія Русскому народу православныхъ основъ вѣры и жизни. Понятно само собою, куда въ это кипучее время были направлены всѣ усилія и заботы пастырей и оберегателей Русскаго народа. Нужно было учить народъ новой «вѣрѣ», нужно было научить его чему и какъ вѣровать, нужно было разъяснить ему новыя начала общественной и частной жизни и указать способы

ихъ примѣненія въ тогдашнемъ народномъ быту, а еще важнѣе, дать наглядные, живые примѣры новой жизни. Въ то же время нужно было авторитетною властію узаконить необходимость и нерушимость новаго строя жизни и наблюдать за его осуществленіемъ въ дѣйствительности, осуществленіемъ во всей цѣлости и неприкосновенности.

Жизнь сама поставила эти требованія передовымъ Русскимъ людямъ домонгольскаго времени, и мы со всею очевидностью убѣждаемся даже только изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ ихъ просвѣтительной дѣятельности, съ какою предупредительностью и искреннею готовностью старались они исполнить возлагавшіяся на нихъ самою жизнью задачи.

Въ своихъ литературныхъ трудахъ они со всею подробностью раскрывали своимъ слушателямъ и читателямъ христіанское вѣроученіе и нравоученіе сообразно своему пониманію и приноровительно къ пониманію народному, указывали высокіе образцы истинно христіанской жизни, издавали разнаго рода узаконенія и руководственныя правила. Даже въ трудахъ историческихъ и другихъ, повидимому ничего не имѣющихъ общаго съ учительствомъ, они никогда не упускали изъ вниманія и не скрывали своихъ цѣлей назиданія читателей. И вездѣ они излагали истины христіанскія такъ, какъ сами понимали ихъ, подъ ближайшимъ руководствомъ Св. Писанія и твореній отеческихъ, и какъ, по ихъ мнѣнію, эти истины могли быть болѣе доступными для остальнаго народа. Съ этой стороны, со стороны пониманія основъ христіанства Русскимъ народомъ въ лицѣ его представителей, книжная домонгольская литература представляетъ собою неоцѣнимый и незамѣнимый ничѣмъ матеріалъ.

Что же именно представляетъ собою эта литература въ наши дни? Сейчасъ мы имѣемъ въ виду указать всѣ памятники домонгольской письменности, сохранившіеся до нашего времени, съ которыми мы сами имѣли возможность познакомиться. Разумѣется, мы не претендуемъ на безусловную полноту нашего перечня. Несомнѣнно, Русскія и нѣкоторыя заграничныя книгохранилища еще до сихъ поръ скрываютъ въ стѣнахъ своихъ отъ взоровъ ученаго міра, быть можетъ, даже и много, и при томъ весьма цѣнныхъ памятниковъ Русской старины. Несомнѣнно, ихъ можно найти даже въ пыли чердаковъ въ домахъ нашихъ старинныхъ любителей «книжнаго почитанія», или даже ихъ отдаленныхъ потомковъ. Несомнѣнно, что даже

и среди открытыхъ памятниковъ, особенно въ такъ называемыхъ «Сборникахъ» есть еще произведенія не обслѣдованныя и не пріуроченныя учеными къ опредѣленному времени и лицу, которыя между тѣмъ принадлежатъ тому или другому автору разсматриваемаго нами времени. Сами мы не входимъ въ историко-литературное обозрѣніе памятниковъ книжной старины: это выходитъ за предѣлы нашей задачи. Въ этомъ случаѣ мы покорно слѣдуемъ авторитетному указанію ученыхъ изслѣдователей Русскаго языка и Русской словесности и съ ихъ согласнаго голоса составляемъ перечень всѣхъ сохранившихся письменныхъ памятниковъ Русской домонгольской литературы, изучить которые мы и считали необходимымъ для своихъ цѣлей. Такими авторитетными для насъ указателями служили: «Древніе памятники Русскаго письма и языка (X—XIV вѣковъ). Общее повременное обозрѣніе съ палеографическими указаніями и выписками изъ подлинниковъ и изъ древнихъ списковъ. Трудъ И. Срезневскаго, СПБ., 1863 г.; тоже во второмъ изданіи (безъ снимковъ) проредактированномъ А. Ѳ. Бычковымъ, СПБ. 1882 г. «Обзоръ Русской духовной литературы. Книги первая и вторая, 862—1863 г. Соч. Филарета (Гумилевскаго), архіепископа Черниговскаго. Изданіе третье, съ поправками и дополненіями автора, СПБ. 1884 г.»; «Библіологическій словарь и черновые къ нему матеріалы П. М. Строева приведены въ порядокъ и изданы подъ редакціею академика А. Ѳ. Бычкова. Приложеніе къ XLI-му тому Записокъ Императорской Академіи Наукъ, № 2 СПБ. 1882 г.»; «Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина греко-россійской церкви, соч. митрополита Евгенія, изданіе 2-е, I—II чч. въ 2-хъ книгахъ, СПБ., 1827 г.» «Словарь писателей древняго періода Русской литературы X—XVII вѣка (862—1700 гг.), составилъ А. В. Арсеньевъ, подъ редакціей О. Ѳ. Миллера, СПБ. 1882 г.» и отчасти только что вышедшій въ 1889 г. первый томъ труда С. А. Венгерова: «Критико-біографическій словарь Русскихъ писателей и ученыхъ». Кромѣ того, гдѣ нужно, мы постоянно справлялись съ сужденіями такихъ авторитетовъ, какъ А. Х. Востоковъ (въ «Описаніи Русскихъ и Словенскихъ рукописей Румянцевскаго музея», СПБ. 1842 г.) и А. Горскаго и К. Невоструева (въ «Описаніи славянскихъ рукописей Московской синодальной библіотеки», 4 книги. СПБ. 1857—1862 гг.»). На основаніи этихъ спеціальныхъ трудовъ мы познакомились со всѣми несомнѣнно относимыми къ домонгольскому времени памятни-

ками письменной Русской литературы, которые сейчасъ и укажемъ. При этомъ мы не ограничивали себя схоластическими рубриками литературныхъ произведеній, но, слѣдя за мыслію и жизнью того времени, изучили всѣ памятники письменности, не исключая, напримѣръ, договоровъ, завѣщаній и т. п. Отмѣтить годами періодъ, на пространствѣ котораго письменные памятники нами разсмотрѣны, разумѣется, мы не можемъ точно. Приблизительно этотъ періодъ обнимаетъ собою время между введеніемъ христіанства въ Россіи и половиною тринадцатаго вѣка. Въ данномъ случаѣ мы руководились не годами, а самымъ содержаніемъ памятниковъ: тѣ памятники мы считали для себя обязательнымъ знать, въ которыхъ нѣтъ и намека на Монголовъ, тѣхъ же памятниковъ, въ которыхъ есть уже указанія на татарское иго, мы не касались вовсе. Для удобства въ своемъ указателѣ мы перечислимъ сначала опредѣленныхъ авторовъ того времени и извѣстные въ наши дни сочиненія ихъ, а потомъ приведемъ произведенія того времени, литературная принадлежность которыхъ тому или другому лицу еще не установлена. Вмѣстѣ съ этимъ мы будемъ указывать и изданія, въ которыхъ напечатаны тѣ, или другія памятники, по которымъ мы эти памятники и изучали. Вотъ эти авторы и произведенія домонгольской книжной литературы.

Св. Владиміръ, великій князь Кіевскій; съ его именемъ извѣстенъ «Церковный уставъ» о правахъ духовенства и о церковномъ судѣ. Напечатанъ въ «Дополненіяхъ къ актамъ историческимъ, собранныхъ и изданныхъ Археологическою Коммиссіею», I т. Спб. 1846 г. подъ № 1, 1—2 стр. и въ первомъ томѣ «Исторіи Русской Церкви», Макарія, архіепископа Харьковскаго, 2-го изданія, СПБ. 1868 г. подъ № 8 Приложеній, 281—286 стр.

Лука Жидята († 1069 г.), епископъ Новгородскій; въ наше время извѣстно только одно его «Поученіе къ братіи». Напечатано въ «Русскихъ Достопамятностяхъ», изд. Обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ. Часть 1-я. М. 1815 г. 7—10 стр. и въ 1-мъ томѣ «Исторіи Русской Церкви» Макарія, архіепископа Харьковскаго, изд. 2-е. СПБ. 1868 г. подъ № 6 Приложеній, 278—279 стр.

Св. Иларіонъ (1072 г. †) первый изъ Русскихъ митрополитъ Кіевскій; 1) «Слово о законѣ и благодати», продолженіемъ котораго служатъ:

2) «Похвала кагану нашему Владиміру» и

3) «Молитва къ Богу отъ всей земли нашей»,

4) «Поученіе о пользѣ душевной»,

5) «Исповѣданіе вѣры» и

6) «Слово къ брату столпнику». Послѣднее напечатано въ «Извѣстіяхъ и Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета, 1865 г. вып. I въ отдѣлѣ «Записокъ», 57—79 стр., а всѣ остальныя въ «Прибавленіяхъ къ Твореніямъ Святыхъ Отцовъ», часть II, М. 1844 г. 204—299 стр.

Ярославъ, великій князь Кіевскій; съ его именемъ извѣстенъ «Церковный уставъ», опредѣляющій преступленія, подлежавшія суду духовенства, а также и наказанія за нихъ. Напечатана во второмъ томѣ «Исторіи Русской Церкви», Макарія, архіепископа Харьковскаго, 2-го изданія, СПБ. 1868 г. подъ № 13 Приложеній, 377—380.

Св. Θеодосій († 1074 г.) игуменъ Кіевопечерскій; изъ его сочиненій извѣстны: пять словъ къ инокамъ:

1) «Слово о терпѣніи и любви»;

2) «Слово о терпѣніи и о любви»;

3) «Поученіе о терпѣніи и милостыни»;

4) «Поученіе о терпѣніи и о смиреніи» и

5) «Поученіе о хожденіи въ церковь и о молитвѣ», еще два слова къ инокамъ, ошибочно приписанныя Θеодору Студиту:

6) «Во вторникъ 3 недѣли поста слово утѣшительное къ братіи о пользѣ душевной;

7) «Въ среду 3 недѣли поста поученіе о пользѣ душевной»

8) «Слово къ келарю».

9) «Поученіе о казняхъ Божіихъ».

10) «Слово (такъ называемое) о тропарныхъ чашахъ», четыре отрывка изъ поученій:

11) — передъ началомъ поста,

12) — о смиреніи,
и 13) — о нестяжательности

14) — о подвигахъ монашескихъ вообще; два посланія великому князю Изяславу

15) — о Латынѣхъ и

16) — о воскресномъ днѣ и постѣ въ среду и пятницу, и наконецъ, двѣ молитвы:

17) — за всѣхъ христіанъ и

18) — написанная по просьбѣ Симона Варяга. Поученіе къ келарю напечатано во 2-мъ томѣ «Исторіи Русской Церкви», архіепископа Макарія, 2-го изданія, СПБ. 1868 г. подъ № 3 Приложеній, 334—335 стр. Остальныя произведенія Св. Ѳеодосія напечатаны преосвященнымъ Макаріемъ въ «Ученыхъ Запискахъ втораго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ», книга II, вып. II, СПБ. 1856 г. 193—224 стр. кромѣ двухъ, приписанныхъ Ѳеодору Студиту, нигдѣ еще не напечатанныхъ; съ послѣдними мы познакомились по рукописному сборнику Румянцевскаго Музея, № 406, 99 листъ на оборотѣ — 103 листъ. О нѣкоторыхъ произведеніяхъ Св. Ѳеодосія необходимо сказать нѣсколько словъ. А. В. Вадковскій въ «Православномъ Собесѣдникѣ» 1876 г. 3 ч. 277—297 стр. отвергъ принадлежность Св. Ѳеодосію двухъ поученій къ народу Русскому о казняхъ Божіихъ и о тропарныхъ чашахъ, четыре же, такъ называемыхъ, отрывка его поученій онъ не признаетъ въ собственномъ смыслѣ литературными памятниками (ibid 277 стр. Примѣчаніе). Тѣмъ не менѣе мы принимаемъ ихъ во вниманіе и вотъ по какимъ соображеніямъ. Хотя и позаимствованы первые два Св. Ѳеодосіемъ изъ готоваго источника, но вѣдь никто не станетъ оспаривать ихъ приспособленность тогдашнему пониманію Русскихъ людей и ихъ соотвѣтствіе потребностямъ тогдашней жизни. А если такъ, то значитъ и эти поученія и отрывки вполнѣ могутъ служить свидѣтелями мысли и жизни того времени, что намъ собственно и нужно.

Іаковъ черноризецъ (мнихъ); изъ его сочиненій дошли до насъ:

1, «Память и похвала князю Русскому Владиміру»,

2, «Житіе блаженнаго Владиміра»,

3, «Сказаніе о страстотерпцахъ святыхъ мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ» и

4, «Посланіе къ великому князю Изяславу Ярославичу».

Первыя два произведенія черноризца Іакова напечатаны въ «Христіанскомъ Чтеніи» 1849 г. II часть, 301—335 и 377—407 стр. тамъ же и третье, но послѣднее мы изучали кромѣ того и по изданію И. И. Срезневскаго въ «Сказаніяхъ о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ», Спб. 1860 г. 41—90 столбцы; четвертое—во второмъ томѣ «Исторіи Русской Церкви», архіепископа Макарія, 2-го изданія Спб. 1868 г. подъ № 6 Приложеній, 339—342 стр.

Св. Несторъ, монахъ Кіевопечерскій, лѣтописецъ; изъ сочиненій его извѣстны:

1, «Житіе преподобнаго Θеодосія, игумена печерскаго монастыря»,

2, «Сказаніе о жизни и убіеніи блаженныхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба»,

3, «Повѣсти временныхъ лѣтъ, откуду есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуду Русская земля стала есть».

Всѣ эти произведенія преподобнаго лѣтописца напечатаны: первое—въ «Памятникахъ Русской литературы XII и XIII вѣковъ», изданныхъ Владиміромъ Яковлевымъ, Спб. 1872 г. I—LXIV стр.; второе—въ «Сказаніяхъ о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ», изданныхъ И. И. Срезневскимъ, Спб. 1860 г. 1—40 столбцы, и третье—въ «Лѣтописи по Лаврентьевскому списку», изданіе Археографической Коммиссіи подъ редакціею А. Θ. Бычкова, Спб. 1872 г. 1—274 стр. и по другому списку въ «Лѣтописи по Ипатскому списку», изданіе Археографической Коммиссіи, подъ редакціею С. Н. Палаузова. Спб. 1871 г.

Даніилъ игуменъ; отъ него дошло до насъ одно сочиненіе, въ которомъ онъ описалъ свое путешествіе по святымъ мѣстамъ: «Паломникъ» или «Книга, глаголемая странникъ», напечатанная въ «Сказаніяхъ Русскаго Народа», собранныхъ

П. Сахаровымъ II т. книга 8, 11—35 стр. Спб. 1849 г. и отдѣльнымъ изданіемъ: «Путешествіе игумена Даніила по святой землѣ въ началѣ XII вѣка (1113—1115)», издано Археографическою Коммиссіею подъ редакціею А. С. Порова, съ его критическими замѣчаніями. Спб. 1864 г.

Владиміръ Мономахъ, великій князь Русскій (✝1125 г.); ему принадлежатъ:

1, «Поученіе къ своимъ дѣтямъ» и

2, «Грамота или посланіе (письмо) къ князю Олегу Святославичу. И поученіе и письмо сохранились въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи подъ 6604=1096 г. Напечатаны въ Лѣтописи по Лаврентьевскому списку» изданіе Археографической Коммиссіи, Спб. 1872 г. 232—246 стр.

Мстиславъ Владиміровичъ, великій князь Кіевскій (✝1132 г.); ему принадлежитъ жалованная «Грамота Новгородскому Юрьеву монастырю». Напечатана въ «Дополненіяхъ къ актамъ историческимъ», собранныхъ и изданныхъ Археографической Коммиссіей, I т. Спб. 1846 г. подъ № 2, 2-я стр.

Всеволодъ Мстиславичъ, князь Новгородскій; ему принадлежатъ: уставная «Грамота Церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ» въ Новгородѣ. Напечатана тамъ же подъ № 3, 2—4 стр. двѣ «Грамоты Юрьеву монастырю», напечатаны въ «Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ, VIII т. Спб. 1859—1860 г 353—355 стр., и «Церковный уставъ» или «Грамота Новгородскому владыкѣ» или «Софійскому собору». Напечатана во 2 томѣ «Исторіи Русской Церкви», архіепископа Макарія, 2-го изданія, Спб. 1868 г. подъ № 14 Приложеній, 380—383 стр.

Святославъ Ольговичъ, князь Новгородскій; ему принадлежитъ «Уставъ» или уставная грамота Новгородскому Софійскому Собору. Напечатана въ «Русскихъ Достопамятностяхъ», изданныхъ Обществомъ Исторіи и древностей Россійскихъ, 1-я часть, М. 1815 г. 82—85 стр.

Св. Антоній Римлянинъ, игуменъ основаннаго имъ въ Новгородѣ монастыря (✝1047 г.); ему принадлежатъ двѣ грамоты

своему монастырю, одна—жалованная, а другая—духовная, или завѣщаніе. Напечатаны въ «Исторіи Россійской іерархіи, собранной (исторіи) Новгородской семинаріи Ректоромъ и Богословія Учителемъ, Антоніева монастыря архимандритомъ Амвросіемъ», часть III, М. 1811 г. 123—126 стр.

Изяславъ Мстиславичъ, великій князь Кіевскій; ему принадлежитъ «Грамота Новгородскому Пантелеймонову монастырю». Напечатана въ «Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ, VIII т. 354 стр. Спб. 1859—1860 г.

Ростиславъ Мстиславичъ, князь Смоленскій: ему принадлежитъ «Уставная грамота» (съ подтвержденіемъ епископа Смоленскаго Мануила) Смоленской епископіи. Напечатана «въ Дополненіяхъ къ актамъ историческимъ», собранныхъ и изданныхъ Археографической Коммиссіей, I т. Спб. 1846 г. № 4, 5—8 стр

Кирикъ, іеродіаконъ Новгородскаго Антоніева монастыря; ему принадлежитъ «Вопрошаніе» Нифонта, епископа Новгородскаго и другихъ пастырей Церкви. Напечатана въ 6-мъ томѣ «Русской Исторической Библіотеки», изданномъ Археографической Коммиссіей подъ редакціей профессора Павлова, Спб. 1880 г. подъ № 2.

Андрей, игуменъ Новгородскаго Антоніева монастыря; описалъ жизнь своего учителя: «Сказаніе о житіи преподобнаго и богоноснаго отца нашего Антонія Римлянина». Напечатано въ «Православномъ Собесѣдникѣ» 1858 г. II часть, 159—171 и 310—324 стр.

Георгій Симоновичъ, тысяцкій; отъ него дошло до насъ «Завѣщаніе», написанное имъ для своихъ потомковъ. Напечатано въ «Древнихъ памятникахъ Русскаго письма и языка (X—XIV вѣковъ). Общее повременное обозрѣніе съ палеографическими указаніями и выписками изъ подлинниковъ и изъ древнихъ списковъ. Трудъ И. Срезневскаго». Спб. 1863 г. 32 стр. 1 столбецъ.

Св. Кириллъ, епископъ Туровскій († 1181 г.); отъ него дошло

до нась довольно много литературныхъ произведеній: девять воскресныхъ словъ:

1, «Слово въ недѣлю Цвѣтоносную».
2, «Слово на Святую Пасху»;
3, «Слово въ недѣлю Ѳомину»,
4, «Слово въ недѣлю Мироносицъ»,
5, «Слово въ недѣлю о разслабленномъ»,
6, «Поученіе въ 5 недѣлю по Пасхѣ»;
7, «Слово въ 6 недѣлю по Пасхѣ»,
8, «Слово на Соборъ 318 Святыхъ Отецъ» и
9, «Поученіе на Пятидесятницу»;
10, «Слово на Вознесеніе Господне»,
11, «Слово о премудрости»,
12, «Сказаніе о монашескомъ чинѣ»,

13) «Посланіе къ Василію, игумену Печерскому».

14) Второе посланіе къ нему же: «Посланіе нѣкоего старца о скитѣ».

15) «Притча о человѣческой душѣ и о тѣлѣ (о слѣпцѣ и хромцѣ).

16) «Молитвы, числомъ 30, на всю недѣлю, по нѣскольку на каждый день».

17) Канонъ молебный.

18) Исповѣданіе и поминовеніе, и

19) Отрывокъ молитвы на исходъ души. Всѣ эти произведенія Русскаго Златоуста XII вѣка напечатаны особымъ изданіемъ: «Творенія Святаго отца нашего Кирилла, Епископа Туровскаго съ предварительнымъ очеркомъ исторіи Турова и Туровской іерархіи до XIII вѣка. Изданіе преосвященнаго Евгенія, епископа Минскаго и Туровскаго», Кіевъ, 1880 г., но мы изучали творенія Святаго Кирилла (кромѣ послѣднихъ трехъ) по изданію въ «Памятникахъ Россійской Словесности XII вѣка», изданныхъ К. Калайдовичемъ, М. 1821 г., 3—156 стр., а «Посланіе нѣкоего старца»—въ «Прибавленіяхъ къ твореніямъ Святыхъ Отцевъ» часть X, М. 1851 г. 346—357 стр.

Св. Варлаамъ, игуменъ Хутынскаго монастыря; ему принадлежитъ «Вкладная грамота» Хутынскому монастырю. Напечатана

въ «Дополненіяхъ къ актамъ историческимъ, собранныхъ и изданныхъ Археографической Коммиссіей», I т. СПБ. 1846 г., № 5, 8 стр.

Даніилъ Заточеникъ; ему приписывается посланіе къ князю Ярославу Владиміровичу Новгородскому: «Слово о Даниле Заточнике». Напечатано въ «Памятникахъ Россійской Словесности XII века», издано К. Калайдовичемъ, М. 1821 г., 229—240 стр.

Преп. Авраамій, игуменъ Смоленскаго Богородицкаго монастыря († 1221 г.); ему принадлежитъ «Слово о страшномъ суде и мытарствахъ». Напечатано въ «Памятникахъ Россійской Словесности XII века», изданныхъ К. Калайдовичемъ, М. 1821 г. 92—101 стр.

Антоній, Архіепископъ Новгородскій; отъ него дошло до насъ описанное имъ самимъ путешествіе его въ Царьградъ: «Книга Паломникъ. Сказаніе местъ Святыхъ въ Царьграде». Напечатана особымъ изданіемъ: «Путешествіе Новгородскаго Архіепископа Антонія въ Царьградъ въ конце XII столетія, съ предисловіемъ и примечаніями Павла Савваитова», СПБ. 1872 г. 65—184 столб.

Симонъ, епископъ Владимірскій и Суздальскій († 1226 г.); ему принадлежатъ:

1) «Посланіе къ Поликарпу, черноризцу Печерскому и

2) «Сказаніе о некоторыхъ (8) подвижникахъ печерскихъ, для того же Поликарпа. И Посланіе, и Сказаніе напечатаны въ «Памятникахъ Русской литературы XII и XIII вековъ; изд. Вл. Яковлевымъ, СПБ. 1872 г., LXXXV—CXXVI стр., а Посланіе, кроме того и въ «Памятникахъ Россійской Словесности XII века», изд. К. Калайдовичемъ. М. 1821 г., 249—256.

Поликарпъ, инокъ Кіевопечерскаго монастыря; отъ него дошло до насъ сказаніе о 13 подвижникахъ печерскихъ: «Посланіе къ Архимандриту Печерскому Акиндину о святыхъ и блаженныхъ черноризцахъ братіи нашей». Напечатано въ «Памятникахъ Русской литературы XII и XIII вековъ», изд. Вл. Яковлевымъ, СПБ. 1872 г., CXXVI—CLXXXVI стр.

Георгій, инокъ Зарубскаго монастыря; извѣстно его «Поученіе къ духовному сыну». Напечатано въ «Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ», И. Срезневскаго. I—XL. Выпускъ I, СПБ. 1867 г., 51—57 стр.

Климентъ, Новгородецъ (зажиточный горожанинъ, вѣроятно купецъ); съ его именемъ извѣстна «Духовная грамота», или Завѣщаніе. Напечатана тамъ же, выпускъ IV, 38—42 стр. *).

Кромѣ того, мы познакомились съ слѣдующими произведеніями несомнѣнно домонгольской письменности, авторы которыхъ до сихъ поръ остаются въ неизвѣстности:

«Кіевская лѣтопись», составляющая продолженіе «Повѣсти временныхъ лѣтъ (1111—1200 г.). Напечатана: «Лѣтопись по Ипатскому списку», изданіе Археографической Коммиссіи, подъ редакціею С. Н. Палаузова СПБ. 1871 г., 191—479 стр.

«Суздальская лѣтопись» (на пространствѣ разсматриваемаго нами времени), съ нею мы познакомились по списку монаха Лаврентія, напечатанному въ «Лѣтописи по Лаврентіевскому списку», изд. Археографической Коммиссіей, подъ редакціею А. Ѳ. Бычкова. СПБ. 1872 г., 275—464 стр.

«Переяславская лѣтопись»; напечатана: «Лѣтописецъ Переяславля-Суздальскаго, составленный въ началѣ XIII вѣка (между 1214 и 1219 годовъ) изданъ К. М. Оболенскимъ. М. 1851 г.

«Временникъ, еже есть нарицается лѣтописаніе князей земля Русскиа, и како избра Богъ страну нашу на послѣднее время, и грады почаша бывати по мѣстомъ, преже Новгородчкая волость і потомъ Кыевская, и о поставленіи Кіева, како во имя назвася Кыевъ». Напечатанъ: «Новгородская лѣтопись по Синодальному Харатейному списку». Изданіе Археографической Коммиссіи, подъ редакціей Н.

*) Когда этотъ обзоръ уже былъ составленъ, вышло изслѣдованіе г. Никольскаго о литературныхъ трудахъ Климента Смолятича (XII в.).

Н. Саввантова, СПБ. 1888 г. (Такъ названная Новгородская первая Лѣтопись).

Та же Новгородская лѣтопись сохранилась еще въ спискѣ архивскомъ или Малиновскаго.

«Книга, глаголемая Лѣтописецъ Новгородскій въ кратцѣ, церквамъ Божіимъ». Послѣднія двѣ извѣстны подъ названіемъ Новгородская вторая (архивскій списокъ) и Новгородская третья лѣтописи и напечатаны вмѣстѣ «Новгородскія лѣтописи», изд. Археографической Коммисіи, подъ редакціей А. Ѳ. Бычкова, СПБ. 1879 г. Съ Новгородскими лѣтописями мы познакомились тоже на пространствѣ домонгольскаго времени.

«Русская Правда»,—сборникъ юридическихъ постановленій великаго князя Ярослава, его сыновей и Владиміра Мономаха. Мы изучали ее по изданію Н. Калачева: «Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды», выпускъ первый, изданіе второе, СПБ. 1880 г.

Мирный договоръ князя Ярослава Владиміровича и Новгородцевъ съ нѣмецкими послами (1199 г.); напечатанъ: «Грамоты, касающіяся до сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригою и ганзейскими городами, въ XII, XIII и XIV вѣкѣ. Найдены въ Рижскомъ архивѣ К. Э. Напіерскимъ и изданы Археографическою Коммиссіею (съ 8-ю литографированными снимками)». СПБ. 1857 г. № 1.

Договоръ Смоленскаго князя Мстислава Давыдовича, заключенный съ городомъ Ригою и Готскимъ берегомъ (1229 г.); съ нимъ мы познакомились въ «Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ, хранящихся въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ», часть вторая, служащая дополненіемъ къ первой, М. 1819 г. № I, 1—5 стр.

Договорная грамота Смоленскаго князя съ Ригою и Готскимъ берегомъ (послѣ 1230 г.); напечатана въ «Древнихъ памятникахъ Русскаго письма и языка (X—XIV вѣковъ). Общее повременное обозрѣніе съ палеографическими указаніями и выписками изъ подлинниковъ и изъ древнихъ

списковъ. Трудъ И. Срезневскаго», СПБ. 1863 г., 223—225 стр.

Житіе святой великой княгини Ольги; напечатано въ «Исторіи Русской Церкви» Макарія, архіепископа Харьковскаго, I т. 2-е изданіе. СПБ. 1868 г. подъ № 5 Приложеній, 276—278 стр.

Житіе святаго Леонтія, епископа Ростовскаго; напечатано въ «Православномъ Собесѣдникѣ», 1858 г. часть I. 301—317 стр.

Житіе святаго Алексѣя, человѣка Божія; напечатано въ «Свѣдѣніяхъ и Замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ», И. Срезневскаго, I—IL, СПБ. 1867 г. выпускъ IV, № XXXI, 1—18 стр.

Сказанія о жизни и чудесахъ Святителя Николая; напечатаны тамъ же подъ № XXXII, 19—29 стр.

Слово на перенесеніе мощей Святителя Николая; напечатано въ «Исторіи Русской Церкви» Макарія, архіепископа Харьковскаго, II т. 2-е изданіе, СПБ. 1868 г. подъ № 7 Приложеній, 243—247 стр.

Слово о багачѣ и о Лазарѣ; напечатано въ «Свѣдѣніяхъ и Замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ» И. Срезневскаго, выпускъ III, № XXIII, 28—33 стр.

«Слово нѣкоего отца къ своему сыну, душеполезное»; напечатано въ «Москвитянинѣ» 1851 г. Мартъ, № 6, книга 2-я, 134—138 стр.

«Слово нѣкоего христолюбца, ревнителя по правой вѣрѣ»; напечатано въ «Лѣтописяхъ Русской литературы и древностей», издаваемыхъ Николаемъ Тихонравовымъ, IX т. М. 1862 г. III, Смѣсь, 89—91 стр.

«Слово отъ Святаго Евангелія»; напечатано тамъ же, 105—106 стр.

«Слово Святаго Отца нашего Іоанна Златоуста, Архіепископа Константинопольскаго» противъ вѣрованій и обрядовъ язычества; напечатано тамъ же, 107—110 стр. (Надписаніе поученій именами Святыхъ Отцевъ не должно смущать насъ относительно Русскаго происхожденія этихъ

поученій: въ старину переписчики, а можетъ быть иногда и сами авторы, для приданія большей авторитетности поученіямъ чисто русскимъ, или передѣланымъ изъ святоотеческихъ, намѣренно приписывали ихъ Святымъ Отцамъ или тому или другому изъ вселенскихъ Святителей, и даже Апостоламъ (см. тамъ же Предисловіе, 87 стр.).

«Слово и откровеніе Святыхъ Апостолъ», тоже противъ язычества; напечатано тамъ же, III томъ, М. 1861 г. II, Матеріалы, 3—6 стр.

«Слово о злыхъ женахъ» напечатано тамъ же, III Смѣсь, V т. М. 1863 г.

«Слово Святыхъ Отецъ» противъ непочитающихъ Св. Писаніе; напечатано тамъ же 145—147 стр.

«Поученіе правыя вѣры, душеполезное»; съ этимъ и слѣдующими словами мы познакомились по изданію ихъ въ «Исторической христоматіи церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ», Ѳ. И. Буслаева, М. 1861 г. 483—485 столб.

«Слово Святыхъ отецъ о пьянствѣ, тамъ же, 485—486 столбецъ.

«Слово нѣкоего старца о подвигѣ душевномъ и о пьянствѣ, тамъ же, 486—487 столбецъ.

«Слово Іоанна, Архіепископа Константинопольскаго» о созданіи Адама; тамъ же, 487—488 столб.

«Слово о Воскресеніи Господнѣ и о Свѣтлой недѣлѣ», тамъ же, 488—489 столб.

«Слово Іоанна Златоуста о постѣ»; тамъ же, 489—490 столб.

«Слово Святаго Отца Василія о постѣ»; тамъ же, 498—499 столб.

«Слово о постѣ великомъ и о петровѣ говѣньи и о филипповѣ»; тамъ же, 503—504 столб.

«Слово Святаго Григорія противъ язычества»; тамъ же, 528—530 столб.

«Слово Святыхъ Отецъ о постѣ»; напечатано въ «Православномъ Собесѣдникѣ», 1858 г. часть первая, 141—167 стр.

«Отрывки изъ двухъ *Сборниковъ* (XII вѣка) *поученій*; отрывки изъ одного Сборника (финляндскіе) напечатаны И. И. Срезневскимъ въ «Свѣдѣніяхъ и Замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ», XLI—LXXX, Спб. 1876 г. подъ № XLI, 34—36 стр; а другіе—П. А. Лавровскимъ въ «Описаніи семи рукописей Императорской С.-Петербургской Публичной Библіотеки», М. 1858 г., 51—54 стр.

Изъ церковныхъ службъ, написанныхъ на Руси въ домонгольскій періодъ, мы имѣли возможность познакомиться только съ одною стихирою Св. Θеодосію и нѣсколькими—святымъ мученикамъ Борису и Глѣбу; первая напечатана въ «Древнихъ памятникахъ Русскаго письма и языка (X—XIV вѣк.); Общее повременное обозрѣніе съ палеографическими указаніями и выписками изъ подлинниковъ и изъ древнихъ списковъ», трудъ И. Срезневскаго, Спб. 1863 г., Дополненія, 179 стр; а вторыя въ «Исторической христоматіи церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ», Θ. И. Буслаева, М. 1861 г. 56—57 столб.

Кромѣ этихъ чисто Русскихъ произведеній письменности домонгольскаго періода, для своихъ цѣлей мы считали обязательнымъ пользоваться и сочиненіями пастырей Русской Церкви того времени—Грековъ по происхожденію и образованію. Несомнѣнно, литературная дѣятельность ихъ на Руси вызывалась потребностями того времени и такъ или иначе отвѣчала запросамъ вѣры и жизни тогдашнихъ Русскихъ людей. Съ другой стороны ихъ произведенія не только не стоятъ въ противорѣчіи и разногласіи со взглядами извѣстныхъ русскихъ писателей домонгольскаго періода, но, сходясь съ ними во всемъ основномъ и существенномъ, нерѣдко дополняютъ, развиваютъ и разъясняютъ ихъ. Все это даетъ намъ право присоединить къ произведеніямъ Русской домонгольской письменности, какъ памятникамъ мысли и быта того времени, и слѣдующія сочиненія Грековъ-Митрополитовъ Русской Церкви. Назовемъ этихъ Митрополитовъ и извѣстныя въ наше время ихъ произведенія.

Георгій, Митрополитъ Кіевскій († 1077 г.); до нашего времени сохранилось одно его полемическое сочиненіе противъ Латинъ: «Стязанье съ Латиною»; напечатано во II т. «Исторіи Русской Церкви» Макарія, Архіепископа Харь-

ковскаго, 2-е изданіе, Спб. 1868 г. подъ № 8 Приложеній, 347—352 стр.

Іоаннъ II, Митрополитъ Кіевскій († 1089 г.); изъ его произведеній извѣстны въ настоящее время два его посланія: «Отвѣтное посланіе Іакову черноризцу» или «Правила церковныя отъ святыхъ книгъ» и «Посланіе къ Клименту (III), папѣ Римскому»; первое напечатано въ VI-мъ томѣ «Русской Исторической Библіотеки», издаваемой Археографическою Коммиссіею, Спб. 1880 г., подъ № 1; а второе—въ «Ученыхъ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ», книга I, Спб. 1854 г., 1—20 стр.

Никифоръ, Митрополитъ Кіевскій († 1121 г.); изъ его сочиненій извѣстны:

1, «Посланіе къ Владиміру Всеволодовичу (Мономаху), князю всея Руси» противъ Латинъ; напечатано въ «Памятникахъ Россійской Словесности XII вѣка», изд. К. Калайдовичемъ, М. 1821 г., 157—163 стр.

2, «Посланіе къ Ярославу Святославичу, князю Муромскому, написаніе на Латыну»; напечатано во II томѣ «Исторіи Русской Церкви» Макарія, Архіепископа Харьковскаго, 2-е изданіе, СПБ; 1868 г, подъ № 10 Приложеній, 358—366 стр.;

3, «Посланіе о Латинахъ къ неизвѣстному князю»; напечатано тамъ же подъ № 9, 352—357 стр.;

4, «Посланіе къ великому князю Владиміру Всеволодовичу» (Мономаху) по поводу наступленія поста; напечатано въ «Русскихъ Достопамятностяхъ», изд. Обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ, часть 1, М. 1815 г. 61—75 стр., и

5, «Поученіе въ недѣлю Сыропустную»; напечатано во II томѣ «Исторіи Русской Церкви», Макарія, Архіепископа Харьковскаго. 2-е изданіе, СПБ. 1868 г. подъ № 11 Приложеній, 366—369 стр.

Кириллъ I, митрополитъ Кіевскій († 1233 г.); ему приписывается одно произведеніе: «На поученіе ко всѣмъ крестьяномъ»,

состоящее изъ 18 отдѣльныхъ наставленій или «словъ»: «о вѣрѣ правой и о любви, о постѣ, о сусѣдѣ, о монастырѣхъ, о епископѣ, о попѣхъ, о князѣхъ, о друзѣхъ, о страсѣ, о челяди, о женнѣи смерти, о волхвахъ, о тайнѣ, о снѣхъ, о смиреніи, о храборствѣ, о рабѣхъ и, наконецъ, о молитвѣ». Напечатано въ «Москвитянинѣ» 1851 г. Мартъ, № 6, книга 2, 119—134 стр.

Этимъ исчерпывается весь книжный матеріалъ, оставшійся нѣмымъ свидѣтелемъ внутренней, духовной жизни Руси въ домонгольскій періодъ. Какъ видно изъ нашего перечня, въ него не вошли (по недоступности) только весьма немногія (изъ общепризнанныхъ) произведенія Русской домонгольской письменности.

Такимъ образомъ, подводя итогъ перваго рода матеріаламъ нашей работы, мы можемъ сказать, что нами изучены и помѣщены въ перечень безусловно всѣ памятники домонгольской письменности общепризнанные и напечатанные и два рукописныхъ.

Намъ остается теперь сказать нѣсколько словъ о второмъ видѣ матеріаловъ нашей работы,—о памятникахъ Русской народной или устной литературы домонгольскаго времени.

Русская народная литература далеко опережаетъ собою литературу письменную. Явившись на поприщѣ исторіи отдѣльной и самостоятельной единицей, готовой внутренне поддерживать и внѣшне отстаивать особность и цѣлость своего существованія, Русскій народъ вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ уже свою достаточно сформировавшуюся нравственную физіономію, свои, выработанныя, можетъ быть, долгими вѣками, мысли и чувства, свою жизнь. Это то богатство своего молодаго и бодраго духа, эти черты своей свѣжей народной жизни онъ и переложилъ въ прекрасныя поэтическія созданія, въ свои пѣсни-былины. Въ нихъ онъ встаетъ передъ нами со всѣмъ дохристіанскимъ содержаніемъ своего сознанія и жизни, но ихъ первая и основная черта, строго современная именно той порѣ чисто отрицательная. Тогдашняя жизнь только что слагавшагося народа прежде всего ставила этому народу вопросъ о его «быть или не быть», вопросъ о томъ, чтобы съ внѣшней стороны отстоять цѣлость своего существованія, вопросъ о борьбѣ съ внѣшними и внутренними врагами зачинавшагося общества. Разумѣется, Русскій народъ отвѣчалъ полною готовностію на открытую и рѣшительную

борьбу съ этими врагами, и вдохновляемый порывами искренняго и полнаго самоотверженія, въ лицѣ своихъ пѣвцовъ—рапсодовъ воспѣлъ волновавшія и занимавшія его теперь мысли, чувства и идеалы, олицетворивъ ихъ въ образѣ своихъ героевъ—богатырей (разумѣемъ богатырей Владиміровыхъ или Кіевскаго цикла). И этотъ, такъ сказать, отрицательный характеръ былевыхъ идеаловъ Русскаго народа остался красною нитью, проходящею черезъ всѣ былины строго Кіевскаго цикла. Разумѣется, въ качествѣ необходимыхъ подробностей къ характеристикѣ и того времени, и тогдашнихъ героевъ, въ былинахъ содержится неисчерпаемое богатство и положительныхъ сторонъ Русской мысли и Русской жизни, но сами богатыри остаются прежде всего носителями силы естественной, силы внѣшней и выразителями отрицательныхъ идеаловъ Русскаго народа, идеаловъ самоотверженія.

Со времени принятія христіанства, когда всѣ силы Русскаго народа главнѣе всего направились въ другую сторону, въ сторону своего внутренняго развитія и благоустройства внутренней жизни своего общества по христіанскимъ идеаламъ и при благодатномъ содѣйствіи Божественной помощи, на смѣну прежнимъ богатырямъ явились носители новой, внутренней силы, силы облагодатствованной. Правда, былевая пѣсня не забылась, и богатыри въ устахъ пѣвцовъ приняли «христіанскую вѣру», но уже смыслъ ихъ дальнѣйшаго существованія, ихъ «raison d' être» прекратился, «богатыри перевелись на Руси», и былины не получили своего дальнѣйшаго развитія на христіанской почвѣ, и остаются въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ застало ихъ на Руси христіанство, съ немногими и весьма замѣтными позднѣйшими вставками. Мы увидимъ потомъ, какъ высоко поэтически изобразилъ Русскій народъ этотъ переходный моментъ въ своей пѣсни: «Съ какихъ поръ перевелись витязи на Святой Руси».

Христіанство принесло съ собою новую тенденцію жизни, сообщило народу Русскому великіе идеалы своей исторіи, и своего ученія и, кромѣ того, даровало благодатную помощь въ дѣлѣ дальнѣйшаго развитія и усовершенствованія.—

Русскій народъ скоро сроднился съ новыми христіанскими идеалами и, увлекаемый неизвѣстными ему дотолѣ таинственными предметами и чаяніями новой вѣры, и изумительными подвигами новыхъ облагодатствованныхъ лицъ—героевъ, скоро запѣлъ свои «духовныя

стихи», картинно выражая въ нихъ свои вѣрованія и взгляды по разнымъ вопросамъ христіанскаго вѣроученія и жизни. Готовыхъ для нихъ образовъ, а иногда и цѣлыхъ поэтическихъ картинъ, онъ множество нашелъ въ христіанствѣ и, переработавъ все своимъ юнымъ чувствомъ, съ замѣчательнымъ воодушевленіемъ и искренностію воспѣлъ ихъ въ новомъ видѣ своего эпическаго творчества—въ «духовныхъ стихахъ» или «пѣсняхъ каликъ—перехожихъ». Въ нихъ открывается передъ нами все богатство положительнаго содержанія Русскаго, уже христіанскаго духа, всѣ его вѣрованія и убѣжденія, а иногда и совершенно реальныя картины Русскаго быта того времени. Изъ нихъ мы узнаемъ, какъ и въ какомъ видѣ, усвоивалъ христіанство Русскій народъ своимъ умомъ и своею жизнью. И если домонгольская письменная литература знакомитъ насъ со взглядами, прежде всего, передовыхъ Русскихъ людей того времени, то духовные стихи своимъ содержаніемъ вводятъ насъ всецѣло въ глубь души самого Русскаго народа. Творчество пѣвцовъ каликъ—перехожихъ здѣсь почти не имѣетъ значенія: «въ ихъ звукахъ слышится голосъ народа, въ ихъ чувствахъ и мысляхъ чувствуется біеніе—трепетаніе души народной», по счастливому выраженію А. И. Пономарева. Былины, какъ мы уже видѣли, по своему значенію для нашихъ цѣлей совершенно блѣднѣютъ передъ духовными стихами. Правда, послѣдніе главное свое развитіе получили уже послѣ домонгольскаго періода, но это нисколько не умаляетъ ихъ значенія для насъ: своимъ началомъ они восходятъ именно къ домонгольской порѣ; и при томъ та почва, на которой они развивались, постоянно оставалась одна и та же, и къ основнымъ идеаламъ Русскаго народа послѣдующее время уже ничего не прибавило.

И былины, и духовные стихи поются еще и теперь Русскимъ народомъ, хотя первыя уже замолкаютъ, и ихъ можно слышать только на сѣверныхъ и восточныхъ окраинахъ Россіи. Рѣдки уже и пѣвцы духовныхъ стиховъ—«калики перехожіе», но они есть еще на всемъ пространствѣ Россіи. Во все предшествующее время Русской исторіи эти пѣсни существовали постоянно, но счастливая мысль записывать это богатство народнаго литературнаго творчества явилась только въ нашъ вѣкъ и именно въ школѣ славянофиловъ. (Есть только одно случайное исключеніе—сборникъ Кирши Данилова, см. ниже).

Очень понятно, что это дѣло записыванія далеко еще не закончено,

и что нѣтъ еще одного систематическаго свода тѣхъ или другихъ пѣсенъ. Тѣмъ не менѣе и тѣхъ и другихъ появилось уже достаточное количество въ печати. Мы назовемъ здѣсь собранія былинъ и духовныхъ стиховъ, которыя мы нашли въ печати и по которымъ изучали Русскую народную литературу.

1) «Древнія Россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ, и вторично изданныя, съ прибавленіемъ 35 пѣсенъ и сказокъ, доселѣ неизвѣстныхъ, и нотъ для напѣва». М. 1818 г.

2) «Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ». Изданы Обществомъ Любителей Россійской Словесности. 10 выпусковъ, М. 1860—64, 1867, 1872 и 1874 г.г.

3) «Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ». 1 и 2 чч. М. 1861 и 1862 гг., 3-я часть, изданіе Олонецкаго губернскаго статистическаго комитета, Петрозаводскъ, 1864 г.

4) «Онежскія былины, записанныя А. Ѳ. Гильфердингомъ лѣтомъ 1871 года». СПБ. 1873 г.

5) «Калѣки перехожіе». Сборникъ стиховъ и изслѣдованіе П. Безсонова. 6 выпусковъ, М. 1861, 1863—1864 гг.

6) «Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ, составленный В. Варенцовымъ». Изданіе Д. Е. Кожанчикова, СПБ. 1860 г.

7) «Русскія народныя пѣсни, собранныя Петромъ Кирѣевскимъ. Часть 1-я. Русскіе народные стихи». Напечатаны въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, при Московскомъ Университетѣ». М. 1848 г., № 9, IV, Смѣсь, 145—226 стр.

8) «Сборникъ Русскихъ народныхъ пѣсенъ П. И. Якушкина». Напечатанъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1860 г. № 4. Апрѣль.

9) «Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, собранные П. С. Ефименкомъ. Часть 2-я. Народная словесность». Напечатаны въ «Извѣстіяхъ Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи», XXX т.; выпускъ 2. Труды этнографическаго отдѣла, книга V, выпускъ второй, подъ редакціей Н. А. Попова, М. 1878 г.

Здѣсь же мы назовемъ и одинокій памятникъ Русскаго дружиннаго эпоса того времени—«Слово о полку Игоревѣ, Игоря Святъславля, внука Ольгова». Мы изучали его по изданію Всев. Миллера въ его книгѣ: «Взглядъ на Слово о полку Игоревѣ», М. 1877 г., 162—178 стр.

Этимъ исчерпываются всѣ памятники Русской народной литературы домонгольскаго времени, съ которыми мы имѣли возможность познакомиться и изученіе которыхъ для нашихъ цѣлей мы считали для себя обязательнымъ.

Такимъ образомъ вотъ тотъ матеріалъ, по которому мы попытаемся воспроизвести пониманіе Русскимъ народомъ христіанства въ домонгольскій періодъ его исторіи.

Теперь намъ остается прямо перейти къ изложенію главнаго предмета нашихъ изслѣдованій

Наша задача—выяснить пониманіе христіанства Русскимъ народомъ въ домонгольскій періодъ—сама собою намѣчаетъ тѣ пункты, которымъ, главнымъ образомъ, должно быть посвящено наше изслѣдованіе. Само христіанство, какъ новый, или вѣрнѣе, возстановленный союзъ Бога съ человѣкомъ, какъ живое единеніе людей въ Богѣ, можетъ быть понимаемо различнымъ образомъ, и это пониманіе для каждаго человѣка и народа останется совершенно своеобразнымъ. Равнымъ образомъ, и многочисленные вопросы христіанской вѣры и жизни въ пониманіи каждаго человѣка и каждаго народа могутъ получить самую разнообразную окраску, соотвѣтственную цѣлому душевному складу извѣстнаго человѣка, или извѣстнаго народа. Правда, такое подраздѣленіе одного цѣлаго христіанства на христіанство вообще и на тѣ вопросы или части, изъ которыхъ оно слагается, возможно только въ нашемъ логическомъ мышленіи, въ существѣ же дѣла христіанство, какъ религія, какъ жизнь, не дѣлимо и представляетъ изъ себя одинъ цѣльный и стройный организмъ. Тѣмъ не менѣе, въ видахъ удобства изслѣдованія по правиламъ современной стройности и систематичности, намъ необходимо прибѣгнуть именно къ такому дѣленію предмета нашихъ изслѣдованій. Именно, сначала мы выяснимъ пониманіе Русскимъ народомъ христіанства вообще, какъ цѣльной религіи, а потомъ разсмотримъ, какъ отразились въ пониманіи Русскаго народа христіанская вѣра и христіанская жизнь. Соотвѣтственно этому наше дальнѣйшее изслѣдованіе будетъ состоять изъ трехъ главныхъ отдѣловъ. Въ первомъ

отдѣлѣ мы попытаемся представить пониманіе Русскимъ народомъ христіанства вообще, во второмъ—пониманіе различныхъ вопросовъ христіанской вѣры, а въ третьемъ—различныхъ вопросовъ христіанской жизни.

Итакъ, съ Богомъ, начнемъ съ пониманія Русскимъ народомъ христіанства вообще, какъ единой, цѣльной религіи.

I.

Церкви бо всѣмъ въходища та бо ны есть мати, поражающи крещеніемъ и питающи живущая въ ней безтрудно, одѣвающи же и веселящи вся вселъшаяся въ ню.

(*Св. Кириллъ Туровскій*).

Въ каждомъ народѣ христіанство появлялось въ то время, когда этотъ народъ имѣлъ уже свой собственный, въ большей или меньшей степени развитой складъ своей душевной жизни; въ каждомъ народѣ христіанство встрѣчало уже опредѣленный запасъ плодовъ его умственнаго и практическаго творчества. Это содержаніе внутренней жизни извѣстнаго народа, благодаря многоразличнымъ случайнымъ и чисто мѣстнымъ условіямъ, дававшимъ благопріятную почву для развитія только опредѣленныхъ силъ и способностей человѣка, естественно, характеризовалось преобладаніемъ только нѣкоторыхъ сторонъ его душевной жизни, сообщавшимъ опредѣленное направленіе его и умственной и практической дѣятельности. Поэтому-то это богатство внутренней жизни извѣстнаго народа, предшествовавшей принятію имъ христіанства, всегда носитъ на себѣ болѣе или менѣе односторонній характеръ и бываетъ у каждаго народа совершенно своеобразнымъ, составляя его типичное, его національное отличіе отъ всѣхъ другихъ народовъ,—то, что въ настоящее время извѣстно подъ именемъ «народности».

Христіанство, какъ благовѣстіе любви и свободы, являясь въ извѣстномъ народѣ, никогда не подавляло его личной особенности, никогда не уничтожало его народности и, представляясь народному сознанію подъ угломъ зрѣнія вѣрованій, убѣжденій и идеаловъ его

прежней жизни, подъ угломъ зрѣнія его народности, въ каждомъ народѣ получало особую окраску, особый характеръ, соотвѣтственно особенностямъ самой народности. Поэтому-то, и въ своей дальнѣйшей жизни, и въ своемъ практическомъ осуществленіи, въ каждомъ народѣ христіанство имѣетъ совершенно своеобразный характеръ, отвѣчающій личнымъ особенностямъ, такъ сказать, природной физіономіи извѣстнаго народа, въ тоже время само по себѣ вѣчно оставаясь единымъ и неизмѣннымъ. Справедливость этого можно прослѣдить въ исторіи каждаго христіанскаго народа, (на что мы отчасти намекнули въ предисловіи). Въ этомъ разнообразіи практическаго осуществленія христіанства каждымъ народомъ наши славянофилы видятъ Божественное назначеніе каждой помѣстной церкви, по которому каждая помѣстная церковь призвана къ уразумѣнію и осуществленію только нѣкоторыхъ сторонъ безусловной истины, сама же «Истина дана единенію всѣхъ и ихъ взаимной любви въ Іисусѣ Христѣ» [1]).

Разсуждая аналогично о Русскомъ народѣ, необходимо признать, что для выясненія вопроса о пониманіи имъ христіанства оказало бы неоцѣнимую услугу знаніе его племенныхъ особенностей, содержанія и направленія его душевной жизни ко времени принятія имъ христіанства. Но тутъ мы опять попадаемъ въ область непорѣшенныхъ и даже почти незатронутыхъ вопросовъ. Къ сожалѣнію, и матеріалъ, необходимый для рѣшенія этого вопроса, не отличается ясностью, опредѣленностію и полнотою. Тѣмъ не менѣе, насколько это возможно при нашихъ ограниченныхъ средствахъ, мы попытаемся уяснить для себя, что представлялъ собою Русскій народъ ко времени принятія имъ христіанства? Представляла ли хоть какое нибудь положительное содержаніе его умственная дѣятельность? Куда тяготѣла его народная душа, куда направлялись его силы и способности? Думается, что этимъ мы намѣтимъ путь къ выясненію нашей главной задачи. Разумѣется, мы не въ силахъ подымать и рѣшать коренные вопросы о Русской народности: мы только слегка затронемъ духовную жизнь Русскаго народа передъ принятіемъ имъ христіанства, и то ни на минуту не выходя изъ области гаданій...

Христіанство застало нашихъ предковъ въ самомъ началѣ перваго,

---

[1]) Соч. Хомякова, II т., 102 стр. Разъ встрѣтившуюся цитату въ другой разъ подробно мы не будемъ повторять.

если можно такъ выразиться, младенческаго періода ихъ исторической культурной жизни. Религія Русскихъ славянъ, которою обыкновенно исчерпывается вся умственная дѣятельность каждаго народа въ этомъ періодѣ, стояла на самой низкой ступени развитія. Русскій язычникъ былъ натуралистомъ въ буквальномъ и самомъ первомъ значеніи этого слова. [1]) Онъ скорѣе инстинктивно чувствовалъ, чѣмъ разумно сознавалъ, присутствіе какихъ-то таинственныхъ жизненныхъ силъ во всей окружающей его природѣ и, видя безусловный порядокъ и необходимость въ ихъ внѣшнихъ обнаруженіяхъ, а также и неотразимое вліяніе ихъ на него, благоговѣйно преклонялся передъ ними и обоготворялъ ихъ. Его живая и впечатлительная фантазія создала для нихъ различныя аллегорическія формы живой дѣйствительности, и поэтическому воображенію Русскаго славянина весь міръ представлялся полнымъ многочисленныхъ и разнообразныхъ видимыхъ и невидимыхъ духовъ: домовыхъ, лѣшихъ, водяныхъ и т. п. Онъ готовъ уже былъ объединить сродныя группы отдѣльныхъ явленій, выдѣлить ихъ родовыя черты и представить ихъ въ формѣ одного отвлеченнаго понятія, господствующаго и объединяющаго собою цѣлую группу подчиненныхъ явленій, готовъ былъ дать опредѣленный образъ этому родовому понятію — божеству цѣлой группы явленій, какъ богъ грома и т. п., и даже запечатлѣть этотъ образъ въ опредѣленныхъ формахъ пластическаго искусства, перенеся поклоненіе и связываемое съ извѣстнымъ образомъ представленіе на подставленный на его мѣсто кумиръ, — но тутъ его застало христіанство... Такъ на представленіи живой силы въ мірѣ, общей міровой жизни, и остановилась умственная жизнь Русскаго язычника. Язычества, въ смыслѣ опредѣленно сформировавшагося культа, въ смыслѣ теоріи

---

[1]) Изслѣдованія о Русскомъ язычествѣ можно найти въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: „О вліяніи христіанства на славянскій языкъ“ Ѳ. И. Буслаева, М. 1848 г., „Изслѣдованія о языческомъ богослуженіи древнихъ славянъ“ И. Срезневскаго, СПБ. 1848 г., „Миѳы славянскаго язычества“ Дм. Шеппинга, М. 1849 г., „Славянская миѳологія“ Н. Костомарова, Кіевъ, 1847 г., „Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу“ А. Афанасьева, М. I т. 1865 г., II т. 1868 г., III т. 1869 г. Намъ извѣстны еще нѣкоторыя спеціальныя изслѣдованія по отдѣльнымъ вопросамъ изъ Русскаго язычества, напр. И. И. Срезневскаго: „Роженицы Славянъ и другихъ языческихъ народовъ,“ въ Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи, изд. Калачевымъ, II кн. I пол. М. 1855 г. 97—122 стр. Д. А. Шеппинга: „О значеніи Рода и Роженицы“ во Временникѣ 1851 г., IX, 25—36 стр.

міроздапія, въ смыслѣ философски синтезированныхъ вѣрованій и воззрѣній на міръ видимый и невидимый — у Русскаго язычника не было.

Русскій язычникъ ничего не зналъ ни о своемъ происхожденіи, ни о своемъ назначеніи. Для рѣшенія этихъ вопросовъ онъ не выработалъ никакихъ данныхъ. Онъ только видѣлъ себя окруженнымъ какими-то таинственными силами, дѣйствовавшими на него съ такою неотразимою необходимостью, отъ которыхъ нерѣдко зависѣли его благосостояніе и самая жизнь, и въ благоговѣйномъ страхѣ преклонялся предъ невѣдомыми ему божественными силами и, поставляя себя въ полную зависимость отъ нихъ, свое отношеніе къ нимъ ограничивалъ участіемъ въ ихъ жизни (игры) и жертвоприношеніями, думая этимъ расположить ихъ въ свою пользу. Никакихъ опредѣленныхъ представленій не выработалъ онъ и о своей загробной жизни, которую предполагалъ скорѣе по чувству общей жизни, чѣмъ по сознанію ясныхъ вѣрованій въ то, что ожидаетъ его за гробомъ. Это ясно и изъ того, что онъ и не предполагалъ возможности иного рода существованія, чѣмъ какое онъ самъ переживалъ и видѣлъ кругомъ здѣсь на землѣ: вмѣстѣ съ покойникомъ Русскіе язычники сожигали или закапывали и весь его домашній скарбъ и даже женъ и слугъ, несомнѣнно, въ полной увѣренности, что, если и будетъ жить за гробомъ умершій, то тою же жизнью, какую проводилъ онъ здѣсь на землѣ. Правда, было объясненіе и происхожденія человѣка, какъ это видно изъ словъ двухъ волхвовъ на Бѣло-ѳзерѣ Яну, послу князя Святослава: «Богъ мывъся въ мовници и вспотивъся, отерся вѣтхемъ, и верже с небесе на землю; и распрѣся сотона с Богомъ, кому в немъ створити человѣка, и створи дьяволъ человѣка, а Богъ душю во нь вложи; тѣмже аще умреть человѣкъ, в землю идеть тѣло, а душа к Богу» [1]. Но это заносное и едва ли не богомильское объясненіе происхожденія человѣка, возбуждающее только массу другихъ недоумѣній, на которыя не находилось у Русскаго язычника отвѣта, остается чуждымъ Русскому народу и не можетъ характеризовать собою его вѣрованій. Для собственнаго Русскаго сознанія человѣкъ съ его временной и вѣчной судьбой оставался полной загадкой, понятной для него только съ одной стороны: человѣкъ — это одинъ изъ фактовъ общей міровой жизни. Тоже самое нужно

[1] „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ въ „Лѣтописи по Лаврентіевскому списку“, изд. Археографической Коммиссіи, СПБ. 1872 г., подъ 6579 (1071) г., 172 стр.

сказать и относительно космогоніи вообще. Міръ, какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ его явленіяхъ, былъ понятенъ Русскому человѣку только въ своемъ настоящемъ, только въ дѣйствительныхъ и видимыхъ обнаруженіяхъ жизни, и при томъ понятенъ только его поэтическому чувству. Вопросы же о происхожденіи міра, о его законахъ, ихъ связи и взаимодѣйствіи, о цѣли и назначеніи міра— остались незамѣченными еще Русскою мыслью, до рѣшенія ихъ было еще далеко. Русская мысль не поднялась еще до той ступени, когда является возможность задаваться различными отвлеченными вопросами и приступать къ такому или иному рѣшенію ихъ. Такое состояніе полнаго отсутствія какихъ либо вѣрованій и воззрѣній по основнымъ вопросамъ о мірѣ и человѣкѣ прекрасно выразилъ потомъ Русскій народъ въ одномъ изъ своихъ духовныхъ стиховъ:

«Отчего началися у насъ бѣлый свѣтъ;
«отчего у насъ солнце красное;
«отчего у насъ младъ свѣтёлъ мѣсяцъ;
«отчего у насъ звѣзды частыя;
«отчего у насъ зори свѣтлыя» [1])?
«Отъ чего зачинался нашъ буёнъ вѣтеръ?
«Отъ чего зачинался нашъ дробёнъ дождикъ?
«Отъ чего зачинался народъ Божій» [2])?

Словомъ, Русская мысль ко времени принятія христіанства не поднялась еще надъ фактами видимой и окружающей жизни и смотрѣла на нихъ сквозь призму поэтическаго чувства. Ея способности отвлекать и обобщать еще не успѣли проявить своей дѣятельности, и Русскій народъ не создалъ опредѣленныхъ вѣрованій и воззрѣній на существующее и, конечно, не возвелъ ихъ въ систему.

Такая бѣдность умственной, или, собственно, философской жизни Русскаго народа станетъ понятна, если мы обратимъ вниманіе на то состояніе, въ которомъ находился въ то время Русскій народъ, и на тѣ задачи, къ которымъ стремился онъ и къ достиженію которыхъ направлялъ всѣ свои силы и способности.

Русскіе славяне, ко времени принятія ими христіанства, еще только осѣли по свободному и дѣвственному пространству своей

---

1) „Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ“, сост. В. Варенцовымъ, СПБ. 1860 г. Стихъ „Голубиная книга“ № 4, 21 стр. Номераціи въ самомъ „Сборникѣ“ нѣтъ.

2) Ibid. № 1, стр. 12.

земли, едва сплотились въ одинъ народъ и начали новый, земледѣльческій быть. Защищая съ одной стороны свою цѣлость отъ внѣшнихъ враговъ, съ другой—все вниманіе ихъ было обращено на устройство своего внутренняго быта, на созданіе самостоятельнаго мощнаго и благоустроеннаго общества. И въ этой области они достигли, можно сказать, блестящихъ результатовъ. Они поняли и ясно сознали, что для жизни и успѣшнаго развитія общества первое и самое необходимое условіе—это полное самоотверженіе отдѣльныхъ личностей, изъ которыхъ слагается общество. Каждая отдѣльная личность должна всецѣло принести себя въ жертву обществу. Для этого прежде всего необходимо каждой личности выдти на рѣшительную борьбу съ собою, съ своими личными страстями и привязанностями и съ корнемъ вырвать изъ сердца идеалъ самопоклоненія и служенія самому себѣ. И русскій народъ выработалъ величавые идеалы самоотверженныхъ борцовъ на пользу общества и воплотилъ ихъ въ высоко-поэтическихъ образахъ своихъ могучихъ богатырей, особенно—въ образѣ своего главнаго любимца—Ильи Муромца. Богатыри, думалъ Русскій народъ, прежде всего должны забыть свои личныя страсти. И мы видимъ, какъ они, идя на служеніе народу, охотно покидаютъ все, что служитъ къ угожденію ихъ собственной личности: «золотой телецъ» для нихъ не существуетъ [1]), «прелесть женская» для нихъ несоблазнительна [2]), жажда крови, жажда воинской славы имъ была ненавистна,—такія порученія отъ князя они и исполняютъ то неохотно [3]),—выдѣленіе изъ ряда другихъ, власть—не манила ихъ [4]). Мало того, въ борьбѣ съ эгоистическими началами они не щадятъ даже самаго дорогаго для человѣка—жизни [5]), и, что

[1]) „Онежскія былины“ Гильфердинга, СПБ. 1873 г. Былины №№ 190, 210 и др.

[2]) Ibid. №№ 190, 271 и др., „Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ“, 2 выпускъ, М. 1861 г. I разрядъ, 2, 9 и др. пѣсни о Добрынѣ Никитичѣ, II разрядъ, 1 и др. пѣсни объ Алешѣ Поповичѣ.

[3]) Извѣстія Имп. Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, XXX т., выпускъ 2, М. 1878 г. Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губ. собр. П. С. Ефременкомъ, VII старина, 25—32 стр.; Кирѣевскій, 1 выпускъ, М. 1860 г. III разрядъ 4 пѣсня; 2 вып. II разр. 1 пѣсня, 1 разр. 9 пѣсня; Гильфердингъ, №№ 120 и 219.

[4]) Гильфердингъ, №№ 170 и 210; Кирѣевскій, 1 выпускъ, VI разрядъ, 1 пѣсня.

[5]) Напр. Илья Муромецъ въ ссорѣ съ княземъ Владиміромъ, см. пѣсни о Данилѣ Ловчанинѣ съ женою въ 3 вып. пѣсенъ Кирѣевскаго, М. 1861 г. 34 стр.

замѣчательнѣе всего, такимъ безграничнымъ самоотверженіемъ отличаются и женщины русскихъ былинъ, типической представительницей которыхъ является величавая Василиса Микулишна, жена Данилы Ловчанина [1]).

Съ такимъ беззавѣтнымъ самоотверженіемъ выходятъ богатыри на служеніе народу:

«Приклонялся Илюшка къ своему батюшкѣ
«Къ государынѣ своей матушкѣ:
«Государь мой батюшка, Иванъ Тимофеевичъ,
«Государыня матушка!
«Дайте мнѣ великое благословеньицо,
«Ѣхать въ Кіевъ градъ къ князю Володимеру,
«На поможеніе и на сбереженіе» [2]).

Едва ли мы ошибемся, если эту просьбу Ильи Муромца признаемъ за характерное выраженіе пониманія Русскимъ народомъ того назначенія, которое лежало на каждой личности по отношенію къ цѣлому обществу. «Помочь» Русскому народу избавиться въ его внутренней жизни ото всего вреднаго для его новаго быта, «сберечь» цѣлость Русскаго общества отъ всѣхъ его внѣшнихъ враговъ,—въ этомъ русскій народъ видѣлъ вѣнецъ самоотверженія и истинное призваніе каждаго члена своего общества безъ различія даже половъ [3]). Едва ли имѣли другую цѣль и такія проявленія всеобщаго участія въ обсужденіи дѣлъ народныхъ, о которыхъ разсказываетъ лѣтописецъ: «Новгородци бо изначала, и Смольняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти якоже на думу на вѣча сходятся, на что же старѣйшии сдумають, на томъ же пригороди стануть» [4]).

Понятно, что такое пониманіе общественнаго служенія, правда, строго отвѣчало своему времени, но вслѣдствіе этого было совершенно одностороннимъ: оно упускало изъ ви у цѣлую область внутренней жизни общества, положительныхъ отношеній его членовъ между собою. Когда же эти послѣднія заявили о своихъ правахъ на существованіе, у русскаго народа ничего не нашлось для ихъ удовлетворенія, и онъ самъ сознавалъ это отсутствіе въ себѣ положи-

---

1) См. только что указанныя пѣсни, 28—38 стр.
2) Кирѣевскій, I выпускъ, III разрядъ 1 пѣсня.
3) Напр.: у Гильфердинга № 77.
4) „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ подъ 6684 (1176) г. 358 стр.

тельныхъ основъ общественной жизни: «земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ» [1]), говорилъ онъ самъ о себѣ. Когда же были принесены со стороны новыя начала для жизни и развитія внутреннихъ взаимныхъ отношеній членовъ общества, идеалы «оберегателей», естественно, должны были сойти со сцены и уступить имъ свое мѣсто. Этотъ переходный моментъ прекрасно выразилъ русскій народъ въ образѣ борьбы «витязей» съ таинственными «воителями»:

«И говоритъ Алеша Поповичъ младъ:
«Подавай намъ силу не здѣшнюю:
«Мы и съ тою силою, витязи, справимся!»
«Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
«Такъ и явились двое воителей,
«И крикнули они громкимъ голосомъ:
«—А давайте съ нами, витязи, бой держать?
«—Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро.—
«Не узнали витязи воителей;
« . . . .
«Бросились на силу всѣ витязи,
«Стали они силу колоть—рубить.
«А сила все растетъ да растетъ,
«Все на витязей съ боемъ идетъ.
« . . . .
«Испугались могучіе витязи,
«Побѣжали въ каменныя горы,
«Въ темныя пещеры.
«Какъ подбѣжитъ витязь къ горѣ,
«Такъ и окаменѣетъ;
«Какъ подбѣжитъ другой,
«Такъ и окаменѣетъ;
«Какъ подбѣжитъ третій,
«Такъ и окаменѣетъ.
«Съ тѣхъ то поръ и перевелись витязи на Святой Руси» [2]).

Такъ не устояли могучіе представители борьбы передъ незначи-

---

[1]) Ibid. подъ 6370 (862) г. 19 стр.
[2]) Кирѣевскій, выпускъ 4, М. 1862 г. 113—115 стр.

тельными съ виду глашатаями новой жизни. Тѣ же силы, которыя направляли богатыри на свою дѣятельность, теперь посвящаются на служеніе новымъ началамъ. Этотъ поворотъ теченія жизни въ другую сторону, въ сторону внутренняго благоустройства, Русскій народъ художественно выразилъ въ духовномъ стихѣ о «Егоріи храбромъ», заставивъ послѣдняго изъ воина превратиться въ христіанскаго миссіонера:

«Государыня моя матушка,
«Святая Софія Премудрая!
«Воздай мнѣ свое благословеніе
«Поѣду я по всей землѣ свѣтло-Русской;
«Утвердить вѣру христіанскую» [1]).

Такимъ образомъ мы приходимъ къ тому заключенію, что въ умственной жизни Русскій народъ не создалъ никакихъ отвлеченныхъ, опредѣленныхъ и систематизированныхъ знаній и всею душею тяготѣлъ къ устройству своего общественнаго быта, Въ этой области онъ выработалъ высокіе, но отрицательные идеалы самоотверженія, послужившіе благопріятной почвой для христіанства, положительныхъ же началъ общественной жизни онъ не имѣлъ.

Такъ, съ неяснымъ представленіемъ всеобщей жизни и желаніемъ создать общественную жизнь Русскій народъ сталъ лицомъ къ лицу съ христіанствомъ и въ немъ сразу же увидѣлъ неизсякаемый источникъ, высочайшее начало и безконечную полноту всей жизни.

Первое, что со всею ясностію предстало въ христіанствѣ вѣрующему сознанію Русскаго народа—это то Высочайшее Начало, къ Которому возводится все существующее, отъ Котораго получило оно свое бытіе, Которое все Собою обнимаетъ, и въ Которомъ вся жизнь—это христіанскій Богъ—Богъ живой, дѣятельный, а потому и личный. Въ немъ начало всякаго бытія, Онъ творецъ всего міра видимаго и невидимаго, творецъ всѣхъ живыхъ существъ и самаго человѣка. «Не суть то бози, но древо»,—говорилъ христіанинъ—Варягъ язычникамъ,—«днесь есть, а утро изъгніеть; ни ядять бо, ни пьють, ни молвять, но суть дѣлани руками в деревѣ; а Богъ есть единъ, емуже служать Грьцы и кланяются, иже створилъ небо, и землю, и звѣзды, и луну, и солнце, и человѣка, и далъ есть ему

---

[1]) Кирѣевскій, выпускъ 2, III разрядъ, 105 пѣсня, 440—456 стр.

жіти на земли; а си бози что сдѣлаша? сами дѣланы суть».. [1]). Этимъ, въ высшей степени характернѣйшимъ противоположеніемъ христіанскаго Бога идоламъ, ясно дается понять, что Богъ христіанскій не только Богъ живой, но Онъ и ни отъ кого не получилъ Своей жизни, а самъ въ Себѣ содержитъ источникъ Своей жизни, и не только Своей, но и всего живущаго: «и далъ есть ему жіти на земли». Въ Богѣ начало всякой жизни, въ Немъ и продолженіе всякаго существованія.

Только подъ условіемъ питанія отъ этого неизсякаемаго источника и возможна всякая жизнь, только жизнью въ Богѣ и поддерживается и развивается всякое бытіе: «все строится божіимъ промысломъ» [2]). Эта истинная и единственно возможная жизнь выражается всѣмъ существующимъ въ неуклонномъ и постоянномъ слѣдованіи тому назначенію и тѣмъ законамъ, которые вложилъ Господь при твореніи въ основу каждаго отдѣльнаго существованія, и въ которыхъ вездѣ и всегда дѣйствуетъ Его Божественная воля: «також и огнь творить повинуяся Господеви.... ащели чему повелить Господь что створити то створит, но по Божию повелѣнію и по суду его, а собѣ ничтоже не смѣеть створити.... все бо братья Бога боится и трепещеть повеленіе его» [3]). Если же какое либо существо уклонится отъ этой жизни въ Богѣ, то этимъ самымъ оно теряетъ свою истинную жизнь, и ему неминуемо грозитъ смерть для нея. И уже для того, чтобы снова возвратить его къ жизни, разумѣется, необходимо участіе Самого живаго Бога, источника и вѣчнаго носителя всей полноты истинной жизни Такъ и было съ людьми. Они оставили жизнь въ Богѣ и умерли для своей истинной жизни, и только самъ Богъ снова возвратилъ имъ ее: «Мертвы бо ны суща, въринувшимся самоволиѣ и у дебрь грѣховную, не презрѣ насъ, ни отвержеся насъ; но взыска и обрѣте»... [4]). «Тако Господь

[1]) „Повѣсть временныхъ лѣтъ", подъ 6491 (983) г., 80—81 стр.

[2]) „Посланіе смиреннаго епипа Симона владимерскаго и соуздальскаго к Поликарпу черноризцу печерскому", въ „Памятникахъ Русской литературы XII и XIII вѣковъ", изд. Вл. Яковлевымъ, СПБ. 1872 г. CXXVI стр.

[3]) „Слово святыхъ отець о постѣ и о востании церковнаго чину", въ „Православномъ Собесѣдникѣ" 1858 г. 1-я часть, 153—154 стр.

[4]) „Поученія святаго Ѳеодосія о терпѣніи и милостыни", въ „Ученыхъ Запискахъ втораго отдѣленія Имп. Академіи Наукъ", II книга, II выпускъ, СПБ. 1856 г. 207—208 стр.

створи намъ: созда, падшая въстави».. [1]). И такъ, въ Богѣ начало истинной жизни, и въ немъ одномъ ея совершеніе: «Богъ единъ Творецъ, невидимымъ и видимымъ, небеснымъ и земленымъ, и.... посла въ миръ спасенія ради възлюбленнаго Своего Сына» [2]). «Тобою (Владиміромъ) обожихомъ и живота Христа познахомъ» [3]). Понятно само собою, что такое всеобъемлющее Начало жизни, такая полнота ея, не допускаетъ дѣленій и множественности: «Богъ единъ». И такъ, Богъ христіанскій—Богъ живой, и въ Его жизни получило начало и существуетъ всякое бытіе.

Въ чемъ же существо этой жизни? Какая положительная сила живетъ собою и въ себѣ и даруетъ отъ себя силу жить всему существующему?

«Богъ любы есть»... [4]). Жизнь Бога есть жизнь любви. Тѣ акты, въ которыхъ обнаруживается Божественная жизнь въ мірѣ, суть проявленія Его высочайшей любви. Любовь Божія сотворила міръ, отъ нея онъ получилъ свое начало, ею же и возстановленъ онъ, возвращенъ къ жизни послѣ потери ея,—возвращенъ къ жизни въ Богѣ, къ вѣчному источнику жизни—къ Богу: «Како бо есть не премилостивъ (Господь), иже туне насъ спасе, отъ небытіа въ бытіе приведе всяческая, небесная и земная, и намъ обнови путь новъ собою? Мертвы бо ны суща, вринувшимся самовольнѣ и удебрь грѣховную, не презрѣ насъ, ни отвержеся насъ; но взыска и обрѣте, и на рамѣ понесе, и одесную Отца посади: то како нѣсть милостивъ и человѣколюбивъ? Не мы взыскахомъ Его, но Онъ насъ» [5]). «Любве ради сниде Господь на землю и распятъся за ны грѣшныя».... [6]). «Свѣтоносная любы небесная» и теперь даетъ міру силу осущест-

---

[1]) „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ подъ 6601 (1093) г. 216 стр.

[2]) „О законѣ Моисеомъ, даннѣмъ ему, и о благодати и истинѣ Іисусъ Христомъ бывшимъ; и како законъ отъиде, благодать же и истина всю землю исполни, и Вѣра въ вся языки простреся, и до нашего языка Русскаго; и похвала Кагану нашему Владиміру, отъ него же крещени быхомъ, и молитва къ Богу отъ всеа земля нашеа“, митр. Иларіона, въ „Прибавленіяхъ къ Твореніямъ Святыхъ Отцевъ“, 1844 г. II часть, 243 стр.

[3]) „Прибавленія къ Твореніямъ святыхъ Отцевъ“, 1844 г. II часть, 243 стр.

[4]) „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ подъ 6586 (1078) г. 197 стр.

[5]) „Поученіе св. Θеодосія о тьрпѣніи и милостыни“, 207—208 стр.

[6]) „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ подъ 6586 (1078) г. 197 стр.

влять жизнь въ Богѣ [1]), и теперь ею живетъ все существующее; «Въ любви бо все свершается» [2]). Словомъ, жизнь міра, и по началу своему, и по продолженію, есть явленіе безконечной любви Божіей, и лѣтописецъ въ порывѣ восторженнаго благоговѣнія передъ обнаруженіями ея въ твореніи, спасеніи и промышленіи о мірѣ благодарно восклицаетъ: «О неиздреченьному человѣколюбью! о тмами любве, еже к намъ!» [3]).

И если истинная жизнь міра есть жизнь въ Богѣ, то ясно, что эта жизнь и есть жизнь любви. Къ любви и призвано все существующее съ тѣмъ только различіемъ, что все неразумное осуществляетъ ее по разъ вложеннымъ въ него Творцомъ законамъ необходимости, и лишь одному человѣку дарована полная свобода въ выборѣ истинной жизни въ любви: «все бо братья Бога боится и трепещеть повелѣніе его. Толико мы человѣци все преступаемъ повелѣніе его» [4]). Любовь и есть тотъ законъ, который вложенъ Творцомъ въ природу человѣка, по законъ свободы, любовь и есть то положительное начало, которое призванъ человѣкъ, по своему свободному выбору, осуществить въ своей жизни: «первая ж заповѣдь есть еже любити Бога всѣмъ сердцемъ своим.... вторая ж заповѣдь есть еже любити друга аки себя» [5]). «Любовь имѣйте ко всѣмъ ладну» [6]).

Такимъ образомъ любовь и есть истинно христіанскій принципъ жизни людей. Но принципъ не въ смыслѣ одного только знанія началъ жизни, нѣтъ, этого мало: «И все се свѣдяху Жидовскыя старѣйшины; нъ завистъ не дадяше имъ познати Божія благодати» [7]).

---

1) Ibid. подъ 6523 (1015) г. 135 стр.

2) Ibid. подъ 6586 (1078) г. 197 стр.

3) „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ подъ 6601 (1093) г. 217 стр.

4) „Слово святыхъ отцъ о постѣ и о возстаніи церковнаго чину“, 154 стр.

5) „Слово святыхъ отцъ о постѣ и о возстаніи церковнаго чину“, 143 стр.

6) „На поученіе ко всѣмъ крестьяномъ“ Кирилла I, митр. Кіевскаго, „Москвитянинъ“ 1851 г. № 6 мартъ, 119 стр.; есть много и другихъ свидѣтельствъ, но съ ними мы еще встрѣтимся.

7) „Слово о слѣпьци и о зависти Жидовъ, отъ сказанія Еуангельскаго; въ недѣлю 5-ю по Пасцѣ“, св. Кирилла, епископа Туровскаго, 59 стр. въ „Памятникахъ Россійской словесности XII вѣка“ изд. К. Калайдовичемъ, М. 1821 г.

Принципъ—и не въ смыслѣ извѣстныхъ правилъ, строго опредѣленной нормы жизни, чего не можетъ допустить христіанская свобода. Гдѣ есть такая норма, тамъ нѣтъ мѣста свободѣ, тамъ пассивное, необходимое и даже чисто механическое выполненіе предписаній нормы, тамъ цѣнно только внѣшнее выполненіе ихъ съ цѣлью оправдать себя, показать себя, понятно, изъ страха наказаній за противное, не выходящимъ изъ рамокъ нормы и сохранившимъ все, предписанное ею,—тамъ нѣтъ мѣста творчеству истинной жизни: тамъ истинная жизнь *дѣлается* по данному образцу, но не *творится* самимъ человѣкомъ, по собственной волѣ, самостоятельно, безъ всякихъ внѣшнихъ побужденій. Любовь—творческій принципъ. Въ любви самъ человѣкъ *творитъ* свою истинную жизнь, и тогда какъ норма имѣетъ только временное значеніе, любовь—вѣчное: норму можно исполнять только здѣсь на землѣ, любовь же никогда не умираетъ и живетъ вѣчно. Яснѣе это представляется на примѣрѣ подзаконныхъ Іудеевъ и свободныхъ христіанъ. Тѣ жили по нормѣ, по строго опредѣленному закону,—христіане свободною любовію живутъ въ Богѣ, и вотъ когда явилось благовѣстіе этого новаго начала истинной жизни, «и отгнани быша Іюдеи и расточени по странамъ, и чяда благодатная христіаніи наслѣдницы быша Богу и Отцу. Отъиде бо свѣтъ луны, солнцу възсіавшу, тако и законъ, благодати явившейся, и студенство нощное погибе, сълнечнѣй теплотѣ землю съгрѣявши. И уже не гордится въ законѣ человѣчество, но въ благодати пространно ходитъ. Іюдеи бо при свѣщи законнѣй дѣлааху свое оправданіе: христіаніи же при благодатнѣемъ сълнци свое спасеніе зиждуть. Яко Іюдейство стѣнемъ и закономъ оправдаашеся, а не спасаашеся; христіаніи же истиною и благодатію—не оправдаются, но спасаются. Въ Іудеохъ бо оправданіе, въ христіаныхже спасеніе, яко оправданіе въ семъ мірѣ есть, а спасеніе намъ въ будущемъ вѣцѣ. Іюдеи бо о земныхъ веселяахуся, христіаніи же о сущихъ на небесѣхъ» [1]).

Любовь въ смыслѣ положительнаго содержанія этого принципа истинной жизни, есть постоянное настроеніе души человѣка, слагающееся изъ безусловнаго проникновенія всѣхъ силъ души этимъ великимъ началомъ, неуклоннаго тяготѣнія ихъ къ нему и постоян-

---

[1]) „О законѣ Моисеомъ даннѣмъ ему, и о благодати и истинѣ Іисусъ Христомъ бывшимъ"... Митр. Иларіона, 228 стр.

наго обнаруженія такого внутренняго состоянія въ соотвѣтственныхъ внѣшнихъ дѣлахъ, во внѣшней жизни человѣка. «Въспряни, брате, въспряни и попечися мысленно о своей души. работай Господеви съ страхомъ и всякою смиреною мудростію. Да не днесь кротокъ, утро ярь и золъ; вмалѣ молчаніе и паки роптаніе» [1]). Христіанскій принципъ жизни требуетъ именно постоянства такого цѣльцаго настроенія человѣка, требуетъ постоянной и всецѣлой жизни любви.— «Тѣмже тамо (къ Богу) умъ вперимъ, идѣ поживше богомудрено, постомъ, молитвами, трудомъ, пѣніемъ, плачущеся грѣхъ своихъ и присно имуще Бога предъ очима своима и день смертныи помышляти, и не ослабѣюще, но якоже и почанше, тако и скончаешь» [2]). «Въстягнѣмъся на добро, взищѣте суда, избавите обидимаго, на покаянье придемъ, не въздающе зла за зло, ни клеветы за клевету, но любовью прилѣпимся Господи Бозѣ нашемь, постомъ, и рыданьемъ и слезами омывающе вся прегрѣшенья наша, не словомъ нарицяющеся хрестьяни, а поганьскы живуще» [3]).

Христіанскій принципъ не допускаетъ только внѣшняго признанія себя на словахъ, но требуетъ полнаго и всецѣлаго осуществленія себя въ жизни: «Любы Божія не въ словесѣхъ съвръшается, но въ дѣлѣхъ дѣтельныхъ» [4]). «Не точью словомь крестьяни нарицающеся, нъ подвигнемъся добрая дѣла стяжати» [5]). «Аще ся обѣщахомъ Христови, то чему ему не служимъ. Самъ бо Господь рече: не всякъ внидетъ во црствие мое, рекъ ми Господи Господи, но творяй волю Отца Моего» [6]). И это требованіе остается во всей силѣ и по отно-

---

[1]) „Посланіе смиренаго Епископа Симона Владимерскаго и Суздальскаго къ Поликарпу черноризцу Печерскому", въ „Памятникахъ Россійской Словесности XII вѣка", изд. К. Калайдовичемъ, М. 1821 г., 250 стр.

[2]) „Поученіе святаго Иларіона о пользѣ душевнѣй и къ всѣмъ православнымъ христіаномъ", въ „Прибавленіяхъ къ Твореніямъ Св. Отцевъ" 1844 г., части II, 295—296 стр.

[3]) „Повѣсть временныхъ лѣтъ" подъ 6576 (1068) г., 165 стр.

[4]) „Слово святаго Θеодосія о терпѣніи и о любви", въ „Ученыхъ Запискахъ Имп. Академіи Наукъ", книга II, выпускъ II, СПБ., 1856 г., 203 стр.

[5]) „Поученіе на Пятикостіи св. Кирилла, еп. Туровскаго", въ „Памятникахъ Россійской Словесности XII вѣка", изд. Калайдовичемъ, М., 1821 г., 87—88 стр.

[6]) „Слово нѣкоего христолюбца, ревнителя по правой вѣрѣ", въ „Лѣтописяхъ Русской литературы и древности", изд. Н. Тихонравовымъ, IV т., М. 1862 г., 90—91 стр.

шенію ко внутреннему состоянію человѣка: истинно христіанская жизнь есть тоже дѣвство: она требуетъ невинность и душевную и тѣлесную: «Послушайте глаголемыхъ крестьяни. Но токмо именемъ наричаются крестьяни, то льстяться пагымъ нарокомъ. Словомъ бо и слытьемъ мнози суть кртьяни, а образомъ мало ихъ. Образомъ же аки и ученики Христови, а дѣломъ предатели. Словесемъ бо боязниви, а дѣломъ нечестиви. Словесемъ милосерди, а образомъ елини. Нарокомъ кртьяни, а дѣломъ странници... И нѣсть имъ никоеяже пользы наричатися крестьяномъ. Якоже бо дѣвица донележе хранитъ дѣвство, то по истинѣ взываеться и есть, аще-ли прельститця кимъ плотнымъ и дѣвство погубить, то нѣсть уже дѣвица. Тако и наричаемый кртьянинъ. Аще завѣтъ преступить и обеть попреть, а евангельское слово отвержеть, а поганыхъ дѣла дѣлати начнетъ, — никійже успѣхъ наричатися крстьянину» [1]). «Молю вы, братіе, съ страхомъ и любовію другъ другу стоимъ на молитвѣ и воистинну молящеся речемъ: «да ся исправить молитва моа, яко кадило предъ тобою, въздѣніе руку моею жертва вечерняя». Да аще руцѣ твои ничтоже имата грабленія; добрѣ то глаголеши, река: «въздѣніе руку моею». Оглядай убо руцѣ си и испытай о нею, да аще ничтоже имата грабленія и нечистаго рѣзоиманья. Аще ли еси грабилъ или прикладны ималъ, или корчемный прикупъ, или кого чѣмъ приобидѣлъ еси, еже святое писаніе отрекло: то не глаголи, не възвышай руки си, дондеже очистишися отъ всего зла» [2]). Любовь непремѣнно требуетъ, чтобы внѣшнее поведеніе человѣка было необходимымъ обнаруженіемъ и воплощеніемъ его внутренняго, душевнаго настроенія, отъ искренности и совершенства котораго оно только и получаетъ свое значеніе, хотя бы оно (обнаруженіе) и не отвѣчало по своему количеству всей глубинѣ и полнотѣ душевныхъ движеній, какъ, напримѣръ, въ дѣлахъ милосердія: «не чьтеть бо ся тоу имѣние, нъ

---

[1]) „Слово святаго отца нашего Іоанна Златоустаго, Архіепископа Константина града о томь, како пьрвое погании вѣровали въ идолы, и требы имъ клали, и имена имъ нарекали, яже и нынѣ мнози тако творять и въ крстьянствѣ суще, а не вѣдають, что есть крстьянство", въ „Лѣтописяхъ Русской литературы и древности", изд. Н. Тихонравовымъ, IV т., М. 1862 г., 108—109 стр.

[2]) „Поученіе блаженнаго Ѳеодосія, игумена Печерскаго, о казняхъ Божіихъ", въ „Ученыхъ Запискахъ втораго отдѣленія Имп. Академіи Наукъ", II книга, II выпускъ, СПБ., 1856 г., 195 стр.

душа милостива и сердце податливо» [1]). Или, въ дѣлѣ молитвы: «да будетъ извѣстно, что для молитвы спрашивается... расположеніе» [2]). И если одно внутреннее состояніе души человѣка само по себѣ и не превосходитъ свое внѣшнее обнаруженіе, то во всякомъ случаѣ ихъ значеніе для жизни нужно признать одинаковымъ, потому что душевное движеніе не можетъ пройти безслѣдно и остаться безъ соотвѣтствующаго внѣшняго обнаруженія, тогда какъ всякое дѣло оставляетъ еще много мѣста для подозрѣній въ его искренности: «се написахъ вѣрныхъ ради человѣкъ, дабы кто слышавъ о мѣстехъ святыхъ и потщался душею и мыслію къ святымъ симъ мѣстомъ и равну мьзду пріимуть съ ходившими до святыхъ сихъ мѣстъ (Палестины). Мнози же дома суще въ своихъ мѣстехъ добріи человѣци милостынями къ убогымъ и добрыми дѣлы своими достизаютъ сихъ мѣстъ святыхъ, иже большюю мьзду пріимутъ отъ Бога; мнози же и ходивше святыхъ сихъ мѣстъ и видѣвше святый градъ Іерусалимъ, и възнесшеся умомъ, яко нѣчто добро сътворше, и пакы погубляють мьзду труда своего... Блажени бо видѣвше и вѣроваша; треблаженіи не видѣвше вѣроваша... По истинѣ бо вѣра равна добрымъ дѣломъ» [3]).

Словомъ, христіанскій принципъ есть цѣльное настроеніе, не ограничивающееся какой либо одной, внутренней, или внѣшней, стороной души человѣка: это есть дерево, коренящееся въ мысляхъ и чувствованіяхъ человѣка и выходящее наружу плодовитыми вѣтвями своими въ различныхъ дѣлахъ внѣшняго поведенія человѣка: «Что есть древо животное? смиреномудріе, емуже корень исповѣданіе... Того бо корене стебло благовѣріе... Того стебла многы различны вѣтви: мнози бо, рече, образи покааніа: слезы, постъ, молитва, милостыни, смѣреніе, въздыханіе, и прочая. Тѣхъ вѣтвій плодъ добродѣтели, любы, послушаніе, покореніе, нищелюбіе; мнози бо суть

---

[1]) „Слово о богачѣ и о Лазарѣ" въ „Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ" И. Срезневскаго, I—XL, СПБ. 1867 г., выпускъ III, № XXIII, 29 стр.

[2]) „Слово о молитвѣ", митр. Кирилла I, Москвитянинъ, 1851, № 6, Мартъ, 133 стр.

[3]) „Паломникъ Данила мниха" въ „Путешествіи игумена Даніила по святой землѣ, въ началѣ XII вѣка (1113—1115)" изд. Археографическою Коммиссіею подъ редак. А. С. Норова СПБ. 1864 г., 2—3 и 156 стр.

путіе спасенія» [1]. Это есть цѣльное законченное зданіе, построяемое изъ всѣхъ силъ и способностей души человѣка, обусловливающее собою единственно-истинную жизнь—жизнь въ Богѣ: «Тебѣ же хотящу здати духовную храмину, на вѣрѣ основуй и зежди надежю, любовь, аки плиту; смѣси цѣломудріемъ, акы водою, тѣлесе твоего калъ, да возвысится, акы храмъ душа твоея. подпри ю, акы столпомъ, Божіею помощью, да, аще снидетъ различными вещьми дождь и рѣкы, пребудуть, аки наковальна, противу добрымъ же и злымъ человѣкомъ. Введи въ храмину матерь и жену, еже есть кротость и смиреніе; кротость бо угожаетъ Богу, а смиреніе на небеса возводить; оградитежеся отвсюду татей ради, рекше, страхомъ Божіимъ и молитвою, и стража пристави любомудра ума, да аще случитьтися во градѣ быти, или въ народѣ, или въ веси, или на торгу, не дай же сердцу въ тѣхъ поплѣвати мысльми, но акы внутрьуду келіа, поучаяся о разлученіи душа отъ тѣла. Се пребудеши внемля себѣ, акы въ пустыню отшедъ. Аще си съ Божіею помощію управиши, да не надмешися величеніемъ, инѣхъ оглаголивая» [2].

Съ положительной стороны это постоянное настроеніе любви сводится къ созданію человѣкомъ въ себѣ такого душевнаго состоянія, въ которомъ онъ выполняетъ свое истинное назначеніе, въ которомъ закономъ своей жизни онъ ставитъ законъ, опредѣленный Творцомъ для его жизни,—состоянія, въ которомъ на мѣсто своей воли человѣкъ ставитъ волю Божію: «Мы мнимся Бога любяще; но аще потщимся заповѣди его схранити, тогда явимся Бога любяще: любяй бо мя, рече, заповѣди моа хранить» [3]. «Якоже и приясте

---

1) „Притчя о человѣчьстѣй души и о тѣлеси, и о преступленіи Божіихъ заповѣдей, и о въскресеніи тѣлесъ человѣчь, и о будущемъ судѣ и о мудѣ", св. Кирилла, епископа Туровскаго, въ „Памятникахъ Россійской Словесности XII вѣка", изд. Калайдовичемъ, М. 1821 г., 144—145 стр.

2) „Посланіе нѣкоего старца къ Богоблаженному Василію архимандриту, о схимѣ", св. Кирилла, епископа Туровскаго, въ „Прибавленіяхъ къ Твореніямъ Святыхъ Отцевъ", часть X, М. 1851 г., 354—355 стр.

3) „Суздальская лѣтопись по списку монаха Лаврентія", подъ 6633 (1125) г., 279 стр. въ „Лѣтописи по Лаврентіевскому списку", изд. Археограф. Ком., СПБ. 1872 г.

Господа нашего Іисуса Христа., в томьже и ходите» [1]). «Покорливии. послушливии. ти бо волю Божію дѣють, а своихъ воль отмѣтавшеся и Божію дѣють» [2]). Это состояніе принятія въ себя Христа и выражается воспитаніемъ въ себѣ постояннаго чувства Бога, направленіемъ всей жизни по руслу этого чувства и поставленіемъ Бога исходнымъ началомъ и окончательнымъ завершеніемъ всѣхъ чувствъ, мыслей и желаній, всѣхъ, даже мельчайшихъ, случаевъ внѣшней дѣятельности,—словомъ всей жизни: «Возлюби (преподобный Антоній Римлянинъ) Бога всею душею своею. сладость бо и просвѣщеніе и радость присно есть любящимъ его.... преподобный же имѣя образъ его въ сердцы своемъ присно. икону Божію преславну, не шаромъ образовану, или на иномъ цѣчемъ. но ту глаголю икону Божію, бываемую добрыми дѣлесы. постомъ воздръжаніемъ. исправленіи добрыми. бдѣніемъ и молитвами. впиcуя себѣ сокровено въ сердцы своемъ выну шаромъ иконнымъ образъ небеснаго Владыки» [3]). Какъ необходимое обнаруженіе такого настроенія, какъ жизнь чувства Бога, вся жизнь человѣка должна быть полна жизнью въ Богѣ и—Богомъ: «въсели страхъ Божій въ сердци си. и любовь великую яже к нему. оукрашаяся паче злата и срѣбра. и камене драгаго смѣреніемъ добрымъ своимъ паче, и паче милостыня. помогаи нищимъ. заступникъ буди сиротамъ и вьдовицамъ. любъвь имѣи ко всѣмъ равну дружия. таины храни клеветанья же зѣло оубѣгаи. клятвы храни-ся. зависти нѣ имѣя. чюжихъ добротъ нѣ съглядаи. да нѣ оусхощеши имъ. смѣха бѣгаи лихаго. скомороха. и сла точьхара. и гудця. и свирця. нѣ оуведи оу домъ свои глума ради. поганьско бо то есть а не крестьяньско. да любяи та глумленья поганъ есть. и съ крестьяны причастья нѣ имать. дьяволи бо то суть. всегда сли съмысци. и созванья и веселья блудьская бо то есть краса. и радость. бѣсящихся отрокъ. а крестьяньскы суть гусли прѣкрасная доброгласная

---

[1]) „Слово святаго отца нашего. Іоанна златоустаго", въ „Лѣтописяхъ Русской Литературы и древности", изд. Н. Тихонравовымъ, IV т. М. 1862 г., 100 стр.

[2]) „Слово отъ святаго евангелія", ibid., 106 стр.

[3]) Сказаніе о житіи преподобнаго и богоносваго отца нашего Антонія римлянина. и о прихожденіи изъ Рима въ великіи новъ градъ. и о зачалѣ монастыря. списано бысть оученикомъ его священноинокомъ Андреемъ. иже бысть по нем тояже обители игуменъ" въ „Православномъ Собесѣдникѣ" 1858 г., II ч., 163 стр.

псалтыря. сюже присно должьни есмы веселитися. къ пречистому влдцѣ милостивому Христу Богу нашему. святъ. святъ. святъ. еси. Боже исполнивыи небо и землю славы твоея то ти прѣдивны суть гусли. всякои души животъ подающи и весѣлье» [1]).

Но любовь, какъ творческій принципъ, не ограничивается созданіемъ жизни въ Богѣ только въ извѣстномъ человѣкѣ и только для него одного, но она даетъ силу послѣднему творить тоже и въ другомъ. Любовь—это сѣмя, которое, упавши на удобную почву, приноситъ обильные плоды и питаетъ цѣлыя массы: «Аще умягчиши сердечную землю, и приимеши малое сѣмя ученія (=словеса Божія), и много зѣло расплодиши въ себѣ спасеное житіе... имѣмъ будеши раздавая (того обилье), требующимъ своего спасенія» [2]). «Аще будеши послушливъ, и умякчиши землю сердечную, и пріимеши малое сѣмя, и расплодиши въ собѣ много спасенаго жита, яко будеть немочи въ душевнемь дому всего того положити, нъ имѣмъ будеши раздавая требующимъ тогоже» [3]). Полный разцвѣтъ любви и есть не личное, но общественное творчество: «любовь имѣйте ко всѣмъ равну» [4]), «будете в любви межю собою» [5]). «молвить бо иже: Бога люблю, а брата своего не люблю, ложь есть» [6]). Это ясно уже изъ самаго понятія о любви, какъ принципѣ жизни, поскольку самое понятіе жизнь необходимо предполагаетъ жизнь субъективно-объективную, жизнь въ обществѣ, и справедливость этого мы видѣли уже въ трактатѣ о любви, какъ настроеніи.

Истинная жизнь христіанская, жизнь въ Богѣ, и есть единеніе

---

[1]) „Отъ грѣшного Георгия черноризця Зарубьскыя пещеры. поучѣнье къ духовному чаду“, въ „Свѣдѣніяхъ и Замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ“, И. Срезневскаго, СПБ. 1867 г., выпускъ I, № VII, 56—57 стр.

[2]) „Слово нѣкоего отца к сыну своему. Слово душеполезно“, въ „Москвитянинѣ“ 1851 г., № 6, мартъ, 137—138 стр.

[3]) „Слово о премудрости, притча“, св. Кирилла, епископа Туровскаго, въ „Памятникахъ Россійской Словесности XII вѣка“, изд. К. Калайдовичемъ, М. 1821 г., 91 стр.

[4]) См. выше.

[5]) „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, подъ 6562 (1054) г., 157 стр.

[6]) „Поученье“ Владиміра Мономаха, въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ подъ 6604 (1096) г., 243 стр.

ти бо волю Божію дѣють. а своихъ воль отмѣтавшеся и Божію дѣють. Ти суть раби Божіи» [1]).

Но рабство это—не рабство неволи, но рабство свободы, потому что Богъ только даровалъ человѣку жизнь, предоставивъ ему полную свободу пользоваться ею, или нѣтъ, и христіане, поэтому, сами дѣлающіе себя «людьми Божіими» [2]), стоятъ къ Нему совершенно въ иныхъ отношеніяхъ, чѣмъ земные рабы къ своимъ господамъ. Эти отношенія уясняются изъ сближенія христіанскаго братства съ нѣкоторыми явленіями внѣшняго міра. Получивши свое начало отъ вѣчнаго Источника жизни, христіане являются подобными винограднику, который какъ бы насадилъ самъ Богъ: «виноградъ, иже насади Богъ» [3]). Отношенія христіанъ къ Богу, какъ Виновнику ихъ жизни, а также и особое положеніе ихъ въ ряду твореній Божіихъ, прекрасно опредѣляются этимъ образомъ виноградника и отношеніями къ нему (винограднику) его хозяина. Господь даровалъ истинную жизнь христіанамъ; — они приняли ее, добровольно поставили Его центромъ тяготѣнія всей своей жизни, и ихъ дальнѣйшая жизнь снова предоставляется ихъ свободѣ съ единственнымъ ограниченіемъ постояннаго присмотра, руководства и размноженія виноградника со стороны опредѣленныхъ лицъ, самимъ Богомъ поставленныхъ для присмотра за нимъ, для посредствованія между Богомъ и виноградникомъ и для раздаянія Его даровъ послѣднему: «самъ Господь рече мнози пастуси погубиша виноградъ мои. пастуси суть книжници. и виноградъ вѣра. человѣци въ вѣре погибають. лихими пастухи. оучители безумнымъ» [4]). Этимъ состояніемъ своей земной жизни христіане уподобляются стаду овецъ, оберегаемому постоянно опредѣленными пастухами. Въ этомъ отношеніи они образуютъ собою «стадо Христово» [5]), къ которому

---

[1]) „Слово отъ святаго евангелия“, 106 стр.

[2]) „Слово въ недѣлю Цвѣтоносную, отъ сказаніа Евангелска“, св. Кирилла, еп. Туровскаго, въ „ПамятникахъРоссійской Словесности XII вѣка“, изд. Калайдовичемъ, М. 1821 г., 8 стр.

[3]) „Посланіе Никыѳора Митрополита Кіевскаго къ Великомоу Князю Володимѵроу, сыноу Всеволожю, сына Ярославля“ въ „Русскихъ Достопамятностяхъ“, изд. Обществомъ исторіи и древностей россійскихъ, часть первая, М. 1815 г., 70 стр.

[4]) „Слово нѣкоего христолюбца“, 89 стр.

[5]) „Посланіе Никыѳора Митрополита Кіевскаго къ Великомоу Князю Володимѵроу“, въ „Русскихъ Достопамятностяхъ“, 70 стр.

всѣхъ людей въ любви: «Иже суть погани, Господи, обрати я на крестьяпство, я ти будуть братія наша» [1]).

«Отвѣчалъ убогій брату своему:
«—Братецъ ты, братецъ, богатый Лазарь!
«—Какъ жили мы были на вольномъ на свѣту,
«—Не знали мы, братецъ, никакого грѣха:
«—Братъ брата братцемъ не называли,
«—Голоднаго не накармливали,
«—Жаждущаго не напаивали,
«—Голаго не надѣвывали,
«—Богаго не обувывали,
«—Красную дѣвицу изъ стыда не вывели,
«—Колодниковъ-тюремщиковъ не навѣщивали,
«—Убогаго въ путь во дорожку не проважнвали» [2]).

Такое братство людей во Христѣ есть прямое слѣдствіе единства источника жизни, отъ котораго ея начало въ твореніи и возсозданіи, или, какъ образно объясняетъ это убогій Лазарь богатому:

«По томъ я тебѣ братецъ, потому родной,
«Что единая матушка насъ породила,
«Что единъ сударь-батюшка вспоилъ вскормилъ» [3]);—

и той цѣли, къ которой ведетъ истинная жизнь, и которая (цѣль) исключаетъ всякія внѣшнія преимущества одного человѣка передъ другимъ и имѣетъ въ виду внутреннюю сторону его существа, исполненіе имъ своего назначенія, опредѣленнаго ему Творцомъ: «Брате, не то свершеніе есть, еже славиму быти отъ всѣхъ, но еже исправити житіе и чиста себе спабдѣти» [4]).

Проникнутые однимъ чувствомъ Бога, объединенные одною жизнью въ Богѣ, братья-христіане образуютъ собою тѣсный союзъ избранниковъ Божіихъ, Его рабовъ, поставившихъ Его волю закономъ своей жизни: «Кое то суть избранни. Покорливии. послушливии.

---

[1]) „Молитва св. Θеодосія Печерскаго за вся крестьяны“, въ „Ученыхъ Запискахъ втораго отдѣленія Импер. Академіи Наукъ“, книга II, выпускъ II, СПБ. 1856 г., 223 стр.

[2]) „Калѣки перехожіе“. Сборникъ стиховъ и изслѣдованіе П. Безсонова, М. 1861 г., выпускъ I, 22 стихъ о Лазаряхъ, 51 стр.

[3]) Ibid., стихъ 24, 56 стр.

[4]) „Посланіе смиренаго Епископа Симова“. въ „Памятникахъ Россійской Словесности“, 256 стр.

самимъ Богомъ приставлены особые пастыри и учители духовной жизни подъ Его высочайшимъ смотрѣніемъ: «Тъ есть Богъ нашъ и мы людіе его, и овца паствицы его» [1]). «Ерѣем бо нужно есть пецися о стадѣ своем Христовыхъ овець» [2]). Съ особенною ясностію это высочайшее водительство и пастырская дѣятельность поставленныхъ отъ Бога пастырей христіанскаго стада проявились на Русскихъ людяхъ: «Господь Богъ... заблутьшая овця събравъ въ святое стадо» [3]), «и пастуси словесныхъ овецъ Христовъ, сташя Епископи и попове и діакони» [4]), и на Руси уже можно было видѣть «христіанство растуще» [5]). Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, въ смыслѣ созиданія христіанскаго братства при посредствѣ облагодатствованныхъ и вмѣстѣ превосходящихъ другихъ своею духовною жизнію пастырей, христіанское братство или Церковь Христова уподобляется дому, совершаемому изъ христіанъ особыми іерархическими лицами, духовными строителями и раздаятелями Божіей благодати: «храмъ же наречеть вѣрныхъ людии» [6]). «Его же (Христа) славный и честный домъ церкви имать искусны строителя: Патріарси, Митрополиты, Епископы, Игумены, Іереи и вся церковныя учителя, иже вѣрою чистою ближніи Богу сътворишася, и пріемлютъ Святаго Духа благодатію различныя дары ученія, исцѣленіа, по мѣрѣ дара Христова» [7]). Созидая изъ христіанъ рабовъ Божіихъ, вѣрныхъ Его святой волѣ, Церковь Христова, какъ тѣсный союзъ людей, живущихъ по однимъ началамъ и преслѣдующихъ однѣ цѣли, является царствомъ Божіимъ, во главѣ котораго стоитъ Царь-Христосъ, а члены этого духовнаго царства — всѣ христіане: «Онъ (Св. Равноапостольный царь Константинъ) въ Еллинѣхъ и въ Римлянѣхъ царство Богу покори: ты

---

1) „Въ среду 3, недѣли поста святаго феодора игумена студійскаго поученіе о ползѣ душевнѣи" въ Рукописномъ Сборникѣ Румянцевскаго Музея № 406, 103 листъ.

2) „Слово святыхъ отець о постѣ" въ „Православномъ Собесѣдникѣ" 1858 г. часть первая, 162 стр.

3) „Чтеніе о житии и о погублении блаженную страстотерпцю Бориса и Глѣба", преп. Нестора, въ „Сказаніяхъ о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ", издалъ И. И. Срезневскій, Спб. 1860 г., 22 столбецъ.

4) „О законѣ Моисеомъ даннѣмъ ему и о благодати и истинѣ Іисусъ Христомъ бывшимъ", св. Иларіона, 241 стр.

5) Ibid. 247 стр.

6) Чтеніе о житии... блаженную... Бориса и Глѣба", преп. Нестора, 25 столбецъ.

7) „Слово въ недѣлю Цвѣтоносную", св. Кирилла Туровскаго, 3 стр.

же (Св. Равноапостольный великій князь Владиміръ) въ Руси, о блаженниче, подобно. Уже бо и въ онѣхъ, и въ насъ Христосъ Царемъ зовется» [1]). Но всѣми этими, чисто внѣшними уподобленіями, недостаточно оттѣняется внутреннее величіе и характеръ свободы Христовой Церкви. Въ отношеніи къ Виновнику жизни, отъ Котораго христіане не только получили ее, но въ Которомъ и Которымъ они постоянно и живутъ, при томъ, не по страху или принужденію, но по свободной любви, они ближе и скорѣе всего являются Его «сынами и наслѣдниками» [2]). Отношенія Бога Сына, давшаго начало Церкви и ея вѣчнаго Царя, Церкви, созидающей своихъ членовъ въ единеніи и любви, и самихъ членовъ Церкви—взаимныя отношенія ихъ ближе всего и характернѣе опредѣляются взаимными отношеніями отца, матери и дѣтей, какъ это прекрасно выразилъ Русскій Златоустъ въ словѣ на Пасху: «Радость сугуба всѣмъ христіаномъ и веселіе міру неизреченно, пришедшаго ради праздника днесь, за скорбь прежде бывшаго таиньства. Отшедшю бо мужеви въ путь далечь, жена скръбна бывши, дѣтемъ претить; пришедшю же мужеви, внезапуже на веселіе неисповѣдимо пріемлеть и дѣти радостію ликовствують, паче естества обогащаеми» [3]). Потому же всесовершеннѣйшему и всесвятому Началу, отъ Котораго они получили свою жизнь и Котораго они поставили центромъ и цѣлію своей жизни, въ Которомъ вся ихъ сила и все ихъ значеніе, по тому абсолютному началу свободы и любви, которыя они являютъ своею жизнію въ Богѣ, по той особой близости, въ которой они по всему этому стоятъ къ своему Виновнику и Царю,—христіане или «людіе Христови» образуютъ собою «святыи языкъ, царское же священіе, жребіи достоянія его» [4]).

Какъ овцы одного стада, какъ дѣти одного Отца, живущіе одною жизнію въ Богѣ, всѣ христіане, безъ различія націй и народностей, составляютъ одну Церковь Христову и остаются въ полномъ еди-

---

[1]) „О законѣ Моисеомъ даннѣмъ ему, и о благодати и истинѣ Іисусъ Христомъ бывшимъ", св. Иларіона, 245 стр.

[2]) Ibid. 225 стр.

[3]) „Слово на Святую Пасху въ свѣтоносный день Въскресенія Христова", Св. Кирилла Туровскаго, въ „Памятникахъ Россійской Словесности XII вѣка", изд. Калайдовичемъ, М 1821 г., 10 стр.

[4]) „Посланіе Никыфора Митрополита Кіевскаго къ Великому Князю Володимироу", въ „Русскихъ Достопамятностяхъ", 62—63 стр.

неніи и любви между собою. Помимо всей своей жизни, Русскій народъ такъ живо и такъ картинно передалъ свой взглядъ на единеніе всѣхъ сыновъ Православной Церкви и въ разсказѣ о томъ, какъ православный Илья Муромецъ отправлялся на службу въ «Ерусалимъ» къ «царю Константину Боголюбовичу» и помогъ ему одолѣть «Одолище поганое» и возстановить «четье-пѣтье церковное и звонъ колокольный»[1]). Правда, есть христіане иновѣрные, сами отторгшіе себя отъ единства Церкви Христовой, даже много есть еще людей иноязычныхъ, вовсе никогда не принадлежавшихъ ей и теперь не знающихъ этого единства. Но и по отношенію ко всѣмъ имъ сыны Церкви должны всегда руководиться творческимъ принципомъ своей жизни и находиться и съ ними въ единеніи любви, ограничивая только его дѣлами молитвы, милостыни и уроками пастырскаго учительства, въ полной надеждѣ привлечь и ихъ въ едино стадо Христовыхъ овецъ къ совершенному единенію съ Христовою Церковію: «Иже суть погани, Господи, обрати я на крестьяньство, и ти будуть братія наша»[2]). «Милостынею же милуй не токмо своея вѣры, нъ и чюжея. Аще ли видиши нага, ли голодна, ли зимою, ли бѣдою одьржима, аще ти будеть, ли Жидовинъ, ли Сорочинъ, ли Болгаринъ, ли еретикъ, ли Латининъ, ли отъ поганыхъ,—всякаго помилуй и отъ бѣды избави, якоже можеши»[3]). Замѣчательнѣйшій образецъ пастырской любви къ иновѣрнымъ явилъ митрополитъ Іоаннъ II въ своемъ посланіи къ римскому папѣ Клименту: «И не вѣдѣ», — писалъ онъ послѣднему,—«откуду възникоша соблазни и възбраненье божественнаго пути, яже что ради и како не исправишася зѣло чюжюся сему. Не вѣмь бо кый бѣсъ лукавый, завистивъ и истинѣ врагъ и благочестію супостатъ, иже таковая примѣни и братьскую вашю и нашю любовь отверже всего крестьянскаго совокупленья... Молюся и мольбу творю и припадаю священымъ стопамъ твоимъ въздвигнутися отъ сихъ всихъ (разногласій съ Православною Церковію)... Отдаи же ми, Господа ради отъ многія бо любве таковая написавшу ми тобѣ. Аще суть во истину творимая вами, якоже слышахомъ, испытаите писанья

---

[1]) Напр, у Кирѣевскаго, 4 выпускъ, М. 1862 г., былины объ Ильѣ Муромцѣ № 5, 22—38 стр.

[2]) См. выше.

[3]) Посланіе святого Ѳеодосія къ великому князю Изяславу о Латынѣхъ въ „Ученыхъ Запискахъ второго отдѣленія Имп. Академіи Наукъ“, книга II, выпускъ II, СПБ. 1856 г., 217 стр.

и обрящете вся си исправленья требующа. Но молю о Господѣ любовь твою впервыхъ аще хощеши напиши къ нашему святому Патріарху Константина града... и хужьшему паче всѣхъ мнѣ. Цѣлую тя и азъ Иванъ худыи Митрополитъ Рускіи»[1]).

Эта надежда привести всѣхъ во единеніе Церкви Христовой утверждается вѣрою въ то, что Источникъ истинной жизни неиссякаемъ, и благодать Божія, дающая человѣку эту жизнь и возращающая его въ ней — неисчерпаема и всеобъемлюща: «аще и всея земля придуть человѣци, не умалиться Божія благодать, всѣмъ дающи ицѣленіе отъ грѣховныхъ недугъ» [2]). Церковь Христова не знаетъ границъ мѣстныхъ. Она не различаетъ ни странъ, ни народностей. Ея задача—обнять всѣхъ людей и всѣхъ безъ различія привести въ единеніе свободы и любви. Этотъ всеобъемлющій характеръ Церкви Христовой весьма рельефно обрисовывается при сопоставленіи ея съ ветхозавѣтною церковію Іудейскою. Послѣдняя строго ограничивалась только своимъ народомъ и была чисто національною еврейскою,—первая не знаетъ границъ народныхъ и объединяетъ въ себѣ всѣ національности: «И тожде оправданіе Іюдейско скупо бѣ зависти ради, не бо ся простираше въ ины языкы, но токмо въ Іюдеи бѣ единой: Христіаныихъ же спасеніе благо и щедро, простираася на вся краа земленыя. И сбысться благословеніе Манасіино на Іюдеохъ, Ефремово же на Христіаныихъ... Законъ бо прежде бѣ и възнесеся вмалѣ, и отъиде. Вѣра же Христіянская, послѣжде явльшися, больши первыа бысть, и расплодися на множьство языкъ, и Христова благодать всю землю объятъ, и яко вода морскаа покры ея... Прежде бо бѣ въ Іерусалимѣ единомъ мѣсто кланятися, нынѣ же по всей земли... по всей бо земли Вѣра простреся, дождь благодатный օброси, купѣль пакы—порождениа сыны своя въ нетлѣніе облачитъ» [3]). Для того, чтобы стать членомъ ветхозавѣтной церкви, нужно было предварительно сдѣлаться евреемъ,—въ Церкви же Христовой нѣтъ

[1]) „Отъ Іоанна митрополита русскаго къ Клименту папежу римьскому", въ „Ученыхъ Запискахъ Имп. Академіи Наукъ", книга I, СПБ. 1854 г., 12 и 19—20 стр.

[2]) „Слово о расслабленѣмъ, отъ Бытія и отъ сказанія Евангельскаго; въ недѣлю 4-ю по Пасцѣ", Св. Кирилла Туровскаго, въ „Памятникахъ Россійской Словесности XII вѣка", 45 стр.

[3]) „О законѣ Моисеомъ данѣмъ ему, и о благодати и истинѣ Іисусъ Христомъ бывшимъ", Св. Иларіона, 228—230 стр.

національностей, но есть только «братія» между собою и «сыны Божія». Но безграничность и всеобъемлемость Церкви Христовой идетъ далѣе. Какъ истинная жизнь, какъ жизнь въ Богѣ, она простирается и на весь внѣшній неодушевленный міръ. Мы видѣли уже, какъ все тамъ, въ силу необходимости, вложенной Творцомъ при самомъ созданіи міра, какъ все въ немъ живетъ Богомъ. Здѣсь картину общей жизни въ Богѣ добавимъ небольшими отрывками изъ Поученія «Мономаха»: Велій еси, Господи, и чюдна дѣла Твоя, и благословено и хвално имя Твое в вѣкы по всей земли. Иже кто не похвалить, ни прославляеть силы твоея и твоихъ великыхъ чюдесъ и добротъ, устроеныхъ на семь свѣтѣ; како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звѣзды, и тма и свѣтъ, и земля на водахъ положена, Господи, Твоимъ промысломъ! звѣрье разлоличнии, и птица и рыбы, украшены твоимъ промысломъ, Господи!... и сему ся подивуемы, како птица небесныя изъ прья идутъ, и первѣе въ наши руцѣ, и не ставятся на одиной земли, но и силныя и худыя идуть по всѣмъ землямъ, Божиимь повелѣньемь, да наполнятся лѣси и поля;... И ты же птицѣ небесныя умудрены тобою, Господи, егда повелиши, то вспоють, и человѣкы веселять тебе; и егда же не повелиши имъ, языкъ же имѣюще онемѣють. А благословенъ еси, Господи, и хваленъ зѣло» [1])!

Все въ природѣ живетъ волею Божіею, разъ навсегда опредѣленною при созданіи каждому творенію, и всякое явленіе въ ней есть выраженіе этой воли, всегда живущей въ законахъ внѣшняго міра: «егда повелиши, Господи,... и егда не повелиши», словомъ, все живетъ въ Богѣ и Его волею. Но и здѣсь, видимымъ міромъ, не опредѣляются границы Церкви Христовой. Ея область восходитъ далеко за предѣлы всего видимаго и чувственнаго и переносится въ другія, небесныя и духовныя сферы. Тамъ есть еще цѣлый міръ существъ безплотныхъ, уже окрѣпшихъ въ жизни въ Богѣ и уже стоящихъ лицомъ къ лицу съ ея цѣлію—самимъ Богомъ. Одни изъ нихъ—перешедшія изъ этого міра души праведныхъ, своею жизнію исполнившія свое назначеніе и чрезъ это ставшія у самаго Источника жизни. Они воплотили въ себѣ любовь и этою любовію поддерживаютъ постоянное общеніе съ оставшимися на землѣ ихъ братіями: «Блаженыи (Θеодосій) же пакы утѣшая глаголаше: се обѣщаюся вамъ, братіа и

[1]) „Поученье“, 235—236 стр.

отцы, аще и тѣломъ отхожу отвасъ, но духомъ присно боуду с вами» [1]). Своею постоянною жизнью въ Богѣ они приблизились къ Нему и получили доступъ дерзновенно молиться за своихъ земныхъ братій и быть посредниками и раздаятелями имъ даровъ Божіей благодати: «О брата моя», молился князь Ярославъ Святымъ Борису и Глѣбу передъ походомъ на Святополка-окаяннаго, «аще и тѣломъ отшла еста. нъ благодатию жива еста. и Господеви предстоита, и молитвою помозита ми» [2]), или тоже: «брата моя! аще еста и тѣломь отошла отсюда, но молитвою помозѣта ми на противнаго сего убійцю и гордаго» [3]). И объ этихъ святыхъ братьяхъ говорится: И съвкуплена тѣлома, паче же душама у Вълалыкы Всецесаря пребывающа в радости бесконечнѣй, во свѣтѣ неизреченьнѣмъ подающа целебныя дары Русьстѣй земли, и инѣмъ приходящимъ страннымъ с вѣрою даета ицѣленье: хромымъ ходити, слѣпымъ прозрѣнье, печалнымъ утѣху, напастнымъ избавленье, и еста заступника Русьстѣй земли, и свѣтилника сияюща и молящася воину къ Владыцѣ о своихъ людехъ» [4]). Другіе изъ существъ небеснаго міра—Ангелы—никогда не имѣли плоти, и сотворены Богомъ духами на постоянное служеніе Себѣ. Въ единствѣ этого служенія, въ единствѣ жизни въ Богѣ и состоитъ ихъ постоянное общеніе съ земною Церковію: «святъ, святъ, святъ... то ти прѣславная есть пѣснь со аньгелы ны совкупляющи [5]). Кромѣ того, какъ отъ начала міра окрѣпшіе въ истинной жизни, Ангелы самимъ Богомъ назначаются въ постоянные хранители каждому члену Христовой Церкви: «Егда убо рече всякъ младенець крещаемь бываетъ, тогда посылается отъ Бога Аггелъ на храненіе въ все житіе человѣчское» [6]).

---

[1]) „Житіе преподобнаго отца нашего Θеодосіа игоумена печерскаго монастыря", преп. Нестора въ „Памятникахъ Русской Литературы XII и XIII вѣковъ", изд. Вл. Яковлевымъ, СПБ. 1872 г., LVIII стр.

[2]) „Сказаніе страстотерпьцю святую мученику Бориса и Глѣба", Іакова черноризца, въ „Сказаніяхъ о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ", изд. И. И. Срезневскій, СПБ. 1860 г., 63 столбецъ.

[3]) „Повѣсть временныхъ лѣтъ" подъ 6527 (1019) г., 141 стр.

[4]) Ibid подъ 6523 (1015) г., 134 стр.

[5]) „Отъ грѣшнаго Георгия черноризця. Зарубьскыя пещеры. новчѣнье къ духовному чаду", 57 стр.

[6]) Слово преподобнаго Авраамія Смоленскаго въ „Памятникахъ Россійской Словесности XII вѣка, изд. К. Калайдовичемъ, М. 1821 г., 92 стр.

И эти два міра, видимый и невидимый, находятся въ постоянномъ и самомъ тѣсномъ единеніи между собою, живутъ всегда одною жизнію, и всякое событіе въ земной Церкви необходимо отражается и на небесахъ, какъ напримѣръ, радость земной Церкви о привлеченіи къ ней новыхъ братьевъ — Русскихъ была вмѣстѣ радостью и тамъ, на небесахъ: «И бяше си видѣти радость на небеси и на земли, толико душь спасаемыхъ» [1]). И эта величественнѣйшая картина постояннаго единенія небесныхъ и земныхъ сыновъ Церкви Христовой, живущихъ одною жизнію и питающихся отъ единаго Источника жизни и любви, напоминаетъ собою картину пира, который какъ бы устроилъ Отецъ небесный для всѣхъ сыновъ своихъ чрезъ Возстановителя истинной жизни—единороднаго Сына Своего, Іисуса Христа: «Сътвори Богъ гостивству велику и пиръ великъ тельцемъ упитаннымъ отъ вѣка, възлюбленнымъ Сыномъ Своимъ Іисусъ Христомъ, съзвавъ на едино веселіе небесныя и земленыя, съвъкупивъ въ едино Ангелы и человѣкы» [2]).

Вѣнцомъ этого величественнѣйшаго зданія Церкви Христовой, центромъ, стягивающимъ, скрѣпляющимъ и поддерживающимъ его отдѣльныя части, завершителемъ его полноты и условіемъ его цѣльности, жизненности и силы--является самъ Богъ. Онъ самъ постоянно обитаетъ въ Церкви и, какъ полнота и источникъ жизни, постоянно животворитъ ее. Тамъ, гдѣ все живетъ любовью и въ любви,— тамъ живетъ сама Любовь. Тотъ, кто живетъ любовью, кто закономъ своей жизни поставилъ любовь, тотъ перестаетъ уже жить самъ и для себя, но живетъ въ немъ любовь и для любви: кто возлюбилъ Бога, «присно такоже и въ немъ живетъ Богъ» [3]). Жизнь въ любви есть жизнь въ Богѣ, и кто живетъ любовью, тотъ живетъ Богомъ, и въ томъ самомъ живетъ Богъ: «аще будете в любви межю собою, Богъ будеть в васъ» [4]). Понятно само собою, что тамъ, гдѣ полнота любви, тамъ и самъ Богъ, тамъ и полнота, и твердость, и постоянство истинной жизни: «Людіе же Христови святыи языкъ, царское же священіе, жребіи достояніа его,... въ правовѣріи живя

---

1) „Повѣсть временныхъ лѣтъ" подъ 6496 (988) г., 115 стр.

2) „О законѣ Моисеомъ даннѣмъ ему, и о благодати и истинѣ Іисусъ Христомъ бывшимъ", св. Иларіона, 227 стр.

3) „Сказаніе о житіи преподобнаго и богоноснаго отца нашего Антоніа римлянина", 163 стр.

4) „Повѣсть временныхъ лѣтъ" подъ 6562 (1054) г, 157 стр.

благословляеть Бога, вразоумльшаго и, и прѣдзрить и приводить Господа о десноую себе, дася не подвижеть, рекше да не смятется, и поглощень боудеть от стараго врага, нехотящаго нашего спасеніа»[1]).

Эта полнота истинной жизни въ церкви для каждаго ея члена въ отдѣльности выражается въ его спасеніи. Спасеніе въ Церкви Христовой, гдѣ всѣ люди живутъ въ полномъ союзѣ любви, прежде всего касается еще настоящей, земной жизни человѣка. Въ Церкви, какъ братствѣ, нѣтъ злоупотребленія земными благами со стороны однихъ ея сыновъ въ ущербъ другимъ: любовь въ ней по возможности уравниваетъ всѣхъ и не даетъ мѣста бѣдствіямъ чисто матеріальнаго характера:

«Проглаголетъ Іоаннъ Златоустій:
«Гой еси Христосъ Царь небесный!
«Благослови меня слово промолвить
«За нищую братью за убогую:
. . . .
«Дадимъ мы нищимъ-убогимъ
«Имя твое святое:
«Будутъ нищіи по міру ходити,
«Тебя—Христа, величати,
«Въ кажной часъ прославляти;
«Будутъ они сыты и довольны,
«Обуты будутъ и одѣты,
«И отъ темныя ночи пріукрыты»[2]).

Разумѣется, и вся вообще обстановка земной жизни сыновъ Церкви принимаетъ болѣе лучшій и правильный характеръ, устраняя отъ нихъ всѣ бури и невзгоды суеты житейской, что такъ извѣстно всѣмъ, не знающимъ любви, и окружая ихъ одинаково всѣхъ тѣмъ, что достойно и что есть плодъ любви взаимной и любви Божіей. Но не въ благахъ земныхъ совершеніе любви въ церкви Христовой. Они только необходимое ея слѣдствіе, а главная цѣль жизни Церкви не въ нихъ. Главная задача Церкви—воспитать внутреннюю жизнь въ каждомъ изъ своихъ членовъ согласно съ его истиннымъ назначеніемъ, создать въ немъ жизнь любви, жизнь въ Богѣ, жизнь вѣчную

---

[1]) „Посланіе Никыфора митрополита Кіевскаго къ великовоу князю Володимyроу“, 63 стр.

[2]) Варенцовъ, стихъ „О Христовѣ Вознесеніи“, 60—61 и др.

ную, никогда не умирающую, съ тѣмъ, чтобы дать ему возможность достигнуть истинной цѣли всякаго бытія—полнаго и совершеннаго общенія съ самимъ Источникомъ жизни, вѣчнаго и блаженнаго лицезрѣнія Того, къ Кому тяготѣетъ и стремится все существо человѣка. Но это вожделѣнное завершеніе самыхъ пламенныхъ стремленій человѣка въ совершенномъ и полномъ единеніи съ самою любовію лежитъ за предѣлами этого міра, въ будущей загробной жизни. «Аще бо къ святымъ сыи прибѣгнемъ церквамъ, тѣмъ велику ползу пріимемъ души и тѣлу» [1]. «Аще быхомъ в заповѣдѣхъ Божіихъ пребыли: то и сдѣ, ходяще, пріимемъ блага земнаа, и по отшествіи сего свѣта—жизнь вѣчную» [2]. «Подвигнемъся богоугодная дѣла творити, тѣми бо дѣлы Сынове Божіи наречемъся, и сію жизнь добрѣ поживше и будущихъ благъ сподобимъся» [3]. «А еже глаголемаа от него (Господа) испытовая и храняя и, тотъ приближеніа оулоучать, иже и просвѣтить тя еще и еще разоумнѣи ти очи, и отвратить от нихъ всякоу соуетоу, и освятить ти слоухъ, и очистить сердце, и исправить стопы, и измѣть нозѣ твои от поплъзеніа, и сподобить тя въ Господьскыи день Въскресеніа доити въ радости телѣснѣ, и въ здравии и въ веселіи душевнѣмъ и духовнѣмъ; и въсіаеть ти свѣтъ, иже праведнымъ сіаяи, и его съпроужница веселіе; и наобхоженіе лѣтъ многъ, неосоуженъ и неповиненъ, потомъ и на вышнее царство възнесешися от долняго, иже есть истинная Пасха и истинныи праздникъ» [4]. «Аще быхомъ обѣтъ постризаніа нашего съхранили», писалъ святый Ѳеодосій о монахахъ, «тъ нетокмо грѣховъ очищеніе и земную честь пріали быхомъ, якоже святіи отци чудотворци, имже Цари и Князи падше поклонишася, но и въ небес-

---

[1] „Временникъ, еже есть нарицается лѣтописаніе князей земля Рускня, и како избра Богъ страну нашу на послѣднѣе время, и грады почаша бывати по мѣстомъ, преже Новгородчкая волость і потомъ Кыевская, и о поставленіи Киева, како во имя назвася Кыевъ", въ „Новгородской лѣтописи по Синодальному Харатейному списку", изд. Археографич. Коммиссіи, СПБ. 1888 г., 2 стр.

[2] „Поученіе блаженнаго Ѳеодосія, игумена Печерскаго, о казняхъ Божіихъ", 193 стр.

[3] „Поученіе на Пянтикостіи", св. Кирилла Туровскаго, 88 стр.

[4] „Посланіе Никыѳора Митрополита Кіевскаго къ Великомоу Князю Володимироу", 75 стр.

ное Царство вселилися быхомъ, и видѣли Божіе лице» [1]. Въ приведеніи всѣхъ въ непосредственную жизнь въ Богѣ, въ полномъ единеніи съ Нимъ въ будущей жизни и есть главная, и не только главная, но и первая и послѣдняя цѣль земной Церкви Христовой: «Истина же и благодать слуга будущему вѣку, жизни нетлѣннѣй... крещеніе же препущаетъ сыны своя на вѣчную жизнь» [2]. Тамъ и будетъ совершеннѣйшая полнота жизни и любви сыновъ Божіихъ, тамъ и будетъ совершеннѣйшее Царство Божіе, гдѣ будетъ одно только безконечное торжество жизни и любви, гдѣ всѣ будутъ только «ликовствовати въ свѣтѣ незаходимомъ, въ радости вѣчнѣй и въ безконечныя вѣки» [3], «и царствовати въ безконечныя вѣки, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ» [4].

Правда, предвкушеніе, такъ сказать, этого блаженнаго состоянія совершеннаго единенія съ Богомъ возможно и въ настоящей жизни. Путемъ постояннаго воспитанія въ себѣ чувства Бога, путемъ неусыпнаго осуществленія Его Святой воли, христіанинъ становится, наконецъ, такъ близокъ къ Богу, что какъ бы видитъ Его лицомъ къ лицу и перестаетъ существовать самъ и для себя, но только Имъ и въ Немъ одномъ и живетъ, представляя собою «ангела во плоти» [5]: «Аще си (волю Божію) съ Божіею помощію управиши... И тогда свободнымъ окомъ къ умному воззрѣвъ свѣту и узриши Отца свѣтомъ, яко Іовъ, возглаголеши: прежь убо слухомъ слышахомъ, нынѣ-же око мое видить тя, не тѣлесное, но духовное» [6]. Это аскетическое состояніе созерцанія и жизни въ Богѣ есть послѣдняя завершительная ступень земной жизни человѣка въ Церкви, ступень, правда, идеальная [7], но желательная и достижимая, пред-

---

1) „Повѣсть къ Василью Игумену Печерьскому. Притча о бѣлоризцѣ человѣцѣ, и о мнишьствѣ, и о души и о покааніи“ Св. Кирилла Туровскаго, въ „Памятникахъ Россійской Словесности XII вѣка“, 129 стр., изд. Калайдовичемъ, М. 1820.

2) „О законѣ Моисеомъ даннѣмъ ему, и о благодати и истинѣ Іисусъ Христомъ бывшимъ“, 224 стр.

3) „Слово нѣкоего отца к сыну своему“, 138 стр.

4) „Поученіе святаго Иларіона о пользѣ душевнѣй къ всѣмъ православнымъ христіаномъ“, 296 стр.

5) „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ подъ 6523 (1015) г., 134 стр.

6) „Посланіе нѣкоего старца къ богоблаженному Василію архимандриту, о скимѣ“, 355 стр.

7) Сказанія о святыхъ мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ, стихи о нихъ же, объ Алексѣѣ, человѣкѣ Божіемъ, объ Іосафѣ пустынникѣ.

ставляющая собою необходимое и, такъ сказать, видимое завершеніе истинной жизни человѣка,—а потому и общеобязательная: «всякъ христіанинъ нудится понести яремъ Господенъ, сирѣчь иночьскый образъ на ся взяти» [1]).

Но эта истинная жизнь для каждаго отдѣльнаго человѣка возможна только у ея источника, только тамъ, гдѣ ея обитаніе и полнота,—только въ Церкви. И каждый человѣкъ для того, чтобы получить эту жизнь блаженную и неумирающую, долженъ необходимо войти въ нее, стать одною изъ овецъ стада Христова:

«А мы, друзье, братье,
«прибѣгнемъ ко церкви,
«прольемъ Богу слезы,
«ко вышнему Творцу;
«послушаемъ, братія,
«писаніе Божіе,—
«чѣмъ насъ Господь Богъ наказуетъ
«щедротъ своихъ ради,
«чтобы намъ не впасти
«въ злу превѣчну муку» [2]).

Другаго пути ко спасенію нѣтъ. Путь, указываемый Христовою Церковію и лежащій черезъ нее саму, есть единственный путь къ истинной, вѣчной жизни: «Сыну мой, чадо мое, приклони ухо твое, и послушай отца своего, свѣтующаго ти спасенья... отъ Адама праотца нашего до сего нашего вѣка, колико человѣкомъ множество бысть на земли и всѣ безпамятни быша. Единиже памятни быша и просияша на земли и на небеси, иже по заповѣдемъ Божіимъ ходиша, и дни своя нжьжиша, и къ Единому вышнему взираху. Иже кротостью пожиша и в доброcловьи уста своя учиниша. Иже мало свѣта сего причащахуся, вси же свою мысль и все свое хотѣніе в безсмертное житіе управляху, и о томъ единомъ въздыхаху и моляху воину Бога яко достойнымъ явитися» [3]).

И, такъ какъ только въ Церкви Христовой истинная жизнь, только въ ней одной ея источникъ, только въ ней одной можетъ получить истинную жизнь всякій, безъ различія, всякій желающій, то она и является подательницею истинной жизни, матерію, рождающею всѣхъ

[1]) „Повѣсть къ Василью Игумену Печерьскому“, 127 стр.
[2]) Варенцовъ, Стихъ „О Гадамѣ“, 41—42 стр.
[3]) „Слово нѣкоего отца к сыну своему“, 134 стр.

спасающихся для жизни въ Богѣ и возращающею и укрѣпляющею ихъ въ ней и приводящею ихъ въ «возрастъ совершенный»: «Церкви бо всѣмъ въходна: та бо ны есть мати, поражающи крещеніемъ и питающи живущая въ ней нетрудно, одѣвающи же и веселящи вся всельшаяся въ ню» [1]).

Итакъ, истинная жизнь есть жизнь въ Богѣ, въ единеніи всѣхъ въ любви, и эта жизнь есть жизнь Церкви Христовой. Помимо ея нѣтъ жизни: тамъ мракъ, забвеніе и смерть духовная.

Въ такомъ видѣ предстало христіанство вѣрующему сознанію Русскаго народа. Такую величественнѣйшую картину единства міровой жизни въ Богѣ, стремящейся къ полному и совершенному единенію съ Нимъ, увидѣлъ онъ въ христіанствѣ.

Теперь самъ собою встаетъ передъ нами вопросъ: что же собственно Русскаго въ такомъ пониманіи христіанства? Гдѣ тутъ національныя черты Русскаго народа? Въ чемъ тутъ особенность чисто Русскаго пониманія христіанства?—Въ цѣльности и чистотѣ христіанства въ пониманіи Русскаго народа,—отвѣчаемъ мы. Русскій народъ, начиная свою исторію и не имѣя положительныхъ основъ для осуществленія пробудившихся стремленій къ жизни,—« не вѣсі закона» [2]), говорили Болгары св. Владиміру,—жаждалъ такой «вѣры», которая бы создала ему жизнь, вдохнула въ него начала цѣльнаго и вѣчнаго развитія и образовала изъ него народъ не временно устроенный и счастливый, но вѣчно живой, ростущій и умножающійся. «Кака заповѣдь ваша, что есть законъ вашъ» [3]), спрашивалъ Русскій народъ устами своего Равноапостольнаго Князя у представителей различныхъ «вѣръ» и остался весьма недоволенъ Евреями, предложившими ему свою вѣру, которая сама же и разрушила ихъ жизнь: «то како вы инѣхъ учите, а сами отвержени отъ Бога и расточени? аще бы Богъ любилъ васъ и законъ вашъ, то не бысте расточени по чюжимъ землямъ; еда намъ тоже мыслите прияти?» [4]) Можно было ранѣе ожидать, что эти истинныя и вѣчныя начала жизни онъ найдетъ только въ христіанствѣ и, томимый жаждою ихъ,—съ полною готовностію

---

[1]) „Притча о человѣчьстѣй души о тѣлеси, и о преступленіи Божіихъ заповѣдей, и о въскресеніи тѣлесъ человѣчь, и о будущемъ судѣ и о муцѣ", 138 стр.

[2]) „Повѣсть временныхъ лѣтъ" подъ 6494 (986) г., 82 стр.

[3]) Ibid. 83—84 стр.

[4]) Ibid. 84 стр.

отдастся имъ, какъ это и выразила, напримѣръ, св. княгиня Ольга въ словахъ своихъ къ своему сыну Святославу: «аще ты крестишися, вси имуть тоже створити»[1]. И Русскій народъ дѣйствительно увидѣлъ, что христіанство и возвѣщаетъ ту истинную жизнь, въ которой сотворенъ весь міръ и къ которой онъ назначенъ: «Се же послѣже придоша Грьци»», —говорилъ Св. Владиміръ своимъ «болярамъ» и «старцамъ градьскимъ», — «хуляще вси законы, свой же хваляще, и много глаголаша сказающе отъ начала миру, о бытьи всего мира; суть же хитро сказающе, и чюдно слышати ихъ, любо комуждо слушати ихъ, и другий свѣтъ повѣдають быти: да аще кто, дѣеть, в нашю вѣру ступить, то паки, умеръ, въстанеть, и не умреті ему в вѣки; аще ли во инъ законъ ступить, то на ономъ свѣтѣ в огнѣ горѣти»[2]. И когда представители Русскаго народа увидѣли высшее выраженіе жизни христіанства въ богослуженіи, они ясно поняли, что христіанство не только возвѣщеніе началъ вѣры и жизни, но и дѣйствительная жизнь съ Богомъ и въ Богѣ. «И придохомъ же въ Греки», разсказывали они потомъ народу, «и ведоша ны, идеже служать Богу своему, и не свѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли: нѣсть бо на земли такого вида ли красоты такоя, и недоумѣемъ бо сказати; токмо то вѣмы, яко онъдѣ Богъ с человѣки пребываеть, несть служба ихъ паче всѣхъ странъ»[3]. Послѣ этого полная готовность созрѣла и выразилась въ окончательной рѣшимости принять «законъ христіанскій»: «Мы убо не можемъ забыти красоты тоя; всякъ бо человѣкъ аще вкусить сладка, послѣди горести не примаеть, тако и мы не имамы сде быти». Отвѣщавше же боляре рекоша: «аще бы лихъ законъ Гречьский, то не бы баба твоя приняла, Ольга, яже бѣ мудрѣйши всѣхъ человѣкъ». Отвѣщавъ же Володимеръ, рече: «гдѣ крещенье пріимемъ?» Они же рекоша: «гдѣ ти любо»[4]. Такъ несомнѣненъ былъ успѣхъ на Руси христіанства, какъ возвѣщенія новой жизни, жизни любви, особенно, если вспомнимъ, какая благопріятная почва была къ тому въ самопожертвованіи, которымъ жилъ Русскій народъ еще въ язычествѣ.

Та же свѣжесть, которою отличалась Русская душа того времени,

---

[1]) Ibid. подъ 6463 (955) г., 62 стр.

[2]) Ibid. подъ 6495 (987) г., 104 стр.

[3]) Ibid. 106 стр.

[4]) Ibid.

ея свобода отъ всякихъ отвлеченныхъ, самостоятельно составленныхъ воззрѣній—и обусловливали собою то, что христіанство отразилось въ ней во всей своей жизненной цѣльности, безъ малѣйшаго предпочтенія какой-либо одной его стороны, области вѣры—области жизни, напримѣръ, или наоборотъ,—и въ совершенно Евангельской чистотѣ. Эта цѣльность и чистота и составляютъ національное богатство Русскаго народа въ пониманіи христіанства. Въ дѣйствительности это богатство выражается въ такомъ видѣ: по принятіи христіанства — «*Русскій*» становится «*христіаниномъ*», содержаніе Русскаго отожествляется съ содержаніемъ христіанина,—христіанство становится народностью. И если можно назвать національнымъ достояніемъ извѣстнаго народа то, что христіанство стало содержаніемъ его народности, то такое достояніе и принадлежитъ Русскому народу. Но, разумѣется, тутъ скорѣе приложимъ терминъ «универсальный», потому что самая національность выражается въ универсальности, содержаніемъ національности стало то, что универсально. Поэтому, въ приложеніи къ Русскому народу нужно сказать, что національнымъ въ пониманіи имъ христіанства является то, что онъ понялъ его универсальное значеніе, что онъ увидѣлъ въ христіанствѣ «Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь», и, такимъ образомъ національною чертою пониманія является универсальность, «каѳоличность» христіанства. Поэтому то всѣ споры о національмѣ Русскаго христіанства сводятся къ простой игрѣ словъ, не выражая сущности дѣла, а упреки по адресу этого національзма—чистой клеветой, хотя, можетъ быть, и безсознательной въ смыслѣ ненаучности.

Но что сказать о другомъ вымыслѣ тогоже лагеря хулителей воображаемаго Русскаго національзма, будто всѣ, такъ называемыя, «Русскія начала» есть пустая мечта и плодъ досужей фантазіи и натяжекъ защитниковъ этихъ началъ, будто въ дѣйствительной жизни Русскаго народа не было буквально ничего привлекательнаго, что служило бы оправданіемъ этихъ началъ? Если первый упрекъ разсыпается самъ собою послѣ приведенія самыхъ взглядовъ Русскаго народа на христіанство, то послѣдній, быть можетъ, тоже потерялъ бы свое значеніе, если бы мы коснулись исторіи Русскаго народа и поискали въ ней осуществленія его христіанскихъ взглядовъ. Но мы исторіи не пишемъ. Что же касается до одной стороны жизни Русскаго народа, собственно, жизни литературной, то, прослѣдивъ ее, мы совершенно теряемся въ недоумѣніи: да читали ли когда нибудь эти хулители хоть одно изъ

произведеній домонгольской письменности?... Всѣ сочиненія того времени сплошь проникнуты однимъ чувствомъ любви къ Богу и людямъ, полны выраженій самого возвышеннаго религіознаго настроенія, дышатъ неподдѣльною теплотою истинно христіанскихъ чувствъ, отъ всѣхъ отъ нихъ такъ и вѣетъ единою жизнью съ Богомъ и въ Богѣ,—и мы совершенно затрудняемся процитировать что нибудь въ опроверженіе хулителей: для этого нужно бы было привести цѣликомъ всѣ сочиненія того времени... Даже самый церковный характеръ всѣхъ безъ исключенія памятниковъ домонгольской письменности достаточно говоритъ за то, что христіанство не оставалось пустымъ звукомъ въ устахъ Русскаго народа, но и въ жизни его представило много хорошихъ явленій. И, кажется можно сказать, что если и стремился жить чѣмъ тогда Русскій народъ, то именно чувствомъ Бога. По крайней мѣрѣ въ литературѣ онъ проявилъ жизнь только этого чувства. Для примѣра возьметъ типическія начала литературныхъ произведеній того времени: «Въ имя Отца и сына и святаго доуха» [1]) Благодарю тя владыко Господи мои, Іисусе Христе, яко сподобилъ мя еси недостоинаго исповѣдателя быти святымъ твоимъ оугодникомъ. Се бо исперва написавшу ми о житіи, и о погубленіи и о чюдесѣхъ святую блаженную страстотерпцю, Бориса и Глѣба, и понудихся на другое исповѣданіе пріити, еже выше моея силы, ему же не бѣгъ достоинъ, грубыи сии и неразумиченъ, и къ симъ же яко не бѣхъ оученъ ни коей же хитрости, но вспомяноухъ, Господи, слово твое, рекши: аще имате вѣру, яко зерно горошное и речете горѣ сеи: преиди въверзися в море, и абіе послушаетъ васъ. Си на оумѣ азъ грѣшныи Нестеръ пріимъ и оградився вѣрою и оупованіемъ и яко вся възможна отъ тебѣ соуть, и начатокъ слову списанiа положихъ, еже о житіи преподобнаго отца нашего Ѳеодосіа,... се же яко же, о братіе, въспоминающю житіа преподобнаго, не соуще списано ни отъ кого же, печалію по вся дни съдержило бѣхъ и молихся Богу, да сподобитъ мя вся порядоу списати о житіи, богоноснаго отца нашго Ѳеодосіа, да и по насъ соущіи черноризцы, пріимше писаніе и почитающе, ти видяще моужа доблесть, въсхвалять Бога, и оугодника его прославящи, на крѣпкіи подвигъ оукрѣпятся» [2]).

[1]) Уставъ Св. Великаго князя Владиміра въ „Дополненіяхъ къ актамъ историческимъ“, изд. Археограф. Ком., I т. СПБ. 1846 г., № 1.
[2]) „Житіе преподобнаго отца нашего Ѳеодосіа“, I—II стр.

Впрочемъ, не вдаваясь въ подробности, мы спросимъ только: противъ чего возражаютъ противники «Русскихъ началъ»?—противъ идеальности дѣйствительной прошлой жизни Русскаго народа?—Но ее никто и не идеализировалъ, и прежде всего самъ народъ отлично видѣлъ ея слабыя стороны и самъ обличилъ себя въ нихъ и указалъ, въ извѣстномъ стихѣ о Правдѣ и Кривдѣ, что она еще далека до идеала:

«Возговоритъ Волотоманъ царь Волотомановичъ:
«Государи, братцы, сорокъ царей,
«что случилося въ моемъ во чистомъ полѣ;
«быть два зайчика собѣгалися—
«одинъ сѣренькій былъ, другой бѣленькій,—
«и промежду собой оны подралися.
«Быть какъ сѣрый бѣлый пріобидѣлъ же:
«пошелъ бѣленькій во чисто поле,
«пошелъ сѣренькій во темны лѣса».
«Тогда всѣ цари пріумолкнули.
«Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь
«нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ.
«То не зайчики въ полѣ собѣгалися:
«тутъ сошлася кривда съ правдою,
«и промежду собою оны подралися.
«Нонѣчь кривда правду пріобидѣла:
«пошла правда она на вышнія нѣбеса,
«а кривда оставалась на сырой земли,
«по всему народу православному.
«Она пала намъ всѣмъ на ретиво сердце:
«оттого у насъ въ мірѣ стало правды нѣтъ;
«стали беззаконія великія» [1]).

Въ видѣ иллюстраціи къ такому воззрѣнію на теперешнюю жизнь Русскій народъ поетъ другой, глубоко прочувствованный и въ высшей степени художественный, «стихъ про удачу-добраго молодца»:

«У вдовушки у сиротушки
«Былъ одинъ сынокъ добрый молодецъ.
«Онъ по мостичку похаживалъ,
«По калиновому самъ погуливалъ.

1) Варенцовъ, стихъ о Голубиной книгѣ, 28—29 стр.

«Онъ самъ себя выхваливалъ:
«Нѣту ни ростову, ни пригостову,
«Нѣту молодцу горюшка и кручинушки».
«Гдѣ ни взялося къ ему горюшко
«Съ-подъ бѣлаго съ-подъ камешка,
«Съ-подъ ракитоваго съ-подъ кустышка.
«Во отопочкахъ идетъ горе подобувши,
«Мочаленой подпояхавши.

. . . .

«Ты постой, удача-добрый-молодецъ
«Тебѣ отъ горя не уйтить будетъ
«Горя горькаго вѣчно не смыкати.

. . . .

«Молодецъ отъ горя во сыру землю;
«За имъ горе съ лопатамъ идетъ.
«Передъ имъ горе низко кланяется
«Ты спасибо, удача-добрый-молодецъ,
«Что носилъ горе, не кручинился и не печалился!
«Пошелъ молодецъ въ сыру землю,
«А горюшко по бѣлу свѣту
«По вдовушкамъ и по сиротушкамъ,
«И по бѣднымъ по головушкамъ,
«Горю слава во вѣкъ не минуется» [1]).

При всемъ томъ Русскій народъ глубоко вѣрилъ, что истинныя начала жизни возьмутъ перевѣсъ надъ ложными, и что придетъ время, когда настанетъ полное торжество «Правды»:

«—Кабы Правда Кривду преодолѣла!
«—При послѣднемъ будетъ при времени,
«—При восьмой будетъ при тысяци,
«—Правда будетъ взята Богомъ съ земли на небо» [2]).

И такъ, Русскій народъ усвоилъ чисто Евангельскій идеалъ Церкви Христовой, и этотъ идеалъ сталъ его національнымъ достояніемъ, явившись содержаніемъ народности и давши право самому народу отожествлять «Русское» съ православнымъ. Этотъ идеалъ Русскій

---

[1]) Варенцовъ, 127—130 стр.

[2]) Безсоновъ, 2 выпускъ, Стихъ о „Книгѣ голубиной" № 80, 292 стр. см. также № 76 и др.

народъ и поставилъ свѣточемъ и цѣлію своей жизни, вполнѣ сознавая, что полное и совершенное достиженіе его возможно только въ будущемъ загробномъ мірѣ.

Теперь передъ нами болѣе частный вопросъ: въ чемъ выражается со стороны каждаго христіанина жизнь его въ Церкви? Каково должно быть содержаніе духовной и внѣшней жизни человѣка? Иначе говоря: каково, по взгляду Русскаго народа, должно быть содержаніе вѣры и жизни христіанина, взятыхъ въ отвлеченной раздѣльности? (въ жизни, въ дѣйствительности, какъ мы видѣли, онѣ неотдѣлимы другъ отъ друга).

Но объ этомъ дальше...

II.

„Велика наша вѣра крещеная,
„Великъ нашъ христіанскій Богъ!"

(Стихъ о святомъ младенцѣ Кирикѣ).

Если христіанское ученіе о Церкви было понято Русскимъ народомъ въ такой жизненной цѣльности и совершенно Евангельской чистотѣ, если христіанскій принципъ любви встрѣтилъ такую благопріятную почву для своей жизни и развитія въ свободномъ сердцѣ русскаго народа, сердцѣ, изъ котораго онъ самъ съ такимъ успѣхомъ удалилъ идолъ всякаго народа въ его естественномъ состояніи, идолъ поклоненія и служенія самому себѣ со стороны каждаго человѣка, и этимъ изгнаніемъ эгоистическихъ основъ жизни приготовилъ изъ своего сердца достойное жилище любви Божественной,— то отсюда еще далеко до того, чтобы тоже самое сказать и относительно области высшаго христіанскаго вѣдѣнія. Мы видѣли уже, какъ слаба была собственная мысль Русскаго народа. Его умственная дѣятельность не поднялась еще надъ поэтическимъ созерцаніемъ явленій видимаго міра, была далека еще до болѣе отвлеченнаго мышленія и вовсе не знала его высшихъ и сложныхъ процессовъ. Міръ, человѣкъ, всевозможные вопросы внѣшняго и внутренняго бытія оставались для Русскаго народа безъ объясненій. И эта область основъ и началъ міровой жизни, какъ и область положительныхъ

началъ жизни человѣческой, въ сознаніи Русскаго народа была покрыта глубокимъ мракомъ неизвѣстности. Христіанство, съ его готовыми, возвышеннѣйшими и безусловными, отвѣтами на всѣ вопросы всякаго истиннаго знанія, озарило неприступнымъ, солнечнымъ, свѣтомъ темную душу Русскаго народа, открывшимъ его вѣрующему взору всѣ тайники человѣческаго вѣдѣнія: «И бывшимъ намъ слѣпымъ, истиннаго свѣта невѣдящимъ,... помилова ны Богъ, и всѣявъ на насъ свѣтъ разума, еже познати Его,... и солнце Евангельское землю нашу осія» [1]). И Русскій народъ съ благоговѣніемъ преклонился передъ великими истинами христіанскаго богословія. Онъ понялъ всю глубину и недосягаемость для человѣческаго ума предлагаемаго христіанствомъ знанія. Онъ понялъ, что истинное знаніе возможно только при условіи объединенія всего въ одномъ исходномъ и всеобъемлющемъ Источникѣ. Онъ понялъ, что только подъ освѣщеніемъ этого всеобъединяющаго Начала человѣкъ можетъ смотрѣть и видѣть все бытіе. И для него стало ясно, что человѣкъ безсиленъ познать самое Солнце знанія, что ему трудно даже при блескѣ Его разобраться во всемъ окружающемъ. И въ его живомъ воображеніи сейчасъ же создался цѣльный глубокопоэтическій образъ для христіанства, какъ высочайшаго и недосягаемаго знанія. Христіанство—это книга, содержащая въ себѣ все истинное знаніе, «всѣ мудрости подселенныя», «всѣ мудрости Господнія» [2]), книга, содержащая всю глубину знанія (откуда и названіе ея—«Книга голубиная»), и являющаяся съ восточной стороны, стороны свѣта земнаго. Для людей эта книга лежитъ у источника ихъ истинной жизни, у «креста животворящаго». И вотъ собираются прочесть ее не простые слабые смертные, но ихъ лучшіе представители, ихъ просвѣщенные цари и князья. Но и они, въ полномъ безсиліи постичь всю глубину ея содержанія, сознаютъ ея величіе и недосягаемость для ограниченныхъ силъ человѣческихъ и недоступность ея во всей полнотѣ не только обыкновеннымъ людямъ, но даже и величайшему изъ богослововъ христіанскихъ:

«Изъ-подъ той страны изъ-подъ восточныя
«выставала туча темная, грозная;

---

[1]) „О законѣ Моисеомъ данѣмъ ему, и о благодати и истинѣ Іисусъ Христомъ бывшимъ“... 236 и 241 стр.

[2]) Безсоновъ, 2 выпускъ, Стихи „Голубиная книга“, № 80, 292 стр. и № 92, 351 стр.

«да изъ той изъ тучи грозной, темныя,
«выпадала книга голубиная.
«На славную она выпала на Ѳаворъ-гору,
«ко чудну кресту къ животворящему,
«ко тому ко камню ко бѣлатырю,
«ко честной главы ко Адамовой.
«Ко этой книги голубиныя
«собирались къ ней, соѣзжалися
«сорокъ царевъ, все царевичи;
«и премного князей, много князевичей;
«изъ нихъ было пять царевъ наболъшихъ:
«былъ Исай царь, другой царь Костянтинъ,
«былъ Василей царь, сынъ Акульевичъ,
«Волотоманъ царь былъ Волотомановичъ,
«нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ.
«Взговорилъ царь Волотоманъ Волотомановичъ:
«Ино кто жъ бы съ насъ, братцы, по памяти,
«кто прочелъ бы намъ, братцы, про бѣлый свѣтъ,
«чтобы знать, во книгѣ что написано,
«въ голубиной книгѣ напечатано»:
«Оны всѣ цари тутъ пріумолкнулись.
«Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
«нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ:
«Государи, братцы, сорокъ царей,
«я вамъ такъ скажу, братцы, по памяти,
«по памяти, какъ по грамоты,
«про этую книгу голубиную.
«Великая книга голубиная!
«Вдолину книга сорока локотъ,
«поперегъ книга тридцати локотъ,
«въ толщину книга десяти локотъ.
«Не узнать намъ, во книгѣ что написано;
«на рукахъ держать намъ книгу, не удержать будетъ,
«умомъ намъ сей книги не сосмѣтити,
«и очамъ намъ книгу не обозрити.
«Великая книга голубиная!
«Писалъ эту книгу святъ Исай пророкъ,
«читалъ эту книгу Иванъ Богословъ.

«Онъ читалъ эту книгу ровно три года,
«прочиталъ во книгѣ только три листа» [1]).

Постичь всю глубину христіанскаго ученія умомъ человѣческимъ, хотя бы и просвѣтленнымъ благодатнымъ озареніемъ,—невозможно. Тѣмъ болѣе Русскій народъ долженъ былъ сказать это о своихъ силахъ, совершенно не подготовленныхъ къ отвлеченному созерцанію не только высочайшихъ, но и простыхъ истинъ самихъ въ себѣ, отдѣльно отъ ихъ образовъ и внѣшнихъ обнаруженій. И если Русскій народъ понялъ, что истинное знаніе возможно только при условіи созерцанія всего въ источномъ началѣ и объединяющемъ центрѣ всего бытія, то въ то же время онъ увидѣлъ, что это высочайшее начало, дающее жизнь и смыслъ всякому явленію, начало, въ которомъ мыслится все бытіе, какъ въ своемъ фокусѣ, что это начало не вмѣщается въ рамки его ограниченнаго ума, не разобравшагося еще и не понимающаго того, что лежитъ прямо передъ его глазами. Онъ понялъ, что это высочайшее начало—Существо, и Существо живое и личное, поскольку живо все, происшедшее отъ Него, и поскольку живетъ Оно Само въ Себѣ, независимо отъ Своей жизни въ томъ, что получило отъ Него свое бытіе. Истина личнаго внѣміриаго бытія Существа высочайшаго необходимо постулировалась въ сознаніи Русскаго народа самымъ понятіемъ о немъ, какъ о первопричинѣ, что онъ усвоилъ какъ фактъ христіанской вѣры. Но въ чемъ выражается эта внѣмірная жизнь высочайшаго Существа, хотя приблизительное постиженіе христіанской Истины самой въ себѣ—оказалось совершенно не по силамъ Русскому народу. Мы разумѣемъ христіанское ученіе о Св. Троицѣ. Этотъ высочайшій предметъ христіанской созерцательной вѣры не нашелъ для себя почвы въ сознаніи Русскаго народа и по своей глубокой отвлеченности, къ которой это сознаніе вовсе не было подготовлено, былъ имъ обойденъ. Правда, вѣра въ единаго Бога Троичнаго въ лицахъ проходитъ по всей домонгольской литературѣ. Какъ особенно ясное и полное выраженіе ея, мы приведемъ исповѣданіе ея въ стихѣ о святомъ младенцѣ Кирикѣ:

«Святой младенецъ Кирикъ
«Жалко вопіюще гласитъ
«Ко царю ко Небесному:

[1]) Варенцовъ, Стихъ „Голубиная книга“ № 4, 19—21 стр.

«Господи, Отецъ, Сынъ, Святый Духъ!

. . . .

«Услышьте молитву святаго младенца Кирика—
«Не отдайте на великое мученіе
«Ко царю ко невѣрному» [1]).

Есть даже замѣчательное по своей точности и полнотѣ исповѣданіе великаго таинства Св. Троицы: «Вѣрую въ единаго Бога, славимаго въ Троици, Отца нерождена, безначала, безъконечна, Сына же рождена, въ безначальна же и безконечна, Духа Свята, изходяща изъ Отца, и въ Сынѣ являющася събезначальна же, такожде и равна Отцу и Сыну; Троицу единосущну, лици жь раздѣляющуся, Троицу имены, единого же Бога. Не съливаю раздѣленія, ни съединенія раздѣляю. Съвокупляются несмѣсно и раздѣляются нераздѣльнѣ. Отецъ бо нарицается, понеже рождая; Сынъ же, рожденія ради; Духъ же Святый, исхода ради, нъ неотходенъ. Не бываетъ же Отецъ—Сынъ, ни Сынъ—Отецъ, ни Духъ Святый—Сынъ: нъ комуждо свое несмѣсно суще, развѣ Божества. Едино бо есть Божество въ Троици, едино господьство, едино царство. Обще трисвятое отъ Херувимъ, обещъ поклонъ отъ Ангелъ и человѣкъ, една слава и благодареніе отъ всего міра. Того единаго Бога вѣдѣ и Тому вѣрую, въ Негоже имя и крестихся, въ имя Отца и Сына

---

[1]) Варенцовъ, 81 стр. См. также: „Повѣсть временныхъ лѣтъ" 236 стр., „Поучение Архиепископа Лоукы къ братии" въ 1-ой ч. Русскихъ Достопамятностей, изд. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, М. 1815 г., 7 стр.; „Посланіе нѣкоего старца къ боголаженному Василію архимандриту, о скимѣ," 347 стр.; „На поучение ко всѣмъ крестьяномъ" митр. Кирилла въ Москвитянинѣ 1851 г., № 6, 119 стр.; „О законѣ Моисеомъ даннѣмъ ему..." 240; „Посланіе смиреннаго епископа Симона .." CXXI стр.; „Слово святыхъ отьць о постѣ..." 141 — 142 стр.; „Обрѣтенье честнаго тѣлесе святаго святителя леонтея епископа ростовьскаго чюдотворца" въ Православномъ Собесѣдникѣ 1858 г., 1 ч., 317 стр.; „Сказаніе о житіи преподобнаго... Антоніа римлянина", 317—318 стр,; „Книга Паломникъ"—Путешествіе Новгородскаго Архіепископа Антонія въ Царьградъ въ концѣ 12-го столѣтія, съ предисловіемъ и примѣчаніями Павла Савваитова, СПБ. 1872 г. 184 стр.; „Чтение о житии... Бориса и Глѣба", 4 и 40 столб.; „Сказание страстотерпьцю святую мученику Бориса и Глѣба" Іакова мниха, ibid., 90 столб.; Варенцовъ, Стихъ о Георгіѣ храбромъ, 100 стр.; о Голубиной книгѣ 21 стр.; и множество другихъ свидѣтельствъ о томъ же.

и Святаго Духа» [1]). Но такое исповѣданіе оставалось только фактомъ православной вѣры Русскихъ людей, не проходя въ ихъ сознаніе. Русскій народъ вѣровалъ, что существо Божіе едино и нераздѣльно, что Богъ единый по существу Троиченъ въ лицахъ единосущныхъ и равныхъ по Божеству, различающихся же по взаимному отношенію между собою: Отецъ ни отъ кого не раждается и не исходитъ, Сынъ совѣчно раждается отъ Отца и Духъ святый также исходитъ отъ Отца, и всѣ три равны и не смѣшиваются до слiянія лицъ, и всѣ три—по существу Одинъ Богъ. Уяснить же, хотя сколько нибудь, для своего разума это непостижимѣйшее таинство христіанскаго Тріединаго Бога, приблизить его къ своему пониманію и точно представить его содержаніе въ области, доступной уму человѣка,—Русскій народъ оказался не въ силахъ. И у того же просвѣщеннѣйшаго Святителя Русской Церкви, въ его, замѣчательномъ словѣ «О законѣ Моисеомъ данномъ», мы находимъ подтвержденіе такой неподготовленности Русской мысли къ воспріятію этой высочайшей истины вѣры Христовой: «Благословенъ Господь Богъ Іизраилевъ, Богъ Христіанескъ, яко посѣти и сътвори избавленіе людемъ своимъ, яко не презрѣ твари своея до конца идольскимъ мракомъ одержимѣ быти и бѣсовскыимъ служеніимъ, но оправди прежде племя Авраамле скрижальми и закономъ, послѣжде Сыномъ своимъ вся языкы спасе Евангеліемъ и крещеніемъ, и вводя въ обновленіе пакыбытія въ жизнь вѣчную. Да хвалимъ Его убо и прославляемъ хвалимаго отъ Ангелъ беспрестани и поклонимся Ему, Емуже безпрестани кланяются Херувими и Серафими, яко призря призрѣ на люди своа, и не посолъ, ни вѣстникъ, но Самъ спасе ны, не привидѣніемъ пришедъ на землю, но истинно, пострадавъ за ны плотію и до гроба, и съ Собою воскресивъ ны. Къ живущимъ бо на земли человѣкомъ, въ плоть одѣався, пріиде; къ сущимъ же въ адѣ, распятіемъ и въ гробѣ полежаніемъ, сниде: да обои, и живіи и мертвіи, познаютъ посѣщеніе свое и Божіе пришествіе, и разумѣютъ, яко есть живымъ и мертвымъ крѣпокъ и силенъ Богъ» [2]). Если на основаніи этихъ сужденій о Богѣ Спасителѣ и никто не станетъ упрекать строго православнаго Святителя

---

[1]) Изложеніе вѣры Св. Иларіона митрополита Кіевскаго въ „Прибавленіяхъ къ твореніямъ Святыхъ Отцевъ", часть II, 1844 г., 253 стр.

[2]) 223—224 стр.

въ монархіанствѣ, то во всякомъ случаѣ ими не устраняется подозрѣніе въ темнотѣ представленій его о Троичномъ Богѣ. Очевидно, эта истина осталась выше его мысли и не проникла въ нее и не сознавалась ею.

И вообще то же самое нужно сказать и относительно другихъ истинъ христіанской вѣры. Слабое и неподготовленное логическое мышленіе Русскаго народа не вмѣщало ихъ и не могло представить ихъ съ возможною ясностію и отчетливостію. Поэтому то Русскій народъ и не могъ самостоятельно отнестись къ логическимъ формуламъ христіанскихъ истинъ, совершенно уже выработаннымъ къ тому времени на востокѣ и требовавшимъ тонкаго пониманія и высокой степени развитія умственныхъ силъ человѣка. И мы видимъ, что Русскій народъ съ одинаковымъ правомъ допускалъ въ своемъ употребленіи (хотя бы литературномъ) какъ строго православное исповѣданіе вѣры въ Св. Троицу, такъ даже и еретическое: «вѣрую въ единого Бога Отца нерожена, и въ единого Сына рожена, въ единъ Святый Духъ исходящь: три собьства свершена, мыслена,... раздѣляеть бо ся нераздѣлно, и совкупляется неразмѣсно. Отець... единѣмъ нероженьемъ старѣй сынъ Сыну и Духови .. Сынъ подобесущенъ Отцю..., Духъ есть пресвятый, Отцю и Сыну подобносущенъ и приносущенъ» [1]). Логическое мышленіе Русскаго народа не поднялось еще до точнаго опредѣленія отношеній Лицъ Св. Троицы между собою и не сознавало существенной разницы между терминами православными и еретическими, а потому и относилось къ нимъ съ такимъ безразличіемъ. И эту нетвердость мысли можно видѣть и въ пониманіи таинства воплощенія Сына Божія, гдѣ она съ такою же силою сказалась въ неустановленности опредѣленнаго содержанія въ терминахъ — «существо» и «естество». Слѣдствіемъ этого и была вполнѣ понятная возможность выразиться о Христѣ Спасителѣ, что Онъ «во двою существу» воплотился [2]). Туже самую неясность и неточность мысли можно находить и во взглядѣ на римскаго папу. Несомнѣнно, что Русскій народъ никогда не почиталъ его за главу Церкви. Въ тоже время онъ и не вносилъ яснаго содержанія въ это послѣднее понятіе, и это дало поводъ одному неизвѣстному проповѣднику сказать о римскомъ папѣ: «се отець всеи вселенѣи» [3]).

---

1) „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, подъ 6496 (988) г., 109—110 стр.

2) „Посланіе нѣкоего старца... о схимѣ“; 347 стр.

3) Древнее житіе Алексѣя человѣка Божія, въ „Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ

Все это даетъ полное право полагать, что Русскій народъ почти не соединялъ сознательнаго логическаго содержанія съ истинами вѣры Христовой. Его неподготовленное мышленіе не давало почвы для сложныхъ формулъ и весьма тонкихъ терминовъ христіанскаго богословія. Истины ученія христіанскаго оставались для него фактомъ вѣры, сами не питаясь въ его умѣ и съ своей стороны не давая ему пищи. На нихъ онъ не смотрѣлъ какъ на единственно истинную философію, въ которой нужно искать послѣдняго разрѣшенія всевозможныхъ вопросовъ отвлеченнаго міросозерцанія. Если же, тѣмъ не менѣе, онъ понималъ, усвоилъ и сохранилъ православное христіанство, то вовсе не на почвѣ убѣжденія его ума въ истинности отвлеченныхъ сужденій христіанскаго ученія, въ которомъ, какъ въ стройной и законченной философской теоріи, каждая мысль, каждое слово съ логическою необходимостью вытекаютъ изъ его основнаго положенія и допускаютъ только одну строго опредѣленную форму умственнаго представленія и соотвѣтствующаго словеснаго выраженія, въ которой малѣйшее уклоненіе или неточность въ этихъ послѣднихъ ведетъ къ искаженію и уничтоженію самой основы и существа всей системы. Нѣтъ, не такимъ непосильнымъ путемъ (правиленъ онъ, или нѣтъ—другой вопросъ) шелъ къ уразумѣнію христіанства и воспиталъ себя въ православіи Русскій народъ. Этотъ путь онъ самъ намѣтилъ въ томъ же замѣчательномъ стихѣ о «Голубиной книгѣ», гдѣ свою любознательность и жажду постичь «мудрости Господнія» онъ думаетъ удовлетворить познаніемъ «дѣлъ Божіихъ», освѣщеніемъ своего настоящаго и всего прошедшаго, проникновеніемъ въ существо исторіи въ ея широкомъ и истинномъ смыслѣ:

«Возговорилъ Володиміръ князь,
«Володиміръ князь Володиміровичь:
«Ой ты гой еси, нашъ премудрый царь,
«Премудрый царь, Давыдъ Ессеевичъ!
«Прочти, сударь, книгу Божію,
«Объяви, сударь, дѣла Божіи,
«Про наше житіе про свято-русское,
«Про наше житіе свѣту вольнаго» [1]).

о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ“ И. Срезневскаго, СПБ. 1867 г., выпускъ IV, № XXXI, 7 стр.

[1]) Безсоновъ, выпускъ 2, № 82, 300 стр.

. . . .

«Разскажи, сударь, намъ про бѣлый свѣтъ,
«Про всѣ мудрости Господнія,
«И про старое, и все про стародавнее» [1].

Это тотъ путь, которымъ пришелъ къ крещенію Равноапостольный Князь Русскій, путь убѣжденія въ жизненной силѣ и правотѣ христіанства: «слышано бѣ ему всегда о благовѣрнѣй земли Гречьстѣй, Христолюбивѣй же и сильнѣй вѣрою, како единаго Бога въ Троици чтутъ и кланяются; како въ нихъ дѣются силы и чюдеса и знаменія; како церкви людій исплънены; како веси и гради благовѣрни, вси въ молитвахъ прилежать; вси Богови предстоять. И си слышавъ, възжела сердцемъ и възгорѣся духомъ, яко же быти ему Христіяну и земли его. Еже и бысть, Богу тако изволившу» [2]. Этимъ путемъ жизненно-историческаго оправданія истинности христіанства убѣждалъ Святаго Князя и греческій проповѣдникъ, раскрывшій предъ нимъ всю исторію міра и отсюда заставившій его стать на сторону христіанства и этимъ расположившій его къ крещенію [3]. Русскій народъ хотѣлъ видѣть правоту христіанской истины въ жизни, въ исторіи, и такъ какъ эту истину онъ понималъ не въ узкомъ и одностороннемъ смыслѣ теоріи только, или только опредѣленной житейской практики, но въ широкомъ смыслѣ цѣльной и стройной жизни,—то онъ и дѣйствительно увидѣлъ, что христіанство только и есть единственное благовѣстіе истины, потому что въ немъ только дается истинная жизнь, жизнь блаженная и вѣчная. На этой же почвѣ жизни онъ стремился понять и все содержаніе христіанства. Вся исторія явилась въ его сознаніи исторіей Божественнаго смотрѣнія о мірѣ, вся жизнь предстала передъ нимъ постепеннымъ приближеніемъ къ Источнику и Цѣли всякаго бытія, или же постепеннымъ удаленіемъ отъ Него, словомъ, въ мірѣ онъ увидѣлъ жизнь Бога и жизнь въ Богѣ. На основаніи этихъ отношеній Высочайшаго Начала къ жизни и жизни къ Нему, онъ и думалъ понять само это Начало и уяснить себѣ всѣ другіе, тѣсно связанные съ Нимъ, вопросы христіанскаго ученія. Русскій народъ шелъ въ данномъ случаѣ путемъ синтеза, поскольку отдѣльныя явленія стремился объединить въ одномъ Началѣ, и при томъ не отвлеченнаго логическаго синтеза, но синтеза

---

[1]) Ibid. № 92, 351 стр.
[2]) „О законѣ Моисеомъ данѣмъ“. 240 стр.
[3]) „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ подъ 6494 (986) г., 84—104 стр.

жизненнаго, нравственнаго, поскольку въ основаніи его лежали не-отвлеченныя сужденія, но живыя явленія чисто нравственнаго характера. И мы назовемъ такое пониманіе содержанія христіанства жизненно, или нравственно-синтетическимъ.

Согласно такому пониманію, Богъ, создавшій міръ весь и возставившій «падшая», являлся въ сознаніи Русскаго народа постояннымъ дѣятелемъ въ судьбахъ міра, вѣчно живою силою, все проникающею и оживляющею и все направляющею къ его истинному назначенію. Какъ высочайшее личное Начало, движущее жизнью всего міра, Богъ является премудрымъ устроителемъ той гармоніи, того дивнаго порядка и красоты, которыя съ такимъ благоговѣніемъ созерцали наши предки во всемъ окружающемъ. Таинственный міръ свѣтилъ небесныхъ, стройность и порядокъ въ разнообразномъ царствѣ живыхъ существъ они почитали дѣломъ непостижимой премудрости Божіей [1]). Чудныя красоты внѣшней неодушевленной природы, непонятный нерѣдко характеръ ся величественныхъ явленій—вызывали въ нихъ глубокое благоговѣніе передъ премудрымъ Устроителемъ вселенной. Обозрѣвая, напримѣръ, красоты Святой земли, Даніилъ игуменъ говоритъ о Ѳаворѣ: «Гора же Ѳаворьская дивна и чюдна уродилася отъ Бога» [2]). Видя озеро на значительной высотѣ этой горы, онъ восклицаетъ: «Дивно же бысть Божіе устроеніе, оже на толицѣ высотѣ водѣ быти!» [3]) Тоже чувство вызывала и дивная гармонія въ разнообразіи внѣшняго вида отдѣльныхъ личностей общества человѣческаго: «И сему чюду дивуемъся, како отъ перстп создавъ человѣка, како образи разполичнии въ человѣчьскыхъ лицихъ, аще и весь миръ совокупить, не вси въ одинъ образъ, но кыйже своимъ лица образомъ, по Божии мудрости» [4]).

Въ мірѣ существъ разумныхъ премудрость Божія выражается во всевѣдѣніи, въ томъ, что Богъ видитъ и знаетъ не только внѣшнія дѣла человѣка, но и всѣ его внутреннія помышленія, всѣ даже самыя сокровенныя движенія его сердца: «Богъ единъ свѣсть помышленья человѣчьская» [5]); «Тотъ бо съвѣсть сердца наша» [6]). Но и

[1]) См. выше выдержку изъ „Поученія" Владиміра Мономаха.
[2]) „Поломникъ Данила мниха", 126 стр.
[3]) Ibid. 127 стр.
[4]) „Поученье" Владиміра Мономаха, 235—236 стр.
[5]) „Повѣсть временныхъ лѣтъ" подъ 6579 (1071) г., 174 стр.
[6]) „Поученіе святаго Ѳеодосія о тръпѣніи и о смиреніи" въ „Ученыхъ Запискахъ втораго отдѣленія Имп. Академіи Наукъ", кн. II, вып. II, СПБ., 1856, г., 211 стр.

здѣсь это свойство Божіе не остается только достояніемъ ума Божія, но обнимаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и Его волю, являясь по отношенію къ міру Его всемогуществомъ: «Господь бо нашь не человѣкъ есть, но Богъ всей вселенѣ, иже хощеть, в мегновеньи ока вся створити хощеть» [1]). Богъ не только знаетъ всѣ явленія всякой жизни въ мірѣ, но и самое знаніе выражаетъ осуществленіемъ его въ дѣйствительности: «Благословенъ еси. Боже, Боже! яко тобою проидохомъ сквозѣ огнь и воду, и проидохомъ въ утѣху благу, изволеньемь благымъ спасающаго насъ. Ты бо страшенъ, и кто противится тобѣ; и противу величьству мышца твоея кто равниться? ты всемощенъ еси, убожа и богатя, умерщвляя и оживляя, творяй вся премудрено, творяй отъ нощи день, а отъ зимы весну, и отъ буря тишину, и отъ суша тучю, и въздвизая кроткая на высоту, и смѣряя грѣшникы до земля» [2]).

Какъ высочайшее Начало жизни, какъ «всего блага исполненный» [3]), какъ сама Любовь, Богъ поэтому и обнаруживается въ жизни міра въ любви. Вся дѣятельность всѣхъ силъ Божіихъ, какъ силъ личности, служащая необходимо выраженіемъ существа Божія, которое представляетъ изъ себя полноту любви, и только любви,—вся дѣятельность съ необходимостію сводится къ проявленію и жизни любви. Поэтому въ мірѣ, движимомъ и живущемъ самимъ Богомъ, жизнь любви, каждое ея обнаруженіе, постепенное приближеніе къ ней представляетъ собою явленіе самой высочайшей Любви. Особенно это нужно сказать о людяхъ. Въ жизни людей, представляющей собою постепенное восхожденіе къ Любви, какъ своей послѣдней цѣли, Богъ, какъ ея основа, движетъ и направляетъ ее по ея истинному пути, пути приближенія къ Себѣ, какъ послѣдней и единственной цѣли жизни людей. Богъ такъ близокъ къ ихъ жизни, что принимаетъ самое активное участіе въ ней, и въ каждомъ дѣйствіи человѣка проглядываетъ Его премудрый и всеблагой промыслъ о человѣкѣ, и въ каждомъ явленіи жизни человѣка видна Его всемогущая воля, или направляющая ее къ ея истинному назначенію, или только попускающая уклониться

---

[1]) Посланіе Владиміра Мономаха къ Олегу Святославичу въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ" подъ 6604 (1096) г., 244 стр.

[2]) Суздальская лѣтопись, подъ 6677 (1169) г., 338 стр.

[3]) „Слово нѣкоего отца к сыну своему", 136 стр.

отъ него. Словомъ, Богъ есть непосредственный «Строитель» всей жизни людей. Онъ даетъ человѣку силу познать свое истинное назначеніе, просвѣщаетъ его умъ свѣтомъ истиннаго вѣдѣнія и располагаетъ его сердце ко вступленію на истинный путь жизни: «Но обаче любяше Ольга сына своего Святослава, рькущи: «воля Божья да будеть; аще Богъ хощеть помиловати рода моего и землѣ Рускиѣ, да вложить имъ на сердце обратитися къ Богу, якоже и мнѣ Богъ дарова» [1]). «И тако ему (князю Владиміру) живущю въ дни своя, и землю свою пасущю правдою, мужествомъ же и смысломъ, пріиде нань посѣщеніе Вышняго, призрѣ нань всемилостивное око благаго Бога, и въсіа разумъ въ сердци его, яко разумѣти суету идольскыа льсти, и възыскати единого Бога, сътворшаго всю тварь видимую и невидимую» [2]). «Бысть бо рече князь въ тыи годы, володыи всею землею Русскою, именемъ Владимеръ... Сему Богъ спону нѣкаку наведы, и створи быти ему христьяну» [3]). Онъ обращаетъ въ христіанство отдѣльныя личности, Онъ же насаждаетъ христіанство и въ цѣлыхъ народахъ и обусловливаетъ Собою ростъ его въ нихъ и процвѣтаніе. Преподобный лѣтописецъ, вспоминая, какъ когда то князь Владиміръ «постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго», говоритъ: «Но преблагий Богъ не хотя смерти грѣшникомъ, на томъ холмѣ нынѣ церки стоитъ, святаго Василья есть» [4]). Еще яснѣе свидѣтельствуетъ объ этомъ водительствѣ Божіемъ Русскаго народа къ христіанству лѣтописецъ Новгородскій: «И тако бо есть промыслъ Божій, еже явѣ в послѣдняя времена: куда же древле поганіи жряху бѣсомъ на горахъ, нынѣ же паки туды святыя церкви златоверхия каменнозданныя стоятъ, и монастыреве велицы поставлени быша, и черноризецъ въ нихъ исполнено бысть» [5]). Св. митрополитъ Иларіонъ, замѣчая въ своемъ словѣ, что—«вся страны благый Богъ помилова, и насъ не презрѣ; въсхотѣ, и спасе ны, и въ разумъ истинный приведе» [6]),—восторженно обращается въ заключеніи его къ почившему Равноапостольному Просвѣтителю Россіи: «Виждь же и градъ

[1]) „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ подъ 6463 (955) г., 62–63 стр.

[2]) „О законѣ Моисеомъ даннѣмъ“, 239–240 стр.

[3]) „Чтение о житии... блаженную... Бориса и Глѣба“, 5—6 столб.

[4]) „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ подъ 6488 (980) г., 77 стр.

[5]) „Временникъ, еже есть нарицается лѣтописаніе князей земля Рускиа“, 1–2 стр.

[6]) „Слово о законѣ Моисеомъ даннѣмъ“, 236 стр.

величьствомъ сіяющь, виждь церкви цвѣтущи, виждь христіанство растуще, виждь градъ иконами Святыихъ освѣщаемь блистающеся, и тиміаномъ объухаемь, и хвалами и божественами пѣніи святыими оглашаемь. И си вся видѣвъ, възрадуйся, и взвеселися, и похвали благаго Бога, всѣмъ симъ Строителя» [1]).

Даруя блага духовной жизни, Богъ вмѣстѣ съ этимъ является и подателемъ человѣку благъ матеріальныхъ. Вся внѣшняя обстановка жизни человѣка имѣетъ Его своимъ непосредственнымъ источникомъ и распорядителемъ. Бѣдный Лазарь говорилъ богатому: «Не одни участки намъ Господь написалъ:

«Тебѣ Господь написалъ богатства тьма;

«А мнѣ Господь написалъ во убожествѣ рай» [2]).

Игуменъ Даніилъ писалъ о Палестинѣ: «И жита много и добра ражаются граду тому и окрестъ Іерусалима безъ дождя; но Божіимъ благословеніемъ родится пшеница и ячьмень изрядно: одину кадь сѣявше и паки взяти кадей 90 или 100. Нѣсть ли то благословеніе Божіе на земли той святой» [3])? Преподобный Ѳеодосій всегда внушалъ своей братіи возлагать на Господа заботы о своемъ пропитаніи, потому что Онъ знаетъ и подаетъ все необходимое. Онъ говорилъ своему пекарю: «лѣпо бѣ не пещитися о преходящемъ дни, нынѣ бы Господь нашь, иже присно печется нами, болшими попеклъся и подалъ намъ, еже на потребу... вѣру ими ми, чадо, яко мощенъ есть Богъ отъ тѣхъ малыхъ отроубь наполнити намъ сусѣкъ тъ мукы» [4]).

Указавши человѣку истинный путь жизни, даровавши ему всѣ блага духовныя и матеріальныя, Богъ не оставляетъ его въ дальнѣйшей жизни и помогаетъ ему слѣдовать по пути его истиннаго назначенія: «наша сердца Богъ оутвердить в томже разоумѣ. и в томъ обычаи, и в томже слоуженіи»,—говорилъ преподобный Ѳеодосій своей братіи, предлагая имъ слѣдовать завѣтамъ блаженнаго Ѳеодора Студита [5]). И въ каждомъ добромъ дѣлѣ человѣка Русскій народъ видѣлъ Его всесильную и всеблагую помощь: «вложи Богъ

---

[1]) Ibid. 247 стр.

[2]) Безсоновъ, выпускъ I, № 24, 60 стр.

[3]) „Паломникъ Даніла мниха“, 47—48 стр.

[4]) „Житіе преподобнаго отца нашего Ѳеодосіа“, XLII—XLIII и XLVI—XLVII стр.

[5]) „Въ среду 3 недѣли поста“, 102 листъ.

в сердце Θеоктисту, игумену Печерьскому, и нача възвѣщати князю Святополку, дабы вписалъ Θеодосья в сѣнаникъ» [1]). Основывалась ли обитель, народъ видѣлъ Божіе указаніе въ выборѣ для нея того или другаго мѣста: «Антоний же приде Кыеву, и мысляше, кдѣ бы жити; и ходи по монастыремъ, и не възлюби, Богу не хотящу; и поча ходити по дебремъ и по горамъ, иша кдѣ бы ему Богъ показалъ» [2]). Тоже указаніе видѣлъ народъ и въ поступленіи инока въ тотъ или другой монастырь. Такъ, о преподобномъ Θеодосіи, котораго по его бѣдности не принимали ни въ одномъ монастырѣ, его жизнеописатель замѣчаетъ: «Сеже Богу изволшу тако, да на мѣсто, идѣже отъ юности Богомъ позванъ, да тоже ведешеся... Богодуховныи же Θеодосіи отвѣща ему (преп. Антонію) съ оумиленіемъ: вѣжь честный отче, яко проразумникъ всяческихъ. Богъ, преведе мя, къ святости твоей» [3]). Построялся ли храмъ, и это святое дѣло народъ считалъ явленіемъ воли Божіей и Его благодатной помощи: «волею Божіею, сверши церковъ камену Вячеславъ Прокшиничь, внукъ Малышевъ» [4]). «Се азъ князь великій Гаврилъ, нареченыи Всеволодъ... Божіимъ благоволеніемъ поставилъ есми церковъ Святыи Великыи Иванъ на Петрятинѣ дворищѣ» [5]). Совершалось ли путешествіе ко святымъ мѣстамъ, и Русскіе паломники, съ полнымъ благоговѣніемъ относившіеся къ этому святому дѣлу, никогда не осмѣливались приписывать его своимъ силамъ, но въ глубокомъ смиреніи признавали промыслъ Божій, помогавшій имъ осуществить ихъ благія намѣренія: «Се азъ недостойный, многогрѣшный Антоней, архіепископъ Новгородскый, Божіимъ милосердіемъ и помощію Святыя Софіи, иже глаголется Премудрость, приисносущное Слово, пріидохомъ во Царьградъ» [6]). Другой паломникъ того времени, игуменъ Даніилъ, всѣ

1) „Повѣсть временныхъ лѣтъ", подъ 6616 (1108 г., 272 стр

2) Ibid. подъ 6559 (1051) г., 153 стр.

3) „Житіе преподобнаго отца нашего Θеодосія", X стр.

4) Лѣтопись по сборнику архивскому или Малиновскаго, подъ 6719 (1211) г., 15 стр., въ „Новгородскихъ лѣтописяхъ" (Такъ названныя Новгородская вторая и Новгородская третья лѣтописи). Изд. Археографической Коммиссіи, СПБ. 1879 г.

5) Уставная грамота Новгородскаго князя Всеволода Мстиславича, данная церкви Св. Іоанна Предтечи на Опокахъ, въ Дополненіяхъ къ Актамъ историческимъ, собранныхъ и изданныхъ Археографическою Коммиссіею, I т., СПБ. 1864 г., № 3, 2—3 стр.

6) „Книга Паломникъ" 65 столбецъ.

подробности, каждый свой шагъ по Святой землѣ считалъ выраженіемъ благодати Божіей, руководившей имъ и хранившей его повсюду: «Волею же Божіею хранимія, доходихъ святаго града Іерусалима, и видѣхъ всю землю Галилискую и святаа мѣста, и вся обыидохъ всю ту землю, удуже Христосъ Богъ нашь походи своима погама и много чюдесъ показа преславно святымъ своимъ апостоломъ и ученикомъ, да то все видѣхъ очима своима грѣшныма, и все ми Богъ показа видѣти, его же желахъ азъ по многы дни, мыслію своею мучимъ... И пригоди ми Богъ налѣсти въ лаврѣ святаго Савыту мужа свята и стара деньми и книжьна велми, и тому святому мужу вложи въ сердце Богъ любити мя велми худаго, и той ми указа добрѣ вся мѣста святая, иже суть въ Іерусалимѣ, и по всей земли той поводи мя добрѣ» [1]. Описывая различныя пути свои по разнымъ городамъ и мѣстамъ Палестины, онъ постоянно замѣчаетъ: «Благодатію же Божіею хранимі... идохомъ радующеся» [2]. Разсказывая о посѣщеніи своемъ «столпа Давидова», онъ говоритъ: «Блюдуть же его вельми, не дадять никому же влѣзти въ онь; но мнѣ худому пригоди Богъ влѣзти въ столпъ той святый» [3]. Передавая опасности пути къ Хевропу, гдѣ «Срачине» допускали всевозможныя безчинства съ паломниками, и даже убивали ихъ, онъ въ Богѣ видитъ виновника своего спокойнаго путешествія по этому опасному мѣсту: «и мнѣ же худому прилучи Богъ дружину добру и многу, и тако проидохомъ безъ пакости» [4]. Словомъ, все свое путешествіе онъ признавалъ обнаруженіемъ милости Божіей къ себѣ и дѣломъ Его воли: «И сподоби же мя Богъ трижды быти на Іерданѣ» [5]. «И мене грѣшнаго сподоби Богъ походити и видѣти чюдную ту землю Галилейскую и Палестиньскую, благодатію Божіею храними быхомъ» [6].

Помогая человѣку въ осуществленіи его добрыхъ намѣреній, Богъ не оставляетъ его и при различныхъ невзгодахъ житейскихъ, особенно если онѣ грозятъ его жизни или только уклоненію человѣка съ истиннаго пути жизни, и своею всесильною помощію хранитъ его среди бѣдъ и несчастій и избавляетъ отъ нихъ: «ты единъ еси

---

1) „Паломникъ Даніла мниха", 1—2 и 3 стр.
2) Ibid. 6—7 стр.
3) Ibid. 33 стр.
4) Ibid. 86 стр.
5) Ibid. 56 стр.
6) Ibid. 135 стр.

прибѣжище печальнымъ. ты бо еси Богъ истиньїи;» [1]) «Богъ не дасть въ обиду человѣка проста, еда начнуть его обидѣти» [2]). Примѣровъ такого заступничества Божія Русскій народъ видѣлъ много передъ своими глазами. Такъ, неудавшіеся набѣги сильныхъ враговъ онъ приписывалъ Божіей помощи и Божію покровительству слабымъ: «Олговичи с Половци... придоша к Кыеву, хотяще битися с Володимеричи и прольяти кровь хотяще хрестьяньскую, хвалящеся в гордости своей; и Богъ не вда имъ того створити» [3]). Въ житіи преподобнаго Ѳеодосія, при разсказѣ о томъ, какъ одинъ бояринъ хотѣлъ даже жестокими мѣрами отвратить своего юнаго сына отъ исполненія задуманнаго имъ желанія поступить въ монастырь, замѣчается: «Видѣвъ бо благіи Богъ тръпѣніе и смиреніе отрока, обрати жестокое сердце отца его на милость къ сыну своему» [4]). Въ стихѣ объ «Іосифѣ прекрасномъ» въ уста послѣдняго влагается такая молитва:

«Сохранилъ меня Господь братнія смерти,
«Сохранилъ Господь купеческія смерти,
«Сохрани, Господь, тѣлеснаго согрѣшенья!» [5])

Если же на долю человѣку выпадали какія нибудь несчастія, то и эти несчастія и вообще возможныя невзгоды житейскія Русскій народъ приписывалъ одному и тому же источнику всей жизни людей— Богу. Приходилось ли человѣку переносить нападеніе враговъ и всѣ несчастія, связанныя съ нимъ, или же его постигали различныя лишенія въ его внѣшней обстановкѣ въ зависимости отъ различныхъ неблагопріятныхъ явленій природы, или же просто самъ онъ подвергался какой нибудь болѣзни и всѣмъ ея тяжелымъ послѣдствіямъ,— во всемъ этомъ Русскій народъ видѣлъ единую, правящую міромъ, силу, во всемъ этомъ онъ видѣлъ премудрую, благую и всесильную руку Божію, Его постоянное смотрѣніе о человѣкѣ: «Богъ наводить по грѣхомъ на куюждо землю гладомъ, или моромъ, ли ведромъ, ли иною казнью, а человѣкъ не вѣсть ничтоже» [6]). О болѣзни убогаго Лазаря такъ говорится въ стихѣ о немъ:

---

[1]) „Чтеніе о житіи... Бориса и Глѣба“, 15 столб.
[2]) Суздальская лѣтопись, подъ 6677 (1169) г., 342 стр.
[3]) Ibid. подъ 6644 (1136) г., 288—289 стр.
[4]) „Житіе преподобнаго отца нашего Ѳеодосіа“, XVII стр.
[5]) Безсоновъ, выпускъ 1, № 37, 162 стр.
[6]) „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ подъ 6532 (1024) г., 144 стр.

«Лежитъ же убогій во Божьемъ труду,
«Во Божьемъ труду, самъ весь во гною.
. . . .
«Не одни участки намъ Господь написалъ:
«Тебѣ (богатому) Господь написалъ богатства тьма;
«А мнѣ (убогому) Господь написалъ во убожествѣ рай» [1]).

Но всѣ бѣдствія, съ которыми приходится встрѣчаться человѣку въ своей жизни, отнюдь не составляютъ обнаруженій жизни Бога въ мірѣ, совершенно чуждыхъ человѣку, къ которымъ онъ совершенно не подготовленъ и которыхъ не ожидаетъ, въ перенесеніи которыхъ онъ является невинной жертвой Божія произвола. Нѣтъ, совершенно наоборотъ; Богъ, какъ источникъ всякаго добра, какъ само высочайшее благо, не можетъ порождать никакого зла. И если какое нибудь зло появляется въ жизни человѣка, то въ этомъ повиненъ только онъ самъ: всякое зло есть необходимый результатъ уклоненія человѣка отъ единственно истинной и блаженной жизни въ Богѣ, несущей человѣку миръ, блаженство и любовь, — необходимое слѣдствіе его грѣховъ, лишающихъ человѣка всѣхъ радостей истинной жизни и пораждающихъ ему всевозможныя скорби. Не будучи виновникомъ ихъ, Богъ только попускаетъ ихъ [2]), какъ необходимое слѣдствіе его грѣховъ, и при такихъ условіяхъ всѣ несчастія человѣка являются (въ переводѣ на человѣческій языкъ) достойнымъ наказаніемъ Бога за грѣхи человѣка. Со стороны одного агента жизни — самого человѣка несчастія суть порожденія его ложнаго поведенія, со стороны другаго — Бога — это только попущеніе въ качествѣ наказанія: «придоша прузи на Русьскую землю... за грѣхы наша;» [3]) («во Владимірѣ) церквий изгорѣша 14, а города половина погорѣ... и много зла учинися грѣхъ ради нашихъ;» [4])

«Во градѣ было во Антонiѣ,
«При царѣ было при Агеѣ, при Евсеичѣ,
«При царицѣ Оксиніи,
«Когда вѣровали вѣру истинную христіянскую,

---

[1]) Безсоновъ, выпускъ 1, № 24, 55 и 60 стр.
[2]) „Чтеніе о житіи... Бориса и Глѣба“, 22 столб.
[3]) „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, подъ 6602 (1094) г., 219 стр.
[4]) Суздальская лѣтопись подъ 6701 (1193) г., 389 стр.

«Тогда не было на Антонiй градъ
«Никакой бѣды, ни погибели.
«Когда бросили они вѣру истинную христiянскую,
«Начали вѣровать Латинскую Бусурманскую,
«Тогда Господи на нихъ прогнѣвался:
«Напустилъ на нихъ змѣя лютаго,
«Змѣя лютаго поѣдучаго»[1]).

Еще ближе и яснѣе понялъ потомъ Русскiй народъ смыслъ несчастiй на опытѣ своей собственной жизни:

«Ужъ давно-то христiанска вѣра
«Во Россеюшку взошла,
«Какъ и весь-то народъ Русскiй
«Покрестился во нее;
«Покрестился, возмолился
«Богу вышнему:
. . . . . .
«И слышалъ Богъ молитвы
«Своихъ новыхъ христiанъ:
«Надѣлялъ онъ ихъ
«Счастьемъ многiимъ своимъ
«Но забылся народъ Русскiй
«Въ счастiи живя:
«Онъ сталъ Бога забывать,
«А себѣ-то гибель заготовлять
«И наслалъ Богъ на нихъ
«Казни лютыя,
«Казни лютыя, смертоносныя:
«Онъ наслалъ-то на Святую Русь
«Нечестивыхъ людей,
«Нечестивыхъ людей, Татаръ Крымскiихъ»[2]).

Но, какъ высочайшее благо, Богъ попущенiемъ несчастiй не думаетъ доставить человѣку только страданiя, но желаетъ этими несчастiями предотвратить человѣка отъ грѣховъ на будущее время, научить его истинной жизни, желаетъ, чтобы человѣкъ понялъ всю преступность

---

1) Безсоновъ, выпускъ 2, Стихъ „Егорiй; Лизавета Прекрасная“, № 120, 514 стр.

2) Безсоновъ, выпускъ 3, Стихъ „Александръ Невскiй“, № 153, 669 — 670 стр.

и ненормальность грѣховъ и обратился къ противоположной жизни, ведущей его къ его истинному назначенію: «Наводить бо Богъ по гнѣву своему иноплеменники на землю, и тако скрушенымъ имъ въспомянутся къ Богу;.. Богъ бо не хощеть зла человѣкомъ, но блага;.. Земли же согрешивши которѣй либо, казнить Богъ смертью, ли гладомъ, ли наведеньемъ поганыхъ, ли ведромъ, ли гусѣницею, ли инѣми казньми, аще ли покаявшеся будемъ, в немже ны Богъ велить жити» [1]). «В си же времена мнози человѣци умираху различными недугы... Се же бысть за грѣхы наша, яко умножишася грѣсі наши и неправды; се же наведе на ны Богъ, веля намъ имѣти покаянье и въстягнутися отъ грѣха, и отъ зависти и отъ прочихъ злыхъ дѣлъ неприязнинъ» [2]). По поводу нашествія Половцевъ въ 1095 г. лѣтописецъ говоритъ: «бысть плачь великъ в градѣ, а не радость, грѣхъ ради нашихъ великихъ и неправды, за умноженье безаконий нашихъ.. Се бо на ны Богъ попусти поганыя, не яко милуя ихъ, но насъ кажа, да быхомъ ся востягнули отъ злыхъ дѣлъ;.. Рцѣмъ велегласно: праведенъ еси, Господи, и прави суди твои. Рцѣмъ по оному разбойнику: мы достойная, яже сдѣяхомъ, прияхомъ. Рцѣмъ и со Иовомъ: яко Господеви любо бысть, тако и бысть; буди имя Господне благословено во вѣкы. Да нахожениемъ поганыхъ и мучими ими Владыку познаемъ, его же мы прогнѣвахомъ: прославлени бывше, не прославихомъ; почтени бывше, не почтохомъ, освятившеся, не разумѣхомъ; куплени бывше, не поработахомъ; породивъшеся, не яко отца постыдѣхомся. Согрѣшихомъ, и казними есмы; якоже створихомъ, тако и стражемъ: городи вси опустѣша, села опустѣша; прейдемъ поля, идеже пасома бѣта стада конь, овця и волове, все тоще нынѣ видимъ, нивы поростъше звѣремъ жилища быша. Но обаче надѣемъся на милость Божью; кажеть бо ны добрѣ благый Владыка, не по безаконью нашему створи намъ и по грѣхомъ нашимъ въздасть намъ; тако подобаеть благому Владыцѣ казати не по множьству грѣховъ... якоже ны видѣ неправо пребывающа, нанесе намъ сущую рать и скорбь, да не хотяще всяко в будущий вѣкъ обрящемъ милость [3]); душа бо сдѣ казнима, всяко милость въ будущий вѣкъ обрящеть и лготу отъ мукъ, не мьстить бо Господь дважды о томъ. О неиздреченьному человѣколюбью! якоже

---

1) „Повѣсть временныхъ лѣтъ" подъ 6576 (1068) г., 163 стр.
2) Ibid. подъ 6600 (1092) г., 208 стр.
3) Тоже Ibid. подъ 6602 (1094) г., 218—219 стр.

видѣ ны неволею к нему обращающася; о тмами любве, еже к намъ! понеже хотяще уклонихомся отъ заповѣдий Его; се уже не хотяще терпимъ, се с нужею, и понеже неволею, се уже волею. Гдѣ бо бѣ у насъ умиленье? ныне же вся полна суть слезъ. Гдѣ бѣ в насъ въздыханье? нынѣ же плачь по всѣмъ улицамъ упространися избьеныхъ ради, иже избиша безаконьници... тако съупрашаются со слезами,.. вздышюще, очи возводяще на небо к Вышнему, свѣдущему тайная. Да никтоже дерзнеть рещи: яко ненавидими Богомь есмы! Да не будеть. Кого бо тако Богъ любить, якоже ны взлюбилъ есть? кого тако почелъ есть, якоже ны прославилъ есть и взнеслъ? Никогоже. Имъ же паче ярость свою въздвиже на ны, яко паче всѣхъ почтени бывше, горѣе всѣхъ сдѣяхомъ грѣхы; якоже паче всѣхъ просвѣщени бывше, Владычню волю ведуще, и призрѣвше, в лѣпоту паче инѣхъ казними есмы» [1]). Несчастія, такимъ образомъ, являются обнаруженіемъ любви Божіей къ людямъ, средствомъ Его премудраго и благаго водительства человѣка къ истинной и блаженной жизни. Какъ Отецъ, Онъ употребляетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы люди—Его дѣти—достигли цѣли своего назначенія, и разъ видитъ ихъ уклоняющимися отъ своего назначенія, допускаетъ имъ испытать всѣ послѣдствія этого удаленія отъ жизни, и на нихъ обрушиваются всевозможныя бѣдствія, какъ результатъ потери жизни въ Богѣ, потери жизни въ любви Божіей, какъ результатъ гнѣва Божія. И понятно, что степень этихъ несчастій стоитъ въ прямой зависимости отъ степени участія самого человѣка въ нихъ: тамъ, гдѣ нѣтъ сознанія преступности грѣха, гдѣ грѣхъ лежитъ въ основѣ жизни, тамъ и его послѣдствія являются обычнымъ явленіемъ, составляютъ самую жизнь (если только можно сумму грѣховности человѣка назвать жизнью); тамъ же, гдѣ есть сознаніе преступности грѣха, гдѣ жизнь должна бы течь совершенно по другому, противоположному руслу, тамъ совершенный грѣхъ, какъ актъ сознательно-злой воли самаго человѣка, разрушаетъ самую жизнь, уничтожаетъ для грѣшнаго человѣка ея основу, и его послѣдствія бываютъ ужасны. Лѣтописецъ, передавая печальную судьбу Святополка Окаяннаго, замѣчаетъ: «Се же Богъ показа на наказанье князем Руськымъ, да аще сии еще сице же створять, се слышавше, туже казнь прiимуть; но и больши сее, понеже, вѣдая се, съ творятъ такоже злоубийство. 7 бомьстий

[1]) Ibid. 6601 (1093) г., 214—218 стр. [illegible]

прия Каинъ, убивъ Авеля, а Ламехъ 70; понеже бѣ Каинъ не вѣдый мьщенья прияти отъ Бога, а Ламехъ, вѣдая казнь бывшюю на прародители его, створи убийство. Рече бо Ламехъ къ своима женама: мужа убихъ въ вредъ мнѣ и уношю въ язву мнѣ, тѣмь же, рече, 70 мьстий на мнѣ, понеже, рече, се вѣдая створихъ. Сь Ламехъ уби два брата Енохова, и поя собѣ женѣ ею; сей же Святополкъ, новый Авимелехъ, иже ся бѣ родилъ отъ прелюбодѣянья, иже изби братью свою, сыны Гедеоны; тако и сь бысть» [1]. Поэтому вполнѣ понятно, что всякое бѣдствіе человѣка, какъ результатъ его грѣховности и какъ средство и проявленіе промышленія Божія о человѣкѣ, не можетъ быть уничтожено никакою силою, кромѣ силы жизни въ Богѣ, кромѣ Его всемогущей любви: «нѣсть бо зелія, могуща Божію казнь премѣнити», говорилъ Св. Кириллъ Туровскій о безсиліи врачей помочь евангельскому разслабленному [2]. «Всякъ недугъ и всяка язя отъ человѣкъ отгонима бываеть силою Господнею" [3]. «Люді Новгородьскыя наказа Богъ и смѣри я дозѣла за преступленье крестное, и за гордость ихъ наведе на ня, и милостью своею избави градъ ихъ» [4]. «Многажды бо Богъ любящихъ въмѣтаеть в напасти, но милостью своею избавляеть» [5].

Въ этомъ случаѣ Богъ представлялся сознанію Русскаго народа праведнымъ судіею, который непремѣнно и достойно отмщаетъ каждое преступленіе человѣка и, какъ праведный и любящій, никогда не позволяетъ злу восторжествовать надъ добромъ, направляя къ благимъ послѣдствіямъ всякое зло въ жизни людей. Всякая неправда, всякій грѣхъ необходимо ведетъ за собою тяжелыя послѣдствія для жизни человѣка, и Богъ, попуская ихъ, является праведнымъ Судіею-мстителемъ человѣку за его неправды. Лѣтописецъ, разсказывая о судьбѣ волхвовъ, произведшихъ большія нестроенія и даже убійства въ Ростовской землѣ во время голода и погибшихъ отъ рукъ повозниковъ Яна, сборщика даней отъ князя Святослава, замѣчаетъ: «Они же (повозники Яна) поимше, убиша я и повѣсиша я на дубѣ:

---

1) Ibid. подъ 6527 (1019) г., 142 стр.

2) „Слово о разслабленѣмь, отъ Бытія и отъ сказанія Евангельскаго; въ недѣлю 4-ю по Пасцѣ", въ „Памятникахъ Рос. словесности XII вѣка", изд. Калайдовичемъ, М. 1821; 45 стр.

3) „Чтеніе о житии... Бориса и Глѣба", 23 столб.

4) Суздальская лѣтопись подъ 6677 (1169) г., 343 стр.

5) Ibid. подъ 6657 (1149) г., 308 стр.

отмьстье приимша отъ Бога по правдѣ» [1]). Русскій народъ твердо вѣрилъ, что никакое зло не можетъ остаться безнаказаннымъ, что всевѣдущій и праведный Богъ необходимо покараетъ всякую неправду, а потому и стремился на Бога возложить отмщенье за всѣ обиды свои, предоставивъ Ему всѣ счеты съ своими врагами: «Приведе Олегъ и Борисъ поганыя на Русьскую землю, и поидоста на Всеволода с Половци... Олегъ же и Борисъ придоста Чернигову, мняще одолѣвше, а землѣ Русьскѣй много зло створше, проливше кровь хрестьяньску, ея-же крове взищеть Богъ отъ руку ею, и отвѣтъ дати има за погубленыа душа хрестьяньскы» [2]). «И събра Ярославъ Варягъ тысячю, а прочихъ вой 40000, и поиде на Святополка, нарекъ Бога, рекъ: «не я почахъ избивати братью, но онъ; да будеть отместьникъ Богъ крове братья моея, зане без вины пролья кровь Борисову и Глѣбову праведную: еда и мнѣ сице же створить? но суди ми, Господи, по правдѣ, да скончается злоба грѣшнаго» [3]). Сынъ Владиміра Мономаха писалъ своему отцу объ Олегѣ Святославичѣ, убившемъ его брата, другаго сына Мономаха: «а вѣ ему не будевѣ местника, но възложивѣ на Бога» [4]). И если князь Ярославъ считалъ себя орудіемъ мести Божіей, то въ послѣднемъ случаѣ эта месть предоставляется всецѣло волѣ Божіей въ полной увѣренности, что Богъ только премудро устрояетъ все во благо людей. На этой вѣрѣ въ Бога мстителя за неправды и устроителя блага людей, не позволяющаго злу обладать человѣкомъ невинно и погубить его, и основывалась древнерусская клятва, сопровождавшаяся цѣлованіемъ св. креста, въ которой Богъ призывался въ свидѣтели правоты и искренности обѣщаній и словъ извѣстнаго человѣка и мстители въ случаѣ измѣны его этимъ обѣщаніямъ: «и рече Святополкъ к Давыдови: да аще право глаголеши, Богъ ти буди послухъ; да аще ли завистью молвишь, Богъ будеть за тѣмъ» [5]).

Въ общественной жизни людей точно также Богъ является ея премудрымъ и благимъ дѣятелемъ и строителемъ. Онъ дастъ силу

[1]) „Повѣсть временныхъ лѣтъ", подъ 6579 (1071) г. 173 стр.
[2]) Ibid., подъ 6586 (1078) г., 194 стр.
[3]) Ibid., подъ 6523 (1015) г., 138.
[4]) Ibid., подъ 6604 (1096) г., 243 стр.
[5]) Ibid., подъ 6605 (1097) г., 248 стр. См. также подъ 6575 (1067) г., 163 стр.; подъ 6576 (1068) г., 167 стр.; подъ 6604 (1096) г., 245 стр.; подъ 6605 (1097) г., 247 стр; подъ 6611 (1103) г., 269 стр. и др.

и власть духовнымъ пастырямъ и учителямъ народа вести порученныя имъ души по пути истинной жизни, по пути спасенія: «Егоже (Бога) славный и честный домъ церкви имать искусны строителя: Патріарси, Митрополиты, Епископы, Игумены, Іереи и вся церковныя учителя, иже вѣрою чистою ближніи Богу сътворишася, и пріемлють Святаго Духа благодатію различныя дары ученія, исцѣленіа, по мѣрѣ дара Христова» [1]) Ихъ избраніе не можетъ обусловливаться личными желаніями или разсчетами извѣстныхъ лицъ, но принадлежитъ всецѣло волѣ Божіей. Монастыри желали имѣть игуменомъ того, «его же изволить Богъ» [2]). О святительскомъ санѣ постоянно замѣчается: «да не наскакають нѣции на святительскый санъ, но его же позоветь Богъ [3]). Воля Божія сказывалась здѣсь или чрезъ завѣдомо близкихъ Богу лицъ—святыхъ [4]), или же чрезъ единодушное избраніе князя и народа: «его же благословять человѣци, будеть благословенъ, его же проклянуть человѣци, будеть проклятъ» [5]); «нѣсть бо достойно наскакати на святительскый чинъ па мьздѣ, но его же Богъ позоветь и Святая Богородиця, князь въсхочеть и людье» [6]). Иногда употреблялся даже видимый знакъ избранія Божія того или другаго лица въ Епископы, чрезъ волю князя и народа, какъ это было напр. въ Новгородѣ: «рече князь Михаилъ: «се у васъ нѣту владыкы, а не лѣпо быти граду сему безъ владыцѣ; оже Богъ казнь свою възложилъ на Онтония (предшествовавшій Епископъ, ушедшій въ Хутынскій монастырь), а вы сочите таковаго мужа въ попѣхъ ли, в-ыгуменехъ ли, въ черецьцихъ ли». И рекоша нѣкотории князю: «есть чьрньць діаконъ у святаго Георгия, именьмь Спиридонъ, достоинъ есть того»; а инии Осафа, епископа Володимирьскаго Велыньскаго, а друзии Грьцина: «кого дасть митрополитъ, тотъ намъ отець». И рече князь Михаилъ: «да положимъ 3 жрѣбья, да который Богъ дасть намъ». И положиша на святѣй тряпѣзѣ имена написавшѣ и посланна из гридьницѣ владыцьне княжиця Ростислава; изволи Богъ служителя собе и пастуха словесьныхъ овьчь Новугороду и всѣй области его, и выня Спири-

1) Св. Кирилла Туровскаго „Слово въ недѣлю Цвѣтоносную“, 3 стр.

2) „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, подъ 6582 (1074) г., 181 стр.

3) Суздальская лѣтопись, подъ 6677 (1169) г., 338 стр.

4) „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, подъ 6582 (1074) г., 181—182 стр.

5) Суздальская лѣтопись подъ 6677 (1169) г., 339 стр,

6) Ibid. подъ 6693 (1185) г., 371 стр. Тоже въ „Лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго“, изд. К. М. Оболенскимъ, М. 1851 г., подъ 1185 г., 94 стр.

донъ; и послаша по нь въ монастырь, и приведьше посадиша и въ дворѣ, дондеже пойде Кыеву ставиться» [1]). И Русскій народъ всегда смотрѣлъ на Епископовъ, какъ на «избранниковъ Божіихъ» [2]), самимъ Богомъ поставленныхъ въ пастыри народу. — Смоленскій князь Ростиславъ Мстиславичъ писалъ въ своей грамотѣ по поводу установленія въ Смоленскѣ Епископіи: «Богъ и святая Богородица и отца моего молитва, приведохъ епископа Смоленску, сдумавъ съ людми своими, по повелѣнію отца своего святого, еже хотѣвъ при животѣ своемъ сътворити [3]). Св. Иларіонъ, митрополитъ Кіевскій, говорилъ о себѣ: «Азъ, милостію человѣколюбиваго Бога, мнихъ и прозвитеръ Иларіонъ, изволеніемъ Его, отъ богочестивыихъ Епископъ священъ быхъ и настолованъ въ велицѣмъ и богохранимѣмъ градѣ Кыевѣ, яко быти ми въ немъ Митрополиту, пастуху же и учителю» [4]).

Богъ же поставляетъ народу князей и другихъ правителей, какъ оберегателей его внѣшняго и внутренняго благополучія. Всякій правитель получаетъ власть свою отъ Бога и по Его произволенію и, исполняя свои обязанности, творитъ волю Божію, постоянно руководящую имъ: «Подобаетъ бо Княземъ», писалъ митр. Никифоръ Мономаху, «яко отъ Бога избраномъ и призваномъ на правовѣрную вѣру его, Христова словеса разумѣти извѣстно... на свѣтъ и наставленіе порученымъ имъ людемъ отъ Бога. Единъ бо Богъ царствуетъ небесными, вамъ же, съ его помощію, царствовати земными... понеже избрани бысте отъ Бога, и възлюблени бысте имъ;» [5]) «Богъ дасть власть, емуже хощеть; поставляеть бо цесаря и князя Вышний, емуже хощеть, дасть. Аще бо кая земля управится предъ Богомь, поставляеть ей цесаря или князя праведна, любяща судъ и правду, и властеля устраяеть, и судью правящаго судъ;» [6]) «судія

---

[1]) Новгородская лѣтопись по Синодальному Харатейному списку, подъ 6737 (1229) г., 231—232 стр.

[2]) Суздальская лѣтопись подъ 6724 (1216) г., 417 стр., Новгородская лѣтопись по сборнику архивскому или Малиновскаго (первая) подъ 6707 (1199) г., 14 стр., и др.

[3]) Въ Дополненіяхъ къ Актамъ историческимъ, I т., № 4, 5 стр.

[4]) Изложеніе вѣры, 255 стр.

[5]) „Посланіе отъ Никыфора митрополита Кыевскаго къ Володимеру Князю всея Руси, сыну Всеволожу, сына Ярославля“ въ „Памятникахъ Рос. Словесности“, 163 стр.

[6]) „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, подъ 6523 (1015) г., 136 стр.

бо есть отъ Бога, учиненъ еже разсуждати люди Божія» [1]). Всякая власть дается самимъ Богомъ извѣстному лицу, поэтому и самое избраніе правителя народнаго руководится указаніемъ Божіимъ. И въ данномъ случаѣ Богъ направляетъ волю народную къ избранію достойнаго правителя, и въ призваніи ко власти того или другаго лица очевидна Его премудрая и благая помощь, очевидно Его участіе. «И вниде Игорь в Кыевъ, и не годно бысть людемъ, и посланася Переяславлю къ Изяславу, рекуще: «пойди, княже, хочемъ тебе». И слышавъ же се Изяславъ, сжалися, и поиде... веземъ молитву въ святѣмь Михаилѣ у епископа Еуфимья... Игорь с братомъ Изяслава побѣгоста... Се же есть пособьемъ Божьимъ, и силою честнаго креста, и заступленьемъ святаго Михаила и молитвами святыя Богородица... И вниде Изяславъ в Кыевъ, хваля и славя Бога о таковѣй помощи его» [2]). И Русскіе люди считали единственнымъ условіемъ полученія власти—Божіе произволеніе, Его избраніе, Его волю, безъ которой никакими усиліями и средствами невозможно стать во главѣ народа: «аще ти подасть Богъ прияти власть стола моего», говорилъ передъ смертію великій князь Ярославъ своему наслѣднику Всеволоду [3]). И на власть въ рукахъ того или другаго лица какъ сами князья Русскіе, такъ и народъ, смотрѣли какъ на даръ Божіей милости этому лицу. Смоленскій князь Ростиславъ Мстиславичъ въ той же грамотѣ своей писалъ о своемъ княженьи: «азъ недостойный, грѣшный, се уставляю епископью, о немъ же епископу быти живу и съ клиросомъ своимъ, въ свои дни и въ свое княженье, еже ми Богъ далъ и отча молитва» [4]). Лѣтописецъ въ уста Половцевъ влагаетъ такія слова къ князю Глѣбу Георгіевичу: «Богъ посадилъ тя и князь Андрѣй на отчинѣ своей и на дѣдини в Кыевѣ» ([5]).

Содѣйствуя внутреннему благоустройству человѣческаго общества, Богъ въ тоже время сохраняетъ и его внѣшнее благосостояніе. Онъ оберегаетъ его отъ враговъ, посягающихъ на цѣлость его владѣній и на жизнь его членовъ, разрушаетъ ихъ злые умыслы и не даетъ

[1]) Сказаніе о житіи преподобнаго... Антонія римлянина, 311 стр.

[2]) Суздальская лѣтопись подъ 6654 (1146) г., 297 стр.

[3]) „Повѣсть временныхъ лѣтъ", подъ 6601 (1093) г., 209 стр. Ср. ibid. 136—137 стр.

[4]) Дополненія къ Актамъ историческимъ, I т., № 4, 5 стр.

[5]) Суздальская лѣтопись подъ 6677 (1169) г., 339 стр.

имъ успѣха: «Половци... хотяче... повоевати Рускую землю; но Богъ въ изумѣнье положи совѣтъ ихъ, и не успѣша ничтоже» [1]); «възврати отъ него (князя Мстислава) Богъ поганыя Болгары, хрестьяны покрывъ рукою своею. Слышавше бо наши се, прославиша Бога: заступи бо очивѣсть отъ поганыхъ святая Богородица и хрестьянская молитва» [2]) Онъ внушаетъ благую мысль князьямъ идти противъ своихъ враждебныхъ сосѣдей, угрожающихъ неприкосновенности и безопасности ихъ народа, всѣми мѣрами способствуетъ ихъ (враговъ) пораженію и вѣнчаетъ полнымъ успѣхомъ эти походы: «вложи Богъ мысль добру в Рускыѣ князи, умыслиша дерзнути на Половцѣ и поити в землю ихъ, еже и бысть... Рускиѣ же князи и вои вси моляхуть Бога... И Богъ великый вложи ужасть велику в Половцѣ,... велико спасенье Богъ створи, а на врагы наша дасть побѣду велику;» [3]) «Изяславъ, и Святославъ, и Всеволодъ и Всеславъ... поидоша... на Торкы. Се слышавше Торци, убояшася, пробѣгоша и до сего дне, и помроша бѣгающе, Божьимь гнѣвомь гоними, ови отъ зимы, друзии же гладомь, ини же моромь и судомь Божьимъ. Тако Богъ избави хрестьяны отъ поганыхъ» [4]). Въ лѣтописи есть много подобныхъ свидѣтельствъ помощи Божіей въ побѣдѣ враговъ: «поможе Богъ Михалку со Всеволодомъ на поганыя (Половцы), и дѣдня и отня молитва, и сбысться в недѣлю, самихъ поганыхъ избиша, а другыя изъимаша, а полонъ свой отъяша 400 чади, и пустиша я восвояси, а сами възвратишася в Кыевъ, славяще Бога и святую Богородицю и креста честнаго;» [5]) «и ту пособи Богъ и крестъ честьный и святая Софья, прѣмудрость Божия, надъ погаными (Литвою) князю Ярославу съ Новгородци» [6]). Если же Богъ и попускаетъ иногда окончиться походу неудачно, то и въ такомъ случаѣ Онъ проявляетъ свою заботу о благѣ народномъ, не позволяя всему несчастью всецѣло обрушиться на народъ и подавить народъ: Онъ сохраняетъ народу князя, какъ залогъ его облагосостоянія, и обезпечиваетъ оставшимся воинамъ безопасное отступленіе: «Божьимъ же заступ-

[1]) Суздальская лѣтопись подъ 6633 (1125) г., 280 стр.

[2]) Ibid. подъ 6680 (1172) г., 346 стр.

[3]) „Повѣсть временныхъ лѣтъ", подъ 6610 (1102) и 6611 (1103) гг., 266 и 268 стр.

[4]) Ibid. подъ 6568 (1060) г., 159 стр.

[5]) Суздальская лѣтопись подъ 6679 (1171) г., 345 стр.

[6]) Новгородская лѣтопись по Синодальному Харатейному списку, подъ 6742 (1234) г., 244 стр.

лецьемь и молитвою родитель своихъ (князь Андрей) схраненъ бысть без раны;» [1]) «Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу» [2]).

Словомъ, Богъ есть источное начало, давшее всему жизнь, и безконечная сила, поддерживающая и направляющая міръ къ его истинной цѣли—добру, сила, которою живетъ все существующее. Богъ такъ близокъ міру, что Русскій народъ готовъ былъ въ каждомъ явленіи его видѣть жизнь Бога въ мірѣ:

«Солнце красное отъ лица Божія,
«Младъ свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей Божьихъ,
«Ночи темныя отъ думъ Божіихъ,
«Звѣзды частыя—оны отъ ризъ Божьихъ,
«Зори свѣтлыя отъ очей Божьихъ,
«Самого Христа, Царя Небеснаго.
«Буенъ-вѣтеръ отъ воздоховъ,
«Дробенъ дождикъ отъ слезъ Его» [3]).

Но онъ вѣрилъ, что Богъ—отдѣльное отъ міра, самостоятельное начало, личное и при томъ духовное, въ своемъ личномъ бытіи съ міромъ ничего общаго не имѣющее [4]), существующее само въ Себѣ въ другомъ, духовномъ мірѣ: «Богъ есть на небеси, сѣдяй на престолѣ, славимъ отъ ангелъ, иже предстоять ему со страхомъ, не могуще на нь зрѣти» [5]). И это Начало, лежащее въ основѣ всякаго бытія, есть безконечная полнота всѣхъ совершенствъ, «неудобозримая и ангельскима очима», выражающаяся въ высочайшемъ благѣ, составляющемъ существо Его личности,—есть само высочайшее благо, всесовершеннѣйшая любовь, которою все существуетъ и живетъ и къ которой все стремится.

Какъ высочайшее благо, движущее жизнью міра, Богъ явилъ Себя и въ исторіи міра, которая, по взгляду Русскихъ людей, представляетъ собою исторію любви Божіей къ міру и постепеннаго приближенія къ ней со стороны послѣдняго. Здѣсь то, въ исторіи, Русскій народъ и видѣлъ явленіе Троичнаго Бога. Поскольку исторія давала

---

1) Суздальская лѣтопись подъ 6659 (1151) г., 317 стр.

2) „Слово о плъку Игоревѣ, Игоря Святъславля, внука Ольгова“, 176 стр.—„Взглядъ на Слово о полку Игоревѣ“. Всев. Миллера, М. 1877 г.

3) Варенцовъ, стихи о Голубиной книгѣ, №№ 1 и 4, 12 и 21—23 стр.

4) „О законѣ Моисеомъ данномъ“, 231—232 стр.

5) „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ подъ 6579 (1071) г., 172 стр.

сознанію его представленіе о Богѣ, какъ высочайшей любви, постольку изъ того же источника въ Богѣ онъ видѣлъ Три Лица—Отца, Сына и Святаго Духа, постольку жизнь любви въ его сознаніи представлялась жизнью Трехъ Лицъ одного Бога. И уже первый актъ любви Божіей въ исторіи міра—самое твореніе міра—въ его сознаніи представлялся явленіемъ всѣхъ Трехъ Лицъ Божества, такимъ дѣломъ, въ которомъ сказалось Ихъ общее участіе: «Владыко Господи вседержителю створивый небо и землю и вься яже на ней» [1]); «владыка творець небу и земли сын творець. Образъ собою всѣмъ дая. пришедъ отътолики власти. до нижныхъ насъ» [2]);

«Начинался бѣлъ свѣтъ отъ Свята́ Духа́,
«Отъ Свята́ Духа́, самого Христа,
«Самого Христа, Царя Небеснаго» [3]).

Но съ особенною ясностію Троичность Бога въ жизни любви видѣлъ Русскій народъ въ дальнѣйшей исторіи міра, въ исторіи спасенія міра, или точнѣе, въ исторіи спасенія человѣка.

Богъ сотворилъ человѣка изъ земли [4]) и даровалъ ему «душу живую», духовное и Божественное начало жизни: «соугоубо есть житіе наше: словесно, и безсловесно, и бесплотно, и тѣлесно. Да словесное и бесплотное оубо божествено нѣкое есть и чюдно, и бесплотнаго естества касается; а безсловесное страстнаго сего и сластолюбиваго..: божественнымъ вдохновеніемъ сътворена бысть душа, иже и по образу Божію създанѣ быти глаголеть» [5]). И изъ рукъ всеблагаго и всесовершеннѣйшаго Творца явилось совершенное твореніе—человѣкъ,—полное гармоніи въ своемъ сложномъ, добромъ существѣ: «егда създа бысть и не имѣ порока на себѣ, яко Божіе есть създаніе. Господь бо Богъ нашъ въспріимъ отъ земля рукама пречистыма и непорочныма създа человѣка блага и оудобрена» [6]). Въ такомъ видѣ Богъ «владыку всей

1) „Чтение о житии... Бориса и Глѣба“, 1 столб.

2) „Отъ грѣшного Георгия черноризца. Зарубьскыя пещеры. поучѣнье къ духовному чаду“, 54 стр.

3) Варенцовъ, Стихъ „Голубиная книга“, № 4, 21 стр.

4) „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ подъ 6579 (1071) г., 171—172 стр.

5) „Посланіе Никифора Митрополита“, 61—62 и 64 стр.

6) „Вторaго посланіе къ архимандриту Печерскому Акиндину о святыхъ и блаженныхъ черноризцѣхъ братіи нашеи; списано бысть Поликарпомъ, черноризцемъ того же Печерскаго монастыря“, въ „Памятникахъ Русской литературы XII и XIII вѣковъ“, изд. Вл. Яковлевымъ, СПБ. 1872 г., CXLI стр.

твари устроилъ бѣ» [1]) человѣка и предназначилъ его для жизни истинной, блаженной:

«Муки еси, муки вѣчныя,
«Не мене (человѣка) ради муки сотворены есть» [2]).

И для этого Онъ насадилъ для человѣка рай («породу» —παράδεισος),—

«меня ради, Адама,
«сотворенъ рай бысти [3]),—

который бы поддерживалъ его существованіе безъ всякихъ хлопотъ со стороны человѣка, и въ которомъ бы онъ проводилъ истинно—блаженную жизнь въ постоянномъ общеніи съ міромъ добрыхъ духовъ и постоянномъ общеніи съ самимъ Богомъ. Это ясно изъ тѣхъ жалобъ, которыя вложилъ Русскій народъ въ уста перваго человѣка, въ своемъ новомъ положеніи, послѣ изгнанія изъ рая, оплакивавшаго прежнюю жизнь:

«И Гадамій вопіяша
«Къ Богу со слезами:
. . . .
«А я васъ не слышу,
«архангельскова гласу не имѣю,
«въ раю райскою пищи» [4]).

Въ раю Богъ сотворилъ изъ ребра перваго человѣка—Адама—жену ему и для постояннаго пребыванія ихъ въ общеніи съ Собою и для направленія и укрѣпленія ихъ жизни по истинному пути единенія съ Собою даровалъ имъ заповѣдь не вкушать плодовъ отъ одного только въ раю древа познанія добра и зла, исполняя которую, люди постоянно бы пребывали и укрѣплялись въ истинной жизни въ Богѣ, жизни по Его волѣ, а нарушивши, они открыли бы для себя новую жизнь по своей волѣ и этимъ самымъ умерли бы для жизни истинной, для жизни въ волѣ Божіей, и познали бы, гдѣ и что такое добро и зло: «Искони бо рече сътвори Богъ небо и землю и вся яже на земли. и насади на востоцѣ породу. и созда человѣка своима рукама. и дуну на лице его. и бысть въ душу живу. и вземъ ребро отъ него. и созда жену ему. и заповѣда има отъ всего сада

---

[1]) „Поученіе на Пятикостіи“ Св. Кирилла Туровскаго, 86 стр.
[2]) Варенцовъ, „Стихъ Богородицѣ“. 152 стр.
[3]) Ibid., стихъ „О Гадамѣ“, 40 стр.
[4]) Ibid.

ясти. токмо отъ единаго древа не ясти. еже разумѣти добро и зло. Рече бо. въ нь день снѣста отъ него. во тъ день смертию да умрета» [1]; «Древо бо разумѣнія добра и зла се есть разумный грѣхъ и волное богоугодія дѣтель» [2], т. е. вкушеніе отъ древа познанія добра и зла явило бы сознательный актъ воли человѣка, актъ постановленія себя на мѣсто Бога основою и нормою жизни. И первые люди не остались вѣрны Божію назначенію жить въ Его волѣ. Они преступили заповѣдь Божію, допустили «сластное вкушеніе» [3] отъ древа познанія добра и зла, дали перевѣсъ земному началу своего существа въ жизни своей свободной воли, отвергли волю Божію, какъ истинное русло и начало жизни, отвергли единственно истинную жизнь въ Богѣ и совершили первый грѣхъ, какъ преступленіе противъ своего назначенія, грѣхъ преслушанія, отверженія воли Божіей, смертный грѣхъ, закрывшій для нихъ источникъ и русло истинной жизни: «Красенъ бо мняшеся и добръ видѣніемъ, иже праотца оумертвивый плодъ, по имѣяше посредѣ втаинѣ ловитвоу преслоушанія» [4]; «А ослушания блюдитеся, да не погибнете, яко же бѣ погиблъ первозданный Адамъ Евгою ослушавшеся Бога» [5]. Отвергши волю Божію и поставивши факторомъ своей жизни свою земную волю, стихію земныхъ страстей, человѣкъ, естественно, «страстное житіе пріятъ» [6], началъ ложную жизнь земную, жизнь начала, вызваннаго изъ небытія, и подвергъ себя всѣмъ послѣдствіямъ этой мнимой жизни (не въ смыслѣ недѣйствительности, но въ смыслѣ неистинности): борьбѣ страстей [7], тлѣнію [8] и смерти. Этого мало: всю тяжесть своего грѣха, всѣ его послѣдствія первые люди передали и всему своему потомству, по закону земной наслѣдственности, какъ рожденному въ своеволіи, отъ начала земнаго, и получившему въ наслѣдство своеволіе и земное начало: «Отъ грѣховнаго бо корени золъ

---

1) „Чтение о житии... Бориса и Глѣба“, 1—2 столб.

2) „Притчя о человѣчьстѣй души и тѣлеси“, Св. Кирилла Туровскаго, 142 стр.

3) „О законѣ Моисеомъ даннѣмъ“, 232 стр.

4) „Посланіе Никыфора Митрополита“, 64 стр.

5) „На поучение ко всѣмъ крестьяномъ“, митр. Кирилла I, 119 стр.

6) „Втораго посланіе къ... Акиндину... списано бысть Поликарпомъ“, CXLI стр.

7) Ibid.

8) „Поученіе на Пянтикостіи“, 86 стр.

плодъ бываетъ» [1]). Въ стихѣ «О Гадамѣ» Русскій народъ такъ представилъ грѣхъ первыхъ людей и его послѣдствія:

«Евги ради, раю,
«заключенъ рай бысти.
«Евга согрѣшила,
«законъ преступила,
«Адама прельстила,
«весь родъ нашъ отгнала
«отъ святова отъ рая,
«отъ всеё райскою пищи» [2]).

Прекрасное разсужденіе о грѣхѣ прародителей, какъ ослушаніи воли Божіей, какъ преступленіи противъ истиннаго назначенія человѣка, и о его послѣдствіяхъ для всего рода человѣческаго мы находимъ въ указанномъ уже посланіи черноризца Поликарпа къ архимандриту Акиндину: «Подобно образъ и равнострастіа имѣти роженымъ на земли перваго человѣка, ибо, видѣвъ красоту овоща, не оудръжася и Бога ослушася и страстное житіе пріятъ; ибо, егда създанъ бысть и не имѣ порока на себѣ, яко Божіе есть създаніе. Господь бо Богъ нашъ въспріимъ отъ земля рукама пречистыма и непорочныма създа человѣка блага и оудобрена, нъ онъ, акы калъ земная любя, къ сласти поползеся, и сласти ему приложиша, и обладанъ бысть оттоле родъ человѣчь страстію и во ины сласти оуклонися и боримы есмы всегда и отъ тѣхъ. Единъ азъ побѣжаюся, имже работаю, смоущаемъ помыслы душы моея, и страстнѣ тѣмъ касаюся, и не обслабно хотѣніе имѣю къ сътворенію грѣха и тѣмъ нѣсть подобна мнѣ, иже на землѣ всѣхъ за многая сългрѣшеніа моя, в них же и до сего часа пребываю, но тои единъ, иже отъ всѣхъ обрѣте истину (—воистиноу блаженъ есть) себѣ отлучивъ на Божію волю, и того заповѣди непорочно съхранивъ въ чистотѣ же съблюде тѣло свое и душу, кромѣ всякая скверны плотскіа и душевныя» [3]). Итакъ, грѣхъ прародителей, имѣвшій такія тяжелыя послѣдствія для нихъ самихъ и для всего человѣчества, какъ свободное оставленіе истиннаго пути жизни, былъ актомъ ихъ воли и остался всецѣло въ области воли, извративъ только ее одну, направивъ ее къ

[1]) „Повѣсть временныхъ лѣтъ", подъ 6488 (980) г., 77 стр.
[2]) Варенцовъ, 40 стр.
[3]) „Втораго посланіе... Поликарпа", CXLI стр.

рабству грѣху вмѣсто свободы въ Богѣ, богоподобное же существо человѣка осталось не тронутымъ и неповрежденнымъ грѣхомъ: «Богъ... не терпяше бо своего образа въ тлѣнье впадъша зрѣти» [1]).

Исторически паденіе первыхъ людей совершилось подъ вліяніемъ злаго духа—діавола. Среди Ангеловъ, духовъ безплотныхъ [2]), созданныхъ Богомъ для постоянной жизни въ Богѣ, для постоянной хвалы и служенія Ему [3]) и для постоянной помощи людямъ въ ихъ добрыхъ дѣлахъ [4]), при чемъ невидимые духи принимаютъ иногда различные видимые образы [5]),—нашелся одинъ Ангелъ, который не захотѣлъ оставаться въ жизни въ Богѣ, захотѣлъ самъ сдѣлаться равнымъ Богу, самъ стать для себя богомъ, вышелъ изъ повиновенія волѣ Божіей, почему и лишился общенія съ Богомъ и вмѣстѣ съ подчиненными ему ангелами ниспалъ изъ высшаго міра духовъ добрыхъ и сдѣлался началомъ противленія и неповиновенія Богу, «темнымъ діаволомъ»: «Прежде же Деньница *Ангелъ*, нынѣ же темный діаволъ, словесенъ (разуменъ) сый, и не по правдѣ пріимъ словесное, но равенъ быти Богу пьщевавъ, за гордость его спаде съ небесъ с чиномъ своимъ» [6]). Этотъ падшій ангелъ вмѣстѣ съ подчиненными и также падшими духами образовалъ въ безднѣ цѣлое царство ада, царство зла, царство противленія Богу и своеволія, въ которомъ (царствѣ) самъ онъ подъ именемъ діавола, антихриста, или «Сотонаила» [7]) является главою, а остальные духи зла—бѣсы—его слугами: «сихъ бо ангелъ сверженъ бысть, егоже вы (волхвы) глаголета антихрестъ, за величанье его низъверженъ бысть с небесе,

---

[1]) „Поученіе на Пянтикостіи“, 86 стр.

[2]) „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ подъ 6618 (1110) г., 273—274 стр.; „Сказаніе о черноризьчьстѣмь чину, отъ Вьтхаго закона и Новаго, онаго образъ носяща, а сего дѣлы съвьршающа“, Св. Кирилла Туровскаго въ „Памятникахъ Рос. Словесности“, 114 стр. и др.

[3]) „Слово нѣкоего отца“... 136 стр.; „Поученье правыя вѣры“ въ Исторической христоматіи Буслаева, М. 1861 г., 485 столб.; „О законѣ Моисеомъ даннѣмъ“, 233 стр. и др.

[4]) „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, подъ 6523 (1015) г., 132 стр.; „Сказание... святаго Бориса и Глѣба“, 53 столб.; Безсоновъ, выпускъ 1, № 38, 179 стр. и др.

[5]) „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, подъ 6618 (1110) г., 273—274 стр. и др.

[6]) „Посланіе Никыфора Митрополита“, 65 стр.

[7]) Суздальская лѣтопись подъ 6677 (1169) г., 338 стр.

и есть в безднѣ» [1]). «Бѣси бо ради бываютъ о нашемъ піанствѣ, и радующеся приносятъ къ діаволу жертву пьянственную отъ піаницъ; діаволъ же, радуясь, глаголеть: яко николиже тако веселюся и радуюся о жертвахъ поганыхъ языкъ, якоже о пьянствѣ христіаныхъ; всяка бо дѣла моего хотѣнія въ пьяницахъ суть... И посылаеть діаволъ бѣсы, рекъ: идѣте, поучайте христіаны на піанство и на всяку дѣтель моего хотѣнія» [2]). Одинъ Новгородецъ спрашивалъ у кудесника,—волхвовавшаго силою бѣсовскою: «то кацы суть бози ваши, кде живуть»? Онъ же рече: «в безднахъ; суть же образомъ черни, крилаты, хвосты имуще, всходять же и подъ небо, слушающе вашихъ Боговъ; ваши бо Бози на небеси суть; аще кто умреть отъ вашихъ людий, то възносимъ есть на небо; аще ли отъ нашихъ умреть, то носимъ к нашимъ ботамь в бездну» [3]). Какъ начало отторгшееся отъ Бога и окрѣпшее въ противленіи Ему, діаволъ съ подчиненными ему бѣсами сдѣлался исконнымъ врагомъ добра и разсадникомъ всякаго зла въ мірѣ: «Искони же ненавидяи добра дьяволъ» [4]), «бѣси бо на злое посылаеми бывають... бѣси всегда на злое ловять» [5]).

Это-то злое начало въ мірѣ и склонило первыхъ людей ко грѣху, впушивъ имъ вступить на свой путь жизни [6]), жизни по своей волѣ: «Искони же ненавидяи добра дьяволъ. иже бѣ реклъ. да створю престолъ свои на звѣздахъ. и сриновенъ бысть на землю загордость его. тъ яко же преже рѣхъ и ненавистникъ. преже оувѣда. еже заповѣда Богъ Адамови. веземъ отъ дрѣва дасть женѣ его. она же вкушьши подасть Адаму. и оба преступиста заповѣдь Божію. и того ради изгнанъ бысть изъ рая» [7]). Съ этого момента человѣкъ оставилъ путь истинной жизни и вступилъ на путь погибели, путь стихійнаго служенія земнымъ влеченіямъ и слѣдованія діаволу, отцу

---

1) „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, подъ 6579 (1071) г., 172 стр.

2) „Поученіе блаженнаго Өеодосія, игумена Печерскаго, о казняхъ Божіихъ“, 196 стр.; тоже: „Слово святыхъ отець о пьянствѣ“ въ Исторической Христоматіи Буслаева, 485—486 столб.

3) „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ подъ 6579 (1071) г., 174—175 стр.

4) „Чтение о житии... Бориса и Глѣба“, 2 столб.

5) „Сказание... мученику Бориса и Глѣба“, 53 столб.

6) „Поученіе на Пятикостіи“, 86 стр.

7) „Чтение о житии... Бориса и Глѣба“, 2 столб.

и начальнику эгоизма: «И прежде бывшемъ намъ, акы звѣремъ и скотомъ, не разумѣющимъ десницѣ и шуйцѣ, и *земленыхъ прилежащемъ*... И потыкающимся намъ въ путехъ погибели, еже бѣсомъ въслѣдовати» [1]... И въ этомъ пути служенія собственной земной похоти люди впали въ «работу діаволю» [2], и діаволъ сталъ «власть имы надо всѣми» [3], сталъ «миродержцемъ, княземъ вѣка сего» [4], и въ обществѣ людей думалъ основать свое царство: «мняшеся оканьный; яко сде ми есть жилище» [5]... сде бо мняхъ жилище имѣти» [6]. Съ этою цѣлью онъ внушилъ людямъ поклоненіе идоламъ вмѣсто поклоненія единому Богу; Оумножьшемся человѣкомъ по земьли. и видѣвъ ненавидяи рода человѣча дияволъ оумножения человѣкъ. сътвори имъ кланятися идоломъ, а не Богу створшему небо и землю» [7]; «Перуна же повелѣ Владиміръ привязати коневи къ хвосту и влещи с горы по Боричеву на Ручай, 12 мужа приставиl тети жезльемь. Се же не яко древу чюющю, но на поруганье бѣсу, иже прельщаше симь образомъ человѣкы» [8]; «Видите окаяниую сию скверненую службу (идоламъ). створяему отъ скверныхъ языкъ. елени [9]) окаяннии—жертвы ученьемъ дьяволимъ ізобрѣтено потвореньемъ темнаго бѣса і кощюннаго [10])... Будучи ненавистникомъ всего добраго и дѣятельнымъ начальникомъ и сѣятелемъ зла, діаволъ началъ внушать подпавшимъ его вліянію людямъ всевозможныя страсти и

---

[1]) „О законѣ Моисеомъ даннѣмъ", 236 стр.

[2]) „Слово о сънятіи тѣла Христова съ креста и о Мюроносицахъ, отъ сказанія Евангельскаго, и похвала Іосифу; въ недѣлю, 3-юю по Пасцѣ", св. Кирилла Туровскаго, въ „Памятникахъ Рос. Словесности", 38 стр.

[3]) „Повѣсть временныхъ лѣтъ", подъ 6491 (983) г., 80 стр.

[4]) Ibid. подъ 6599 (1091) г., 207 стр.

[5]) Ibid. подъ 6491 (983) г., 81 стр.

[6]) Ibid. 6496 (988) г. 115 стр.

[7]) „Чтение о житии... Бориса и Глѣба", 3 столб.

[8]) „Повѣсть временныхъ лѣтъ" подъ 6496 (988) г., 114 стр.; ср. ibid. подъ 6523 (1015) г., 128 стр.

[9]) Этимъ именемъ въ домонгольской литературѣ назывались вообще всѣ идолослужители.

[10]) „Слово святаго Григорья ізобрѣтено. в толъцѣхъо томъ. како первое погани суще языци. кланялися ідоломъ. і требы им клали. то і нынѣ творятъ" въ Исторической христоматіи Буслаева, 528 столб. Ср. „О законѣ Моисеомъ даннѣмъ", 223 стр.; „Слово нѣкоего христолюбца", 89, 90 и 91 стр.; Варенцовъ, стихъ „Про Егорья свѣта храбра", 99 стр.

пороки, какъ проявленія господствовавшаго въ нихъ зла—«ты бо вѣси, Владыко, нашихъ согрѣшений движенья на зло» [1],—и побуждать ихъ на различныя дѣла «своего хотѣнія»: зависть [2], гордость [3], праздность и лѣность [4], пьянство [5], блудъ [6], присвоеніе чужой собственности [7], гоненіе на непокоряющихся его власти [8] и всевозможные луковые помыслы [9] и пороки: «по сими діаволъ льстить и другими нравы, и всяческими лестми превабляемы отъ Бога, влъхвованіемъ, чародѣяніемъ, блудомъ, запоиствомъ, рѣзоиманіемъ, приклады, татбою, и лжею, завистію, клеветою, зубами, скоморохи, гусльми, сапѣлми и всякими играми и дѣлесы неподобными» [10]. Особенно же діаволъ всегда внушаетъ людямъ ссоры, междоусобія [11] и убійства [12], какъ проявленія прямаго и совершеннаго отрицанія и уничтоженія добра и любви въ людяхъ и насажденія и развитія зла: «усобная же рать бываетъ отъ соблажненья дьяволя... дьяволъ радуется злому убійству и кровопролитью, подвизая свары и зависти, братоненавидѣнье, клеветы» [13]; «По все дьяволе наученье!»—писалъ Мономахъ Олегу Святославичу,—«то бо были рати при умныхъ дѣ-

---

1) Суздальская лѣтопись подъ 6693 (1185) г., 373 стр.

2) Новгородская лѣтопись по сборнику архивскому подъ 6719 (1211) г., 16 стр.

3) Суздальская лѣтопись, подъ 6677 (1169) г., 337—342 стр.

4) „Поученіе св. Иларіона о пользѣ душевнѣй“, 294 стр.; „Поученіе св. Θеодосія о хоженіи къ церкви и о молитвѣ“ въ „Ученыхъ Запискахъ“ кн. II, вып. II., 212 стр.

5) См. выше.

6) Безсоновъ, выпускъ 1, № 38 объ „Іосифѣ прекрасномъ“, 179 стр.

7) „Вкладная грамота преподобнаго Варлаама Хутынскому монастырю“ въ прибавленіяхъ къ Актамъ Историческимъ, I т., № 5, 8 стр.

8) „Житіе преподобнаго отца нашего Θеодосія“, VII и XV стр.; „Сказаніе о житіи... Антонія римлянина“, 162 стр.; и др.

9) „Повѣсть временныхъ мѣтъ“, подъ 6582 (1074) г., 178—180 стр.

10) „Поученіе блаженнаго Θеодосія, игумена Печерскаго, о казняхъ Божіяхъ“, 195 стр.

11) „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, подъ 6581 (1073) г., 177—178 стр., Суздальская лѣтопись подъ 6694 (1186) г., 380 стр.; подъ 6705 (1197) г., 392 стр. и др.

12) „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, подъ 6594 (1086) г. 199—201 стр., „Чтеніе о житии... Бориса и Глѣба“, 8—9 столб.; „Сказание... мученику Бориса и Глѣба“, 47 и 53 столб.

13) „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, подъ 6576 (1068) г., 163 стр.

дѣдѣхъ нашихъ, при добрыхъ и при блаженыхъ отцихъ нашихъ; дьяволъ бо не хочетъ добра роду человѣческому, сваживаеть ны» [1]). Лѣтописецъ, разсказывая о возвращеніи убійцъ Святаго Бориса, говоритъ: «Оканьнии же си убійцѣ придоша къ Святополку, аки хвалу имуще, безаконьници. Суть же имена симъ законопреступникомъ: Путьша, и Талець, Словить, Ляшько, отецъ же изъ сотапа» [2]).

Для достиженія своихъ цѣлей діаволъ и бѣсы употребляютъ различныя мѣры, являясь даже людямъ видимо, въ образѣ человѣка, производя различныя дѣйствія свойственныя человѣку [3]), и даже во образѣ Ангеловъ [4]). И онъ настолько овладѣваетъ нѣкоторыми людьми, что послѣдніе становятся безпрекословными орудіями его воли, и онъ черезъ этихъ людей, называемыхъ волхвами и кудесниками, творитъ свое дѣло искорененія добра и любви въ людяхъ и насажденія ненависти и убійства, какъ это дѣлали, напр., Суздальскіе волхвы во время голода [5]); и даже дѣлаетъ ихъ орудіями своего мнимаго прорицанія, мнимыми предсказателями и подателями благъ людямъ: «Сиця ти есть бѣсовская сила, и лѣпота, и немощь; тѣмже прельщаютъ человѣка, веляще имъ глаголати видѣнья, являющеся во снѣ, инѣмъ в мечтѣ, и тако волхвуютъ наущениемъ бѣсовскимъ. Паче же женами бѣсовьская волъшвенья бываютъ; искони бо бѣсъ жену прелсти, си же мужа, тако въ сии роди много волхвуютъ жены чародѣйствомъ, и отравою, и инѣми бѣсовьскыми козньми. Но и мужи прелщени бываютъ отъ бѣсовъ невѣрнии, яко се въ первыя роды, при апостолѣхъ бо бысть Симонъ волхвъ)...» [6]) «О глубино, о зло есть оставити Божию помощь. Ти впрашали вълхвовъ, иже в бѣса вѣруютъ»; [7]) «А еже дѣтии дѣля жены творять что либо, а еже възболять, или къ вълхвамъ несоуть, а не къ попови на молитву?» [8])...

---

[1]) Ibid. подъ 6604 (1096) г. 243 стр.

[2]) Ibid. подъ 6523 (1015) г. 132 стр.

[3]) Ibid. подъ 6582 (1074) г., 184—191 стр., подъ 6600 (1092) г., 207 стр.

[4]) „Втораго посланіе... Поликарпа", CXXVII—CXXIX стр.

[5]) „Повѣсть временныхъ лѣтъ", подъ 6532 (1024) г., 144 стр.

[6]) Ibid. подъ 6579 (1701) г., 175—176 стр.

[7]) „Слово о волхвахъ" митр. Кирилла I, въ Москвитянинѣ, 1851 г., Мартъ, № 6, кн. 2, 130 стр.

[8]) „Ильино" (въпрошеніе) 18-е, въ „Русской Исторической Библіотекѣ", изд. археографич. коммисіи, 6-й т. Спб. 1880 г. № 2.

Однако діаволъ далеко не представляетъ собою самостоятельнаго и самобытнаго начала зла, и царства зла—втораго, отдѣльнаго и самостоятельнаго царства въ жизни, рядомъ съ царствомъ добра. Правда, діаволъ—существо разумное, умомъ своимъ проникающее даже въ высшія сферы блага,—«всходять же и подъ небо, слушающе вашихъ Боговъ»,—говорилъ кудесникъ о бѣсахъ. Но ихъ вѣдѣніе совершенно ограниченное. Оно простирается только на область видимую, фактическую, область прошедшихъ и настоящихъ явленій въ мірѣ. Но оно совершенно безсильно передъ вполнѣ недоступною для него областью будущаго. Для него совершенно закрыта жизнь духа, область мысли, намѣреній и желаній. О ней духи зла узнаютъ только по тѣмъ или другимъ внѣшнимъ обнаруженіямъ ея,—«слушающе вашихъ Боговъ»,—но проникнуть внутрь духовной жизни человѣка, не говоря уже о сокровеннѣйшей жизни Божіей, проникнуть въ тайники ума и сердца человѣка—они не могутъ. Если же иногда нѣкоторыя дѣйствія бѣсовъ и даютъ, повидимому, право думать, что послѣднимъ извѣстенъ внутренній міръ человѣка и даже будущее, то это только повидимому. Въ дѣйствительности же ихъ знаніе человѣка ограничивается только знаніемъ тѣхъ мыслей и чувствъ, какія они сами внушаютъ человѣку, и въ будущемъ тѣхъ дѣйствій и явленій, какія произойдутъ, или какія произведетъ человѣкъ, по ихъ же внушенію, какихъ они съ несомнѣнностію ожидаютъ, какъ явленій ихъ же жизни и ихъ вліянія въ мірѣ. Словомъ, имъ извѣстна строго ихъ же собственная жизнь, а область самостоятельныхъ, свободныхъ мыслей и желаній человѣка, имъ недоступна: «бѣси бо не вѣдять мысли человѣчьскыя, но влагають помыслъ въ человѣка, тайны не свѣдуще;» [1]) «бѣсъ оубо приходящаго быти не вѣсть, но, еже самъ сьдѣя и научи злыя человѣкы, ли оубити, ли оукрасти, сіа и възвѣщаетъ» [2]). Поэтому и самыя дѣйствія бѣсовъ весьма ограниченны и слабы и являются чуждыми общему теченію жизни, или, какъ говорилъ черноризецъ Исаакій искушавшимъ его ночью бѣсамъ: «аще бысте человѣци были, то въ дне бы есте пришли, а вы есте тма, и во тмѣ ходите, и тма вы ятъ» [3]). Поэтому, если зло и появилось въ мірѣ и существуетъ и даже господствуетъ, то всѣмъ этимъ оно обязано отнюдь не своей самобытности, неминуемости и самостоятельности въ мірѣ, но все-

[1]) „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ подъ 6579 (1071) г., 174 стр.
[2]) „Втораго посланіе... Поликарпа“, CXXVIII стр.
[3]) „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, подъ 6582 (1074) г., 191 стр.

цѣло и исключительно волѣ самого человѣка: «слабый ни діаволомъ падаетъ, по своимъ зломысльствомъ, подверщая добраго начатка дѣло, аки пѣсокъ, злыми мысльми» [1]).—Но возвратимся къ главному предмету нашей рѣчи...

И такъ, человѣчество вслѣдъ за первыми людьми вступило на ложный путь жизни, и для него настала ночь [2]) невѣдѣнія истиннаго Бога, истинной жизни: «Богъ... не презрѣ твари своея до конца идольскимъ мракомъ одержимѣ быти и бѣсовскымъ служеніемъ... намъ.. путь ведущаго въ животъ невѣдущимъ, ксемужъ и гугнахомъ языки нашими, моляще идолы, а не Бога своего и Творца» [3]). Вотъ здѣсь-то и сказалась такъ ясно любовь Божія къ человѣку, а вмѣстѣ и совершилось для міра явленіе въ ней Троичнаго Бога.

«Приснождадай Богъ нашего спасенія, въсхотѣ своимь милосердіемь обновити естьство наше, грѣхъми суще обетшано, тѣмь и въ нашю плоть истиньно облечеся, хотя направити ноги наша на путь истиньный; не търпяше бо своего образа въ тлѣнье впадъша зрѣти, егоже испьрва въ райстѣй пищѣ владыку всей твари устроилъ бѣ, завистью же дьяволею прельщена» [4]). Милосердый Богъ, сотворивши человѣка для вѣчной жизни, и видя его уклонившимся отъ жизни къ смерти, по любви Своей не захотѣлъ допустить его до совершенной погибели. Его любовь не могла перенести такого конца, противорѣчащаго самому назначенію Его творенія, въ которое Онъ вложилъ Свой образъ, какъ начало безконечнаго развитія и вѣчной жизни. Но дѣйствительная жизнь человѣка шла не по пути къ Своему Творцу и Первообразу. И такъ какъ жизнь есть въ своемъ родѣ теченіе и такъ какъ само теченіе, направившись по новому руслу, не въ силахъ уже возвратиться на прежнее, то то же самое нужно сказать и о человѣкѣ. Поставивши себя и свою земную волю закономъ своей жизни, человѣкъ могъ только идти впередъ въ этомъ направленіи, укрѣпляться и старѣть въ немъ, но поворотъ къ прежней жизни въ Богѣ для него уже былъ невозможенъ. Преградой тому былъ онъ же самъ, его эгоизмъ, какъ основа жизни, который нужно было

---

1) „Посланіе нѣкоего старца къ богоблаженному Василію архимандриту, о скимѣ", 353 стр.

2) „Повѣсть временныхъ лѣтъ"; подъ 6477 (969) г., 66 - 67 стр.

3) „О законѣ Моѵсеомъ данѣмъ", 223 и 236 стр.

4) „Поученіе на Пянтикостіи", 86 стр.

уничтожить и на его мѣсто поставить истинное начало жизни, но сдѣлать это самъ эгоистъ не могъ, потому что въ эгоизмѣ нѣтъ силы жизни, а есть только ея отрицаніе. Но такъ какъ человѣкъ носилъ всетаки въ себѣ образъ Божій, какъ задатокъ вѣчной жизни, и не былъ только въ силахъ дать ему перевѣсъ въ направленіи своей жизни, то для возвращенія его къ истинной жизни нужно было обновить его природу, уничтожить въ ней земное начало жизни и призвать къ жизни и сдѣлать ея основою и началомъ истинное и Божественное начало въ человѣкѣ. Но дать жизнь, обновить природу умирающую, можетъ только Тотъ, Кто въ Себѣ Самомъ имѣетъ жизнь, только источникъ жизни, только Богъ. И въ премудромъ и всеблагомъ совѣтѣ Божіемъ прежде вѣкъ опредѣлено было самому Богу придти на помощь спасенію человѣка, приведенію его на истинный путь жизни. И это дѣло любви Божіей возложено было на Сына Божія: «и Богъ убо прежде вѣкъ изволи и умысли Сына Своего въ міръ послати, и тѣмъ благодати явитися» [1]) По время этого явленія Сына Божія въ мірѣ и дарованія человѣку благодатной силы обновленія было назначено на опредѣленный срокъ, когда долженъ былъ наступить конецъ вѣку сему, конецъ царству міра, а до этого времени человѣчество оставалось чуждымъ благодати новой, истинной жизни, и о ней не знали ни Ангелы, ни люди: «безвѣстная же и утаенаа мудрости Божіа утаена бяху Ангелъ и человѣкъ, и не яко не явима, но утаена и на конецъ вѣка хотяща явитися» [2]).

Тѣмъ не менѣе Господь не оставлялъ Своею любовію падшее человѣчество и до этого момента явленія Сына Божія въ мірѣ. Онъ посылалъ къ нему пророковъ и даровалъ законъ, чтобы люди сами сознали неестественность своего положенія и подготовились къ принятію своего спасенія, чтобы они обыкли хотя бы въ невольной жизни въ Богѣ по закону, такъ сказать, съ формальной стороны, и тѣмъ скорѣе пришли бы на истинный путь жизни, когда этотъ путь явится: «Благыи же Богъ долготерпяи и ожидая покаяния ихъ посла къ нимъ святыя пророкы. они же и тѣхъ не послушаша. нъ и тѣмъ досадиша. а инѣхъ побиша» [3]). «Кто бо велій, яко Богъ нашъ? Тъ

---

[1]) „О законѣ Моисеомъ даннѣмъ“, 225 стр.
[2]) Ibid.
[3]) „Чтеніе о житии... Бориса и Глѣба“, 3 столб.; Ср. „Поученіе св. Ѳеодосія о терпѣніи и милостыни“, 208 стр.

единъ творяй чудеса, положивый законъ на проуготованіе истины и благодати, да въ немъ обыкнеть человѣчьское естество, отъ многобожьства идольскаго уклапяяся, въ единаго Бога вѣровати, да, яко съсудъ скверненъ, человѣчьство, и помъвенъ водою закономъ и обрѣзаніемъ, пріиметъ млеко благодати и крещенія. Законъ бо предтеча бѣ и слуга благодати и истинѣ; ...Яко законъ привождааше въ законеныя къ благодатному крещенію... Моисій бо и пророцы о Христовѣ пришествіи повѣдаху» [1]). И это дѣло любви Божіей — приготовленіе людей къ принятію спасенія—явило міру жизнь въ Богѣ не единоличную, хотя Троичность Бога и не сказалась здѣсь со всею ясностію: «Благодать же глагола къ Богу: аще нѣсть времене снити ми на землю и спасти міръ, сниди на гору Синай и законъ положи... Послуша и Богъ яже отъ благодати словесъ, и сниде на Синай... И снесе Моисей отъ Синайскыя горы законъ, а не благодать, стѣнь, а не истину» [2]). Мы видѣли уже, что законъ не спасалъ людей, и что онъ былъ строго національнымъ еврейскимъ, хотя и предназначался для всѣхъ людей: человѣчество для того, чтобы закономъ подойти къ благодати спасенія, должно было пройти чрезъ Іудейство.

Когда же наступило время приведенія людей къ истинному пути жизни, время обновленія ихъ природы [3]), явился на землю Сынъ Божій. Какъ истинный Богъ, родился отъ Дѣвы безсѣменно, не нарушивъ дѣвства Матери, и истинный Богъ, сталъ вмѣстѣ и истиннымъ человѣкомъ: «Вѣку же сему къ концу приближающуся посѣти Господь человѣчьскаго рода и сниде съ небесе, въ утробу Дѣвицы въходя; приятъ же и Дѣвица съ покланяніемъ въ кущу плотяную, не болѣвши, глаголющи къ Ангелу: се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему... Присѣтившу Богу человѣчьска естества, явишася уже безвѣстная и утаеная, и родися благодать и истина... Сынъ... [4]) и не посолъ, ни вѣстникъ, но Самъ спасе ны, не привидѣніемъ пришедъ па землю, но истинно» [5]). Для спасенія человѣка явилась высочайшая любовь Божія чрезъ воплощеніе Единороднаго Сына Божія, и вмѣстѣ открылось міру глубочайшее таинство Святыя Троицы:

---

[1]) „О законѣ Моисеомъ даннѣмъ“, 224 стр.
[2]) Ibid. 226 стр.
[3]) „Поученіе св. Ѳеодосія о тръпѣніи и милостыни“, 207 стр.
[4]) „О законѣ Моисеомъ даннѣмъ“, 226 стр.
[5]) Ibid. 224 стр.

Отецъ послалъ Своего Сына въ міръ, Сынъ воплотился и сталъ истиннымъ Человѣкомъ, не переставая быть истиннымъ Богомъ, и Святый Духъ «осѣнилъ» рожденіе: «И то (непринатіе пророковъ) имъ (людямъ) творящимъ. ни ту ся Богъ прогнѣва на создание свое нъ милосерьдоваше. о твари своеи. и изволися милосьрдіе Его. еже имяше къ твари своеи. Пусти бо сына своего единочадаго. иже съшедъ съ небеси и вселися въ святую дѣвицу. и родися отъ нея. дѣвичьства же не врежь. яко же бѣ преже рождества дѣвою. тако же и по рождествѣ пребысть дѣвою» [1]). «И вѣрую и исповѣдую», писалъ Св. Иларіонъ въ своемъ «Изложеніи вѣры», «яко Сынъ, благоволеніемъ Отчемъ и Святаго Духа хотѣніемъ, сниде на землю спасти родъ человѣческъ, небесъ и Отца не отлучився, и Святаго Духа осѣненіемъ вселися въ утробу Дѣвицѣ Маріи и зачаться, якоже Самъ единъ вѣсть, и родися безъ сѣмене мужеска, Матерь дѣвицею съхрань, якоже и лѣпо Богу, и въ рожество, и прежде рожьства, и по рожьствѣ, — Сыновства не отложь [2])». Свое вочеловѣченіе, это непостижимѣйшее для человѣка таинство воплощенія Бога, воплотившійся Сынъ Божій, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, явилъ всею Своею жизнью на землѣ. Истинный Богъ родился, воспитался и жилъ истиннымъ человѣкомъ, въ Своемъ Лицѣ соединивъ два естества, Божеское и человѣческое, а съ ними и двѣ воли, припявъ въ Себя то, чего не имѣлъ, не переставая быть Тѣмъ, Кѣмъ Онъ всегда есть: «На небеси бо безматеренъ, на земли же безъ отца, въздоися, яко человѣкъ, и вспитася, и бысть человѣкъ истиненъ, не привидѣніемъ, нъ истиною въ нашей плоти, исполнь Богъ, исполнь человѣкъ, въ двѣ естествѣ, хотѣніи воли; еже бѣ, не отложивъ, и еже не бѣ, взя» [3]). Прекрасное свидѣтельство Богочеловѣчества Іисуса Христа, на основаніи Его жизни, представилъ Св. Иларіонъ въ своемъ замѣчательномъ словѣ «О законѣ Моисеомъ даннѣмъ, и о благодати и истинѣ Іисусъ Христомъ бывшимъ»: «Тѣмже, кто не прославитъ, кто не похвалитъ, кто не поклонится величьствію славы Его, и кто не подивится безчисленному человѣколюбію Его? Прежде вѣкъ отъ Отца рожденъ, единъ съпрестоленъ Отцу, едіносущенъ, якоже солнцу свѣтъ, сниде на землю, посѣти людій своихъ, не отлучився Отца, и въплотися

---

1) Чтение о житии... Бориса и Глѣба", 3 стр.

2) Изложеніе вѣры, 253—254 стр.

3) Ibid. 254 стр.

отъ Дѣвицы чисты, безмужны, бескверны, вшедъ, якоже Самъ вѣсть; плоть пріимъ,—изыде, якоже вниде; единъ сый отъ Троица, въ двѣ естьствѣ, Божество и человѣчество: исполнь человѣкъ, по въчеловѣченію, а непривидѣніемъ; по исполнь Богъ, по Божеству, а не простъ человѣкъ. Показаа на земли Божескаа и человѣчьская: яко человѣкъ, во утробѣ матерни растяаше, и яко Богъ, изыде, дѣвьства не врождь; яко человѣкъ, матерне млеко пріять, и яко Богъ, приstави Ангелы съ пастухи пѣти: слава въ вышніихъ Богу; яко человѣкъ, повився въ пелены, и яко Богъ, звѣздою влъхвы вождааше, яко человѣкъ, въ яслехъ възлеже, и яко Богъ. отъ влъхвъ дары и поклоненіе приять; яко человѣкъ, бѣжаше въ Египетъ, и яко Богу рукотвореннаа Египетскаа поклонишася; яко человѣкъ пріиде на крещеніе, и яко Бога устрашився, Іорданъ възвратися; яко человѣкъ, обнажився вниде въ воды, и яко Богъ, отъ Отца послушество пріятъ: сь есть сынъ мой возлюбленный; яко человѣкъ постися М҃ дній и взалка, и яко Богъ побѣди искушающаго; яко человѣкъ, иде на бракъ въ Кана Галилеи, и яко Богъ воду въ вино преложи; яко человѣкъ, въ карабли спаше, и яко Богъ запрѣти вѣтромъ и морю, и послушаша Его; яко человѣкъ, по Лазари прослезися, и яко Богъ, въскреси и отъ мертвыхъ; яко человѣкъ, на осля всѣде, и яко Богу звахуː благословенъ грядый во имя Господне; яко человѣкъ, распятъ бысть, и яко Богъ, своею властію спропятаго съ Нимъ впусти въ рай; яко человѣкъ, оцта вкуси и испусти духъ, и яко Богъ, солнце помрачи и землю потрясе; яко человѣкъ, въ гробѣ положенъ бысть, и яко Богъ, ада раздруши и душа свободи; яко человѣка печатлѣшя въ гробѣ, и яко Богъ изыде, печати цѣлы съхрань: и яко человѣка тщахуся Іудеи утаити въскресеніе, мъздяще стражей, но яко Богъ увѣдѣся, и познанъ бысть всѣми конци земля [1])».

Итакъ, Сынъ Божій явился на землѣ и совершеннымъ человѣкомъ. Для того, чтобы спасти человѣка и возстановить его въ истинной жизни, необходимо было умертвить земное начало въ человѣкѣ, начало смерти, но умертвить такъ, чтобы въ этомъ умерщвленіи сказалась истинная жизнь, слѣдовала сейчасъ же за нимъ, была его необходимымъ слѣдствіемъ, чтобы смерть земнаго начала разцвѣла

---

[1]) „О законѣ Моисеомъ данвѣмъ“, 231—232 стр. Ср. „Слово на Святую Пасху въ свѣтоносный день Въскресенія Христова“, Св. Кирилла Туровскаго, 10—12 стр.

истинной жизнью. Разумѣется, это могло сдѣлать только такое лицо, которое не имѣло въ себѣ никакого грѣха, какъ отрицанія жизни, а съ другой стороны носило въ себѣ самомъ жизнь и источникъ истинной, безконечной жизни. Такимъ лицомъ и былъ воплотившійся Сынъ Божій, истинный Богъ и истинный, но безгрѣшный, «неповиньнъ сы» [1]), человѣкъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Что именно такъ понималъ Русскій народъ дѣло Христово, за это ручаются сужденія его о значеніи этого дѣла, что мы сейчасъ и увидимъ.

Для того, чтобы освободить человѣка отъ власти грѣха и діавола и даровать ему истинную жизнь, воплотившійся Сынъ Божій добровольно подвергъ свое безгрѣшное человѣчество всѣмъ ужаснымъ послѣдствіямъ грѣха, какъ Богъ, оставаясь непричастнымъ никакимъ измѣненіямъ тѣла, для того, чтобы на себѣ перенести ихъ всѣ за все человѣчество, перенести за всѣхъ и самую смерть, какъ ихъ необходимое завершеніе, но чтобы вмѣстѣ же съ этимъ, Своею смертію умертвить и всѣ послѣдствія грѣха и самый источникъ ихъ,— грѣхъ, потому что, умирая земнымъ началомъ, Онъ вѣчно живетъ Божествомъ, и этимъ источникомъ жизни оживилъ Свое человѣчество и возставилъ его въ истинной вѣчной жизни, и оно послѣ смерти грѣху явилось уже совершенно чуждымъ всему прежнему, земному, и только вѣчно живымъ въ Богѣ,—чтобы и всѣ люди, умирая вмѣстѣ со Христомъ, дѣлая себя причастниками Его, вмѣстѣ съ нимъ и жили вѣчно въ Богѣ. Онъ принялъ на себя всѣ страданія за грѣхъ человѣка, былъ проданъ даже на смерть, пролилъ Свою кровь и умеръ, чтобы своими невинными страданіями избавить отъ нихъ повиннаго человѣка, чтобы освободить его отъ тяжести грѣха, въ своей смерти дать ему источникъ жизни,—сошелъ наконецъ во адъ мертвый, чтобы, какъ Богъ, освободить его узниковъ, повинныхъ только первороднымъ грѣхомъ и разрушить это царство смерти, царство діавола: «Господи Іисусе Христе! иже симь образомь явися на земли спасенья ради нашего, изволивъ своею волею пригвоздити на крестѣ руцѣ свои, и приимъ страсть грѣхъ ради нашихъ» [2]); «Господь бо нашь... Богъ... тъ самъ претерпѣ хуленье, и оплеванье и ударенье, и на смерть вдася, животомъ владѣя и смертью» [3]); «И

[1]) „Слово о снятіи тѣла Христова съ креста и о Мюроносицахъ", 37 стр.

[2]) „Повѣсть временныхъ лѣтъ", подъ 6523 (1015) г., 130—131 стр.

[3]) Письмо Мономаха къ Олегу Святославичу въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ", подъ 6604 (1096) г., 244 стр.

не себе бо ради спиде Слово Божіе на землю, но всѣхъ ради, и за вся пострадати смерть въспріять... Отець, живый въ вышнихъ, пославый единороднаго Сына Своего за избавленіе всего міра» [1]); «Богъ... сдѣла спасеніе посредѣ земля крестомъ и мукою, на мѣстѣ лобнѣмь, вкусивъ оцта и желчи, да сластнаго вкушенія Адамова, еже отъ древа; преступленіе и грѣхы вкушеніемъ горести прожeнетъ» [2]) «и на крестѣ распятъ бысть, намъ все къ спасенію створяя и в гробѣ полежа грѣха не имый» [3]); «Господь... свою кровь за ны изльи» [4]); «Вижю ребра», говорилъ св. Кириллъ Туровскій, «отъ нихъ же источи воду и кръвь; воду, да очистиши осквьрнивъшююся землю и кръвь же, да освятиши человѣчьское естьство» [5]); «И волею за ны пострада, умерщвляя прегрѣшенія наша» [6]); «неповиньнъ сы, проданъ бысть, да проданыя грѣхомь отъ дьяволя работы избавить» [7]); «Пострада плотію, яко человѣкъ, мене ради, и Божествомъ безстрасти, яко Богъ пребы. Умре безсмертный, да мене мертва оживить; спиде къ аду, да прадѣда моего Адама въставить и обожить, и діавола свяжеть» [8]). Въ одномъ изъ стиховъ своихъ Русскій народъ влагаетъ слѣдующія слова въ уста распятаго Господа, слова утѣшенія Его Пречистой Матери:

«Моя, мати, смерть—животъ вѣчный,
«Вѣрнымъ даръ на спасенье.
«Невѣрнымъ на вѣчную муку» [9]).

Между прочимъ, игуменъ Даніилъ въ своемъ «Паломникѣ» передаетъ замѣчательный образъ избавленія человѣчества отъ грѣха страданіями Спасителя, образъ въ высшей степени характерный; соотвѣтствующій общему исторически-конкретному или, даже поэтическому, воззрѣнію Русскаго народа. Описывая мѣсто распятія Господа, онъ

---

1) „Слово святаго Ѳеодосія о терпѣніи и о любви", 204 стр.
2) „О законѣ Моиссомъ даннѣмъ", 232 стр.
3) „На поученіе ко всѣмъ крестьяномъ", 120 стр.
4) „Повѣсть временныхъ лѣтъ", подъ 6601 (1093) г., 217 стр.
5) „Слово, въ новую недѣлю по Пасцѣ, о поновленіи Въскресенiа и о артусѣ и о Ѳоминѣ испытаніи ребръ Господень", въ „Памятникахъ Рос. Словесности", 26—27 стр.
6) „Поученіе на Пянтикостіи", 86 стр.
7) „Слово о съятіи тѣла Христова съ креста", 37—38 стр.
8) Изложеніе вѣры Св. Иларіона, 254 стр.
9) Варенцовъ, „Стихъ покаяненъ", 59 стр.

говоритъ: «И есть бо распятіе Господне отъ Въскресенiа къ востоку лицемъ; есть же на камени высоко было, яко стражіе быше (-сторожевое мѣсто). Исподь же подъ тѣмъ каменемъ лежить глава Адамова перваго человѣка. Въ распятіе же Господне... и той камень просѣдеся надъ главою Адамовою, и тою разсѣлиною сниде кровь и вода изъ ребръ Господнихъ на главу Адамлю; и омый грѣхи рода человѣча»[1].

Умертвивъ Своими страданіями и смертію грѣхъ и смерть человѣка, Христосъ Спаситель явился дѣйствительнымъ побѣдителемъ смерти и діавола: на третій день Онъ воскресъ изъ мертвыхъ и сталъ начальникомъ новой жизни въ мірѣ, жизни истинной, въ единеніи съ высшимъ духовнымъ міромъ и самимъ Богомъ, начальникомъ новой жизни по Божественному началу, жизни, приводящей человѣка къ Богу: «И въскресъ изъ мертвыхъ»[2], «и воскресъ изводя ны на свѣтъ»[3], «Въста, яко Богъ, изъиде изъ мертвыхъ, яко побѣдитель, Христосъ Царь мой, тридневно»[4], «и намъ обнови путь новъ собою»[5].

«Какъ Господь Богъ родился,
«въ Іордани окрестился,—
«Адамій ослободился,
«весь міръ возновился»[6].

Св. Кириллъ Туровскій такъ говорилъ о значеніи Христова воскресенія: «Въ минувшую бо недѣлю Святыа Пасхы удивленіе бѣ небеси и устрашеніе преисподнимь, обновленіе твари и избавленіе міру, разрушеніе адово и попраніе смерти, въскресеніе мертвымь и погубленіе прелестныа власти діаволя[7], спасеніе же человѣческому роду Христовымъ въскресеніемь; обнищаніе ветхому закону и порабощеніе

---

1) „Паломникъ Данила мниха“, 27 стр.
2) „Поученіе на Пянтикостіи“, 86 стр.
3) „На поученіе ко всѣмъ крестьяномъ“, 120 стр.
4) Изложеніе вѣры, 254 стр.
5) „Поученіе Св. Өеодосія о търпѣніи и милостыни“, 207 стр.
6) Варенцовъ, Стихъ „О Гадамѣ“, 41 стр.
7) О Христѣ, какъ Побѣдителѣ діавола, ср. „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, подъ 6491 (983) г., 81—82 стр.,—6523 (1015) г., 128 стр.,—6545 (1037) г., 149 стр., - 6576 (1068) г., 168 стр.,—6579 (1071) г., 174 стр.,—6586 (1078) г., 197 стр.,—6599 (1091) г., 207 стр.; „О законѣ Моисеомъ даннѣмъ“, 241 стр.; „Житіе Преподобнаго отца нашего Өеодосіа“, XXII—XXIII стр. и др.

суботѣ, обогащеніе Христовѣ церкви и въцареніе недѣли. Въ минувшую недѣлю всему премѣненіе бысть: сътворибося небомъ земля очищена Богомъ отъ бѣсовскыхъ скверпъ, и Ангели съ женами ра болѣнно въскресенію служаахѹ. Обновися тварь, уже бо не нарекуются Богомь стихіа, ни солнце, ни огнь, ни источници, ни древеса: отселѣ бо не пріемлеть требы адъ закалаемыхъ отци младенецъ, ни смерть почьсти, преста бо идолослуженіе и погубися бѣсовское насиліе крестнымь таиньствомь, и не токмо спасеся человѣчь родъ, но и освятися Христовою вѣрою» [1]). Въ объясненіе послѣдняго выраженія мы приведемъ два другихъ изъ твореній того же святителя,— одно онъ влагаетъ въ уста Спасителя въ рѣчи къ разслабленому: «Азъ быхъ человѣкъ, да Богомь человѣка сътворю» [2]), а другое— онъ самъ говоритъ, объясняя значеніе воскресенія Господа: «великъ есть день сей, не часовъ имѣя множае [3]), но великыхъ ради чюдесъ, яже отъ Спаса нашего Iсусъ Христа сътворшася. Днесь бо Ангели съ человѣки ликують и человѣци Богомъ освящаются, святый пріемлюще Духъ» [4]).

Воскресши изъ мертвыхъ и даровавши людямъ истинную жизнь, Господь Iисусъ Христосъ, послѣ многократныхъ явленій ученикамъ Своимъ, вознесся, наконецъ, къ Отцу Своему и сѣлъ одесную Его, гдѣ Онъ всегда есть Божествомъ своимъ, но теперь вознесъ туда и человѣчество, оживотворенное Божествомъ, и этимъ положилъ начало восхожденія къ Богу и для всѣхъ людей, возставшихъ чрезъ Него для новой жизни въ Богѣ: «и, явлься много кратъ ученикомъ своимъ, възиде на небеса къ Отцю, Его же не отлучился бѣ, и сѣде одесную Его» [5]), «възиде пакы на небо, и сѣде одесную Отца» [6]), «и на небеса възиде веля намъ всхититися по Апостолу въ срѣтенье» [7]), «не презрѣ насъ, ни отвержеся насъ; но взыска и обрѣте,

[1]) „Слово въ новую недѣлю по Пасцѣ“, 18—19 стр.

[2]) „Слово о расслабленѣмь“, 47—48 стр.

[3]) Древнерусское повѣріе, по которому вся пасхальная недѣля признавалась однимъ „великимъ днемъ“. См. „Слово о воскресеніи Господні и о свѣтлой недѣли“ и „Слово о постѣ о велицѣмь, и о Петровѣ говѣньи і о Филиповѣ“, въ Исторической христоматіи Буслаева, 489 и 503 столб.

[4]) „Слово на Святую Пасху“, 13 стр.

[5]) Изложеніе вѣры, 254 стр.

[6]) „Поученіе на Пянтикостіи“, 86 стр.

[7]) „На поученіе ко всѣмъ крестьяномъ“, 120 стр

и на рамѣ понесе, и одесную Отца посади» [1]), «имѣяшеть же съ собою Господь и душа человѣческы, яже възнесе на небеса въ даръ своему Отцу, ихъ же въ горнимь градѣ усели» [2]).

Такъ совершилось дѣло высочайшей любви Божіей къ человѣку— явленіе въ мірѣ жизни Бога-Троицы. Одинъ отъ Троицы — Божій Сынъ — благоволеніемъ Бога Отца сталъ человѣкомъ безъ грѣха, родившись не отъ мужа, по осѣненіемъ Бога Духа Святаго, смертію въ себѣ человѣка—умеръ для господствовавшаго въ немъ начала и Божествомъ своимъ возставилъ его (человѣка) въ новой, истинной жизни въ Богѣ, умертвивъ его прошлое земное, смертное, и этимъ положилъ начало на землѣ истинной жизни, начало Царства Божія на землѣ, ставши источникомъ этой жизни для всѣхъ людей, и примѣромъ Своей земной жизни и ученіемъ указавши содержаніе жизни этого Царства. Для цѣльности и ясности повторимъ значеніе всего дѣла Христова словами преподобнаго лѣтописца: «Господу же нашему Іисусу Христу. яко же преже ркохомъ. рожьшуся отъ святыя дѣвицѣ. и хрещешемуся отъ Ивана. намъ образъ давъ [3]). да и мы крестимся во имя Его. Таче потомъ. 12 оученика. яже и апостолы нарече. И много я оучаше. о царствѣ небесномъ сказаше имъ мьногажды. и мъпога чюдеса створь предъ ними. и предъ всимъ народомъ. Якоже святое еоуангелие свѣдѣтельствуеть. По семь же смерти вкуси. волею страстию своею. И положенъ бысть во гробѣ. и сниде на ада и державу его раздроуши. самого же связа. и держимыя имъ свободи душа. и глагола имъ. идѣта въ раи. они же радующеся идоша хваляще Бога. Самъ же въ третии день въскресе отъ мертвыхъ. и явися оученикомъ своимъ. глагола имъ. шедше проповѣдита еоуангелие по вьсеи земли. и вьсь иже вѣру иметь и крестится. спасенъ будеть. а иже вѣры не иметь. осудится въ муку вѣчную. По глаголехъ же сихъ възнесеся на небеса. и сѣде о десну

---

[1]) „Поученіе св. Ѳеодосія о търпѣніи и милостыни“, 208 стр.

[2]) „Слово на Възнесеніе Господне, въ четвьртокъ 6 недѣли по Пасцѣ, отъ Пророчьскыхъ указаній и о въскрешеніи всеродьна Адама изъ ада“, Св. Кирилла Туровскаго въ „Памятникахъ Рос. Словесности“, 70 стр.

[3]) Ср. „Поученіе св. Ѳеодосія о хоженіи къ церкви и о молитвѣ“, 213 стр.; „Житіе преподобнаго отца нашего Ѳеодосіа“, VII стр.; Отъ грѣшного Георгиа черноризца... поучѣнье“..., 54—55 стр. и др.

Бога и Отца. Апостоли же шедше проповѣдаху еоуангелие по всей землѣ, яко же заповѣда имъ Господь» [1]).

Но этимъ еще не завершилось дѣло любви Божіей къ человѣку. Господь Іисусъ Христосъ сталъ началомъ и источникомъ истинной жизни людей. Людямъ остается только усвоить себѣ это Начало и питаться отъ этого Источника для того, чтобы покончить съ своимъ прошлымъ и начать новую жизнь. Имъ нужно усвоить Христа, какъ Начало воскресенія въ смерти, т. е. умереть во Христѣ для своего прошлаго грѣховнаго и въ этой смерти ожить для будущаго истиннаго,—и воспринять въ себя Источника жизни, Который бы развилъ ихъ въ ней и привелъ къ цѣли ихъ теченія — Богу. Христосъ за нихъ умеръ, — имъ остается усвоить Его смерть, какъ уничтоженіе и очищеніе отъ всего грѣховнаго, и пріобщиться Его воскресшаго, какъ неизсякаемаго Источника, ведущаго въ жизнь вѣчную. Для своего спасенія людямъ самимъ нужно было умереть для прежней жизни и въ этой смерти возстать для новой. Такъ какъ они не могли сдѣлать этого, — за нихъ совершилъ это дѣло Христосъ, и имъ остается только усвоить Христа умершаго и воскресшаго для того, чтобы спастись. Но какъ человѣку усвоить Христа, человѣку, по прежнему остающемуся грѣшнымъ? Для *совершенія* этого дѣла спасенія человѣка, его обновленія, Господь нашъ Іисусъ Христосъ послѣ вознесенія Своего къ Отцу и послалъ отъ Него обществу Своихъ послѣдователей Третье Лицо Святыя Троицы—Духа Святаго въ видѣ огненныхъ языковъ: «и въ 50 пый день днешній Святый Духъ присла, огньныя языкы ученикомъ своимъ раздая» [2]). Обитая въ обществѣ послѣдователей Христовыхъ, Духъ Святый чрезъ особыхъ лицъ, Богомъ поставленныхъ пастырей [3]), и совершаетъ спасеніе каждаго человѣка въ отдѣльности, обновляетъ его, вводитъ его въ Царство сыновъ Божіихъ и дѣлаетъ его живымъ членомъ этого Царства — Церкви чрезъ посредство таинства святаго крещенія, умерщвляя крещеніемъ въ немъ прежняго человѣка, очищая его отъ грѣховъ и возстановляя или рождая его въ новую жизнь во Христѣ, откуда и самое крещеніе называется вторымъ рожденіемъ: «человѣци Богомъ освящаются, Святый пріемлюще Духъ;» купѣль... бѣ образъ святаго крещенія»,—говорилъ Св. Кириллъ Туровскій о Св. Креще-

---

1) „Чтеніе о житии... Бориса и Глѣба“, 3—4 стр.

2) „Поученіе на Пянтикостію“, 86 стр.

3) См. выше.

ніи, объясняя значеніе его на основаніи сравненія его съ купелью Силоамской, — «понеже не всегда вода та нцѣляше, нъ егда ю Ангелъ възмутяше. Ныняже къ крещенія купѣли самъ Ангелскый Владыка, Святый Духъ приходя, освящаеть ю, и даеть сдравіе душамъ и тѣломъ, и грѣхомъ очищеніе; аще кто слѣпъ есть разумомъ, ли хромъ невѣріемь, ли сухъ мнозѣхъ безаконій отчаяніемь, ли расслабленъ еретичьскымь ученіемь, всѣхъ вода крещенія съдравы творить. Она купѣль многы пріимающи, а единого нцѣляше, и тоже не всегда, нъ единою лѣта; а крещенія купель по вся дьни многы оживляющи, створить къ крещенію: бо аще и всея земля придуть человѣци, не умалиться Божія благодать, всѣмъ дающи нцѣленіе отъ грѣховныхъ недугъ» [1]; «по всей бо земли Вѣра простреся, дождь благодатный оброси, купѣль пакы—порождеиа сыны своя въ нетлѣніе облачитъ... И толма помилова благый Богъ человѣчьскый родъ, яко и человѣци плотяни крещеніемъ и благыми дѣлы сынове будутъ и причастницы Христу Богу. Елицы бо, рече Евангелистъ, пріаша Его, дасть имъ власть чядомъ Божіимъ быти... еже... отъ Бога родишася, Святыимъ Духомъ въ святѣй купѣли» [2]. И такимъ образомъ въ Церкви Христовой является уже Духъ Святый строителемъ и совершителемъ ихъ жизни: «Безъ святаго бо Духа ничтоже человѣку дается на земли; аще боудеть дано ему свыше» [3].

Такъ совершилось спасеніе человѣка высочайшею любовію Божіею и вмѣстѣ явленіе въ мірѣ жизни Бога въ Троицѣ.

Такъ изъ жизни Русскій народъ познавалъ въ Богѣ Любовь и изъ исторіи усматривалъ жизнь безконечной Любви въ Троицѣ.

«Благословенъ Господь Богъ Отецъ Господа нашего Исуса Христа. иже не дасть насъ погыбнути въ прелести идольстѣй. нъ изведе ны отъ тьмы на свѣтъ. и заблужьшая овця събравъ въ святое стадо. Господомь нашимь Исусомъ Христомъ. и даромь Святого Духа его яви человѣколюбие свое» [4].

---

[1]) „Слово о расслабленѣмь", 44—45 стр.

[2]) „О законѣ Моисеомъ даннѣмъ", 230—231 стр. Ср. ibid. 240 стр.

[3]) „Втораго посланіе... Поликарпа, CXXXVI стр. Ср. „Поученіе св. Өеодосія о трьпѣніи и о смиреніи", 210 стр., „Книга Паломникъ" архіеп. Антонія, 104 столб.; „Житіе преподобнаго отца нашего Өеодосія", III и LV стр.; „Отъ грѣшного Георгия черноризця... поучѣнье"... 57 стр. и др.

[4]) „Чтение о житии... Бориса и Глѣба", 22 столб.

«Было добро, да миновалося;
«Будетъ добро, того долго ждать».
(Стихъ о страшномъ судѣ).

Полная и совершенная жизнь въ Богѣ и вообще завершеніе и полный разцвѣтъ земной жизни человѣка наступитъ въ будущей загробной жизни. Въ связи съ вопросомъ о будущей жизни стоятъ другіе вопросы: о смерти, состояніи душъ до послѣдняго суда, кончинѣ міра, второмъ пришествіи Христа Спасителя, послѣднемъ судѣ и вѣчной жизни. Къ нимъ мы теперь и переходимъ...

Загробная жизнь есть прямое продолженіе земной жизни человѣка и, смотря по тому, жилъ ли на землѣ человѣкъ въ Богѣ, или — въ отчужденіи отъ Него, для перваго она будетъ полнымъ завершеніемъ его жизни въ Богѣ въ совершенномъ единеніи съ Нимъ, въ постоянномъ пребываніи въ Его высочайшемъ и совершеннѣйшемъ Царствѣ, а для втораго — окончательною и полною потерею жизни, вѣчною смертію и вѣчными страданіями ненормальности и неестественности этой смерти человѣка, сотвореннаго для жизни. Эту прямую и органическую связь земной жизни съ загробной Русскій народъ ясно выразилъ въ своемъ стихѣ «Плачь земли»:

«Растужилась, расплакалась матушка сыра́ земля
«Передъ Господомъ Богомъ.
««Тяжелъ то мнѣ, тяжелъ, Господи, вольный свѣтъ!
««Тяжеле, много грѣшниковъ, болѣ беззаконниковъ!»
«Речетъ же самъ Господь сырой землѣ:
««Потерпи же ты, матушка, сыра́ земля!
««Не придутъ ли рабы грѣшные къ самому Богу
««Съ чистымъ покаяніемъ?
««Ежели придутъ, прибавлю я имъ свѣту вольнаго,
««Царство небесное;
««Ежели не придутъ ко мнѣ, къ Богу,
««Убавлю я имъ свѣту вольнаго,
««Прибавлю я имъ муки вѣчныя,
««Поморю я ихъ гладомъ голоднымъ» [1])!

---

[1]) „Русскія народныя пѣсни, собранныя Петромъ Кирѣевскимъ“ въ Чтеніяхъ Имп. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, М. 1848 г., 214 стр.

Или, въ другомъ стихѣ «О Михаилѣ Архангелѣ»:

«Праведные идутъ (въ мѣста райскія)
. . . .
«Хвалу несутъ дѣти отцу—матери:
««Спасибо тебѣ, батюшко со матушкой!
««Умѣли насъ вспоить-вскормить,
««Умѣли на добрыя дѣла научить,
««Призрили намъ царство небесное-рай».
. . . .
«Пошли грѣшные (въ мѣста ада)
. . . .
«Клянутъ—бранятъ дѣти отца съ матерью:
««Не спасибо вамъ, отецъ съ матерью!
««Умѣли вы насъ породити,
««И умѣли вспоить-вскормить,
««Да не умѣли на добрыя дѣла научить,—
««Призрили намъ муку превѣчную» [1]).

Еще яснѣе эту связь онъ выразилъ въ стихѣ «О страшномъ судѣ» (Варенцовъ, 173 стр.), гдѣ самыя страданія грѣшныхъ изобразилъ соотвѣтствующими ихъ прежней порочности, какъ состоянія противоположныя послѣдней, но съ этимъ стихомъ мы еще встрѣтимся.

Поэтому земная смерть не есть совершенное уничтоженіе человѣка, какъ отдѣльной самостоятельной личности, но есть только переходъ его изъ жизни въ тѣлѣ въ жизнь въ одномъ только духѣ. На языкѣ Русскихъ людей домонгольскаго времени смерть есть «отшествіе свѣта сего» [2]), «отведеніе Богомъ человѣка отъ житья сего» [3]), «вѣяніе души отъ тѣла» [4]), оставленіе, положеніе тѣла въ землѣ [5]) и начало жизни одной души безъ тѣла, жизни въ мірѣ духовъ [6]):

«Какъ мы помремъ,
. . . .

---

[1]) Варенцовъ, стихъ „О Михаилѣ Архангелѣ", 138—139 и 140 стр.

[2]) „Повѣсть временныхъ лѣтъ", подъ 6582 (1074) г., 182 стр.

[3]) Ibid. подъ 6601 (1093) г., 209 стр.

[4]) „Слово о плъку Игоревѣ", 107 стр.

[5]) „Повѣсть временныхъ лѣтъ", подъ 6601 (1093) г., 209 стр., и Варенцовъ, стихъ „Объ Аникѣ-воинѣ", 112 стр.

[6]) Варенцовъ, стихи „О душѣ грѣшной", 142—148 стр.

«души наши пойдутъ
«по своемъ по мѣстамъ,
«тѣлеса наши пойдутъ
«во сырую землю,
«къ червямъ на съядѣнія»[1]).

Поэтому для однихъ она является желаннымъ и блаженнымъ приближеніемъ къ цѣли ихъ бытія, «отшествіемъ къ Богу»[2]), «преданіемъ души въ руцѣ Божіи» [3]), а для другихъ — это полное скорбей и страданій начало совершенной отчужденности отъ Источника жизни [4]), достойное завершеніе страданій ложной жизни земной. Вѣрующему сознанію Русскаго народа, убѣжденнаго въ томъ, что *Богъ* есть строитель всей жизни человѣка, смерть представлялась дѣломъ Самого Бога, Который посылаетъ къ человѣку Ангеловъ, и они берутъ его душу изъ тѣла и несутъ ее въ другой міръ [5]). И если умираетъ праведникъ, исполнившій свое истинное назначеніе, за его душою являются Ангелы милостивые, съ любовію и радостью берутъ его душу,—и его кончина бываетъ мирная, блаженная. Если же оставляетъ жизнь земную грѣшникъ, уклонившійся отъ Бога, то къ нему посылаются грозные Ангелы, достойно, безъ милости берутъ его грѣшную душу,—и его кончина бываетъ тяжела и ужасна. Русскій народъ такъ воспѣлъ смерть убогаго и смерть богатаго Лазарей.

«Сослалъ ему (убогому) Господи тихіихъ Ангеловъ,
«Тихіихъ Ангеловъ, милосливыхъ,
«По его по душу, по Лазареву.
«Вынимали его душеньку честнохвально въ сахарны уста,
«Положили его душеньку на Божью пелену,
«Воздымали его душеньку вверхъ на небеса.
. . . .
«Сослалъ ему (богатому) Господи грозныхъ Ангеловъ,

[1]) Варенцовъ, стихъ „О Гадамѣ“ 42—43 стр. Ср. „лѣтопись по сборному архивскому“ 6740 (1232) г., 19 стр.

[2]) „Житіе преподобнаго отца нашего Θеодосіа“, LVI стр. и Безсоновъ, выпускъ 3, № 171, 719.

[3]) „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, подъ 6582 (1074) г., 183 стр. и „Чтеніе о житии Бориса и Глѣба“, 17 столб.

[4]) „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, подъ 6527 (1019) г., 141—142 стр.

[5]) Варенцовъ, стихъ „Объ Аникѣ-воинѣ“, 116 стр.

„Слетали съ небесъ ангелы Господни,
„Вынимали Аникину душу“.

«А грозныхъ Ангеловъ, немилостивыхъ
«По его ли по душеньку, по Лазареву
«Вынимали его душеньку нечестно, нехвально,
«Сквозь реберъ его-костей.
«Воздымали его душеньку ветьма высоко,
«Обряшили его душеньку во тьму глубоко» [1]).

Ужасъ смерти грѣшника Русскій народъ олицетворилъ даже въ образѣ страшнаго чудовища, посылаемаго для его умерщвленія:

«Попало Аникѣ во стрѣчу чудо чудное, диво дивное:
«У чуда тулово звѣриное,
«Ноги лошадиныя,
«Голова человѣчья и руки человѣчьи,
«Власы у чуда до пояса...,—

и, когда Аника заинтересовался этимъ невиданнымъ чудовищемъ, оно ему сказало:

«А я есть гордая смерть сотворенна,
«Отъ Христа по тебя смерть послана я:
«Хочу я тебя, Анику, умертвити,
«Во сырую землю положити» [2]).

Разставшись съ тѣломъ и перешедши въ другой міръ, душа человѣка, прежде чѣмъ начать новую жизнь, соотвѣтствующую ея земному прошлому, предварительно подвергается испытанію въ своей прежней жизни: была ли эта жизнь истинная, или нѣтъ, и соотвѣтственно этому проникнута ли душа истиннымъ началомъ жизни въ Богѣ, или чужда этому началу. Отсюда, отъ этого испытанія или суда Божія надъ каждою душою и самая смерть, открывающая для души этотъ судъ, называется также судомъ Божіимъ: Мономахъ писалъ Олегу Святославичу о смерти своего сына: «судъ отъ Бога ему пришелъ» [3]). Это испытаніе праведности или грѣшности души, называемое иначе мытарствами, представлялось Русскими людьми воздушною лѣстницею постепеннаго восхожденія къ Богу или удаленія отъ Него, на каждой ступени которой душа испытывается въ тѣхъ или другихъ порокахъ [4]), и если оказывается, что она въ нихъ неповинна, то она постепенно

---

[1]) Варенцовъ, стихъ „О двухъ Лазаряхъ", 68 и 69 стр. Ср. стихъ „Про Анику-воина", ibid., 127 стр.

[2]) Варенцовъ, стихъ „Объ Аникѣ-воинѣ", 111 и 112 стр.

[3]) „Повѣсть временныхъ лѣтъ", подъ 6604 (1096) г., 245 стр.

[4]) Варенцовъ, стихи „О душѣ грѣшной", 142—148 стр.

приближается къ Богу, а если обнаруживается ея порочность,—она постепенно отдаляется этимъ отъ Источника жизни и свѣта. Этотъ судъ надъ душею, или испытаніе ея праведности или грѣшности, въ присутствіи Господа Іисуса Христа производитъ Ангелы и бѣсы. Ангелы пересчитываютъ ея добрыя дѣла, а бѣсы—злыя [1]), и, смотря по тому, какихъ дѣлъ больше сотворила душа, ее послѣ каждаго испытанія все больше и больше берутъ подъ свое покровительство или Ангелы, или бѣсы [2]). Когда, наконецъ, душа пройдетъ эту лѣстницу испытаній, на которой такъ желаетъ задержать ее діаволъ указаніемъ ея злыхъ дѣлъ, (откуда и названіе его міродержцемъ и княземъ воздушнымъ [3]), она приводится поклониться Господу, и, по Его повелѣнію, Архангелъ Михаилъ показываетъ ей мѣста обитанія душъ добрыхъ—рай—и злыхъ—адъ. Души праведныхъ, у которыхъ нѣтъ ничего общаго съ этимъ послѣднимъ царствомъ мученій и смерти, царствомъ діавола, проходятъ его безпрепятственно, и оно для нихъ остается совершенно чуждымъ: черезъ это мѣсто мученій, представлявшееся Русскому народу въ видѣ рѣки, вѣчно пылающей неугасимымъ огнемъ, палящимъ, но не сжигающимъ души грѣшныхъ [4]), ихъ свободно и въ полной неприкосновенности перевозитъ въ своей лодьѣ Архангелъ Михаилъ. Послѣ этого осмотра мученій грѣшныхъ, спустя 40 дней послѣ разлученія съ тѣломъ, души праведныхъ уже водворяются въ раю, мѣстѣ своего вѣчнаго и блаженнаго обитанія, въ единеніи съ прочими праведными, Ангелами и Самимъ Богомъ. Души же грѣшныхъ, какъ носящія въ себѣ зародыши вѣчныхъ страданій и смерти, не могутъ перейти огненной рѣки и остаются здѣсь, въ этомъ царствѣ мученій, въ общеніи съ духами злобы и діаволомъ. Впрочемъ, мы предоставляемъ рѣчь по этимъ вопросамъ авторитетному голосу нѣкоторыхъ нашихъ памятниковъ: «испытаема суть

---

[1]) Ibid.

[2]) Обо всемъ этомъ см. „Молитву на исходъ души“ Св. Кирилла Туровскаго, въ „Твореніяхъ св. отца нашего Кирилла Епископа Туровскаго“, изд. Преосвященнаго Евгенія, еп. Минскаго и Туровскаго, Кіевъ, 1880 г., введеніе, С стр.; „Житіе преп. отца нашего Ѳеодосія“, LVII стр.; „Втораго посланіе... Поликарпа“, CLXII стр; „Чтеніе о житіи... Бориса и Глѣба“, 20 столб.“; Варенцовъ, стихи „О душѣ грѣшной“, 142—148 стр.

[3]) „Житіе преп. Ѳеодосія“, LVII стр.; Втораго посланіе... Поликарпа“, CLXII стр. и „Сказаніе о житіи Антонія римлянина“, 322 стр.

[4]) „Сказаніе о житіи преподобнаго Антонія римлянина“, 322 стр.

душа человѣкомъ по смерти, егдаже исходить отъ тѣла. Понеже поставилъ есть Богъ испѣтанія г҃ всякому человѣку. Первое испытаніе, егда хощетъ разлучитися душа отъ тѣлеси... И по семь (по смерти) веземши душю, понесуть (Ангелы) ю на воздухъ, къ второму испытанію, идѣже есть к҃ мытарствъ, Богомь поставлена на въздусѣхь предъ враты небесными, на испытаніе всякой души, исходящей же отъ тѣлеси, грядущей къ небеси. а҃ мытарство: оболганіе... в҃ мытарство: оклеветаніе... г҃ мытарство: зависть... д҃ мытарство: иже когда будемъ гнѣвь на кого долго имѣли. є҃ мытарство: ярость съ гнѣвомъ... ѕ҃ мытарьство: гордость... з҃ мытарьство: буе слово, срамословіе, бестудная словеса и плясаніе, еже въ пиру, и на свадьбахъ, и въ на вечерницахъ, и на игрищахъ, и на улицахъ. и҃ мытарьство: рѣзоиманіе и грабленіе, насилное мздоиманіе. ѳ҃ мытарьство: иже тщеславіе когда сътворихомъ, хвалы ради и славы человѣческыя. мытарьство: златолюбіе и сребролюбіе. аі҃ мытарьство: пьяньство и запойство... ві҃ мытарьство: злопоминаніе... гі҃ мытарьство: чародѣйство и волхованіе наузы. ді҃ мытарьство: обьяденіе, и ранное яденіе и питіе... єі҃ мытарьство: всяка ересь, и вѣруютъ въ стрѣчю, вь чехъ, въ полазъ и въ птичьи грай, ворожю. и еже басни бають и въ гусли гудуть; и еже уніи блудь творять. ѕі҃ мытарьство: прелюбодѣяніе... зі҃ мытарьство: убойство, и всякоя раны, или бьенія и рванія за власы до крове. иі҃ мытарьство. тадба и всякое крадеціе. ѳі҃ мытарьство: всякъ блудь, еже со скотомъ и съ блудницами, иже ручный блудь. к҃ мытарьство: скупость, немилосердіе. Сдѣ бо обличають бѣси душу, аще будемь коли брату досадили, или нищему, или изгнали изъ дому своего, или грозилися на кого .. о всѣхъ сихъ испытаема будетъ душа, истязаема отъ въздушныхъ бѣсовъ. Да аще имать душа добрая дѣла, истинное покаяніе, о томъ испытающе вся си, преходитъ; и потомь въсходить въ врата небеснаа, радующеся, яко избывши лукавыхъ въздушныхъ бѣсовъ. И потомъ устрѣтають друзіи Ангели, посылаеми по душа инѣхъ человѣкъ, веселящеся, радуются о ней, яко избѣже лукавьныхъ бѣсовъ, и цѣлують обьимающе. Потомь принесена быша къ престолу Бога Вседержителя, и поклонится подножію Господа; и потомъ предасть ю Михаилу, завѣща: иди, душю сію веди, и покажи ей обители святыхъ и небесныя полаты райскія, душа праведныхъ сущая въ раи, и душа грѣшьныхъ сущая въ адѣ, и вся муки различныя, въ безднѣ сущая на муку грѣшныхъ, въ нихже имуть быти мучима въ день великый суда.

И носима бываеть преже поподнебесіи... и потомь сведеть ю въ пропасть, идѣже затворены суть душа грѣшныхъ отъ вѣка, показываеть ей мѣста, идѣже имь мучитися, понеже мука далече міра есть на западѣ. Си же вся мѣста обходить душа праведнаго за $\widetilde{\lambda}$ дни, и потомъ внесома будетъ въ рай, мѣсто покойно до послѣдняго въскрешенія» [1]). О посмертной судьбѣ души грѣшной Русскій народъ поетъ:

«Горе человѣку умрети не покаявшуся!
«Пріидетъ смерть безъ милости
«И возмутъ душу изъ тѣла ангели немилостивіи,
«И пронесутъ мытарства лютая многая,
«И потомъ покажутъ муки лютыя,
«И потомъ покажутъ царство небесное,
«А праведнымъ радость и веселіе неизреченное,
«А грѣшнымъ плачь и рыданіе неутѣшимое,
«И, показавъ муки, посадятъ въ мѣста темная
«До страшнаго суда и до втораго Христова пришествія» [2]).

Хожденіе душъ по мѣстамъ мученій послѣ мытарствъ и посѣщенія рая и оставленіе въ нихъ грѣшныхъ онъ картинно описалъ въ стихахъ о Михаилѣ Архангелѣ:

«У Христа есть во плоти свѣтъ Илья пророкъ,

. . . .

«Указалъ онъ многимъ грѣшнымъ муку и рай,
«Всякому человѣку мѣсто изготовлено,
«Тѣмъ ворамъ и разбойникамъ,
«Блудникамъ и бражникамъ,
«Еретникамъ, клеветникамъ, ненавистникамъ.
«Течетъ имъ рѣка огненная
«Отъ востоку солнца до запада,
«Пламя пышетъ отъ земли до небеси [3]);
«Какъ по той-тамъ рѣки, рѣки огненныя,
«Да тутъ ѣздитъ Михайло Арханьделъ царь;

---

1) Слово преп. Авраамія Смоленскаго, 93—97 стр.

2) Варенцовъ, „Стихъ Богородицѣ“, 153—154 стр., тоже у Кирѣевскаго, „Стихъ о второмъ пришествіи“, 204 стр., Ср. „Слово“ преп. Авраамія, 98—99 стр.

3) Варенцовъ, Стихъ „О Михаилѣ Архангелѣ“, 138 стр.

«Перевозитъ онъ души, души праведныя,
«Черезъ огненну рѣку ко пресвѣтлому раю,
«Ко пресвѣтлому раю да ко пресолнысьнему,
«Да къ Овраму, къ Исаку, къ Іякову въ рай,
«Къ самому Христу, Царю Небесному [1]).
«Праведные идутъ чрезъ огненную рѣку,
«Идутъ они ровно по-суху и ровно по-землѣ,
«Огнемъ ихъ, пламенемъ лице не пожираетъ,
«Поютъ они пѣсню херувимскую,
«Еще поютъ серафимскую;
«Гласы гласятъ все по-ангельскому,
«Свѣтъ несутъ по божественному,
«Хвалятъ Христа-Царя Бога Небеснаго,
«Надѣются на Спаса на пречистаго,
«На Мать Божію, Богородицу,
«Хвалу несутъ дѣти отцу-матери.

. . . .

«Грѣшные рабы беззаконные
«Оставались за рѣкой за огненною,
«Вопіяли во многіе разные голосы:
«Свѣтъ нашъ Михаилъ Архангелъ,
«Грозныхъ силъ воевода!
«Переведи насъ черезъ огненну рѣку,
«Возьми ты отъ насъ злата-серебра,
«Мелкаго скатнаго жемчугу;
«Пускай насъ во царство, во небесный рай».
«Речетъ имъ Михаилъ Архангелъ,
«Грозныхъ силъ воевода:
«Вы гой еси многогрѣшные, рабы беззаконные,
«Здѣсь судья вамъ не подсудливая,
«Здѣсь судья вамъ съ Богомъ праведная.
«Судъ судимъ мы по-праведному
«Дѣлаемъ повелѣнное;
«Не беремъ ни злата, ни серебра,
«Ни скатнаго мелкаго жемчугу,
«А беремъ только души праведныя,
«Отдаемъ во царство небесное

[1]) Ibid. стихъ „Про Михайла Арханьдела", 148 стр.

«Къ святому Абрамію—отцу праведному.

. . . .

«Пошли грѣшные въ огненну рѣку,
«Они плачучи и возрыдаючи,
«Въ тоскахъ тѣлеса свои обрываючи,
«Къ сырой землѣ припадаючи,
«Клянутъ-бранятъ дѣти отца съ матерью [1]).

Водворившись въ мѣстахъ рая, или ада, соотвѣтственно своему нравственному состоянію, души начинаютъ свою новую жизнь, безтѣлесную. Для праведныхъ она полна радостей общенія съ міромъ добра и единенія съ самимъ Богомъ [2]), полна любви, выражаемой ими въ молитвенной помощи оставшимся на землѣ братіямъ во Христѣ [3]) и ниспосланіи имъ отъ Бога благодатныхъ даровъ всесильной любви Божіей, утверждающей въ истинной жизни и побораюшей зло и всѣ тяжелыя проявленія его въ жизни [4]): «И тако скончася блаженный Борисъ, вѣнець приимъ отъ Христа Бога съ праведными, причетъся съ пророкы и апостолы, с ликы мученичьскыми водворяяся, Авраму на лонѣ почивая, видя неиздреченьную радость, въспѣвая съ ангелы и веселяся с лики святыхъ... поваръ же Глѣбовъ... зарѣза Глѣба. Акы агня непорочно принесеся на жертву Богу, в воню благоуханья, жертва словесная, и прия вѣнець, вшедъ въ небесныя обители, и узрѣ желаемаго брата своего, и радовашеся с нимь неиздреченьною радостью,... и положиша и у брата своего Бориса у церкве святаго Василья. И съвкуплена тѣлома, паче же душама, у Вѣладыкы Всецесаря пребывающа в радости бесконечнѣй, во свѣтѣ неиздреченьнѣмь, подающа целебныя дары Русьстѣй земли, и инѣмъ приходящимъ страннымъ с вѣрою

---

[1]) Варенцовъ, Стихъ „О Михаилѣ Архангелѣ“, 138—140 стр.

[2]) „Слово нѣкоего отца к сыну своему“, 134 стр.; „О законѣ Моисеомъ даннѣмъ“, 248 стр.; Суздальская лѣтопись подъ 6683 (1175) г., 352 стр.; „Молитва Св. Θеодосія“, 224 стр.

[3]) „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, подъ 6477 (969) г., 67 стр.; Ibid. подъ подъ 6582 (1074) г., 183 и 192 стр.; Суздальская лѣтопись подъ 6679 (1171) г., 345 стр.; „О законѣ Моисеомъ даннѣмъ“, 248—249 стр.; „Житіе преп. Θеодосіа“, II стр.; Стихира Свв. Борису и Глѣбу въ Истор. Христоматіи Буслаева, 56 стр.; „Обрѣтенье (честнаго тѣлесе) святаго святителя Леонтея епископа ростовскаго чюдотворца“, въ „Православномъ Собесѣдникѣ“, 1858 г., 1 ч., 317 стр. и др.

[4]) Стихира Свв. Борису и Глѣбу, столб. и др.

даета ицѣленье: хромымъ ходити, слѣпымъ прозрѣнье, болящимъ цѣлбы, окованымъ разрѣшенье, темницамъ отверзенье, печалнымъ утѣху, напастнымъ избавленье, и еста заступника Русьстѣй земли, и свѣтилника сияюща и молящася воину къ Владыцѣ о своихъ людехъ... Радуйтася, брата, вкупѣ въ мѣстѣхъ златозарныхъ, в селѣхъ небесныхъ, в славѣ не увядающей, ея же по достоянью сподобистася. Радуйтася, Божьими свѣтлостьми явѣ облистаема, всего мира обиходита, бѣсы отгоняща, недугы ицѣляюща, свѣтилника предобрая, заступника теплая, суща съ Богомь, божественами лучами ражизаема воину, добляя страстьника, душа просвѣщающа вѣрнымъ людемъ, възвысила бо есть ваю свѣтоносная любы небесная, тѣмь красныхъ всѣхъ наслѣдоваста въ небеснѣмь житьи, славу, и райскую пищю, и свѣтъ разумный, красныя радости [1])...

Для душъ грѣшныхъ начинаются мучительныя страданія въ аду вмѣстѣ съ діаволомъ [2]), страданія отчужденности отъ Источника жизни, полной невозможности жизни любви и невыносимой скорби о своемъ безумномъ прошломъ:

«Воздымали (Ангелы) его (богатаго Лазаря) душеньку ветьма высоко,
«Обряшили его душеньку во тьму глубоко,
«Во тьму глубоко, во плящій огонь.
«Узрилъ же богачъ Лазарь изъ муки въ рай,
«Да узрилъ же богачъ Лазарь Обрамія въ раю,
«Опослѣ Обрамія—брата своего.
«Ой, милый братецъ, убогій Лазарь.
«Есть у тебя, братецъ, правая рука,
«На правой на ручонькѣ есть мизинный перстъ,
«Обмокни-ко-сь, родимый, холодной водой,
«Закропи-ко-ть, родимый, мой палящій огонь!
«Кабы мнѣ, родимый мой, всему не сгорѣть»!
«Отвѣтъ ему держитъ убогій Лазарь:
. . . .
«Ой, милый братецъ мой, богатый Лазарь!

---

[1]) „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, подъ 6523 (1015) г., 131—132, 133, 134, 135 стр. и дал. Ср. „Сказание страстотерьпцю святую мученику Бориса и Глѣба“, 58—90 столб.

[2]) „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, подъ 6604 (1096) г., 225 стр.

«Что же ты, родимый, на томъ свѣту не поилъ, не кормилъ,
«У темной ноченьки не прикрывалъ,
«Съ укропною свѣчою ты меня не провожалъ?»
«Отвѣтъ ему держитъ богатый Лазарь:
«Ой милый братецъ мой, убогій Лазарь!
«Чтожъ ты мнѣ, родимый, прежде не сказалъ?
«Поилъ бы я, родимый мой, поилъ бы и кормилъ,
«У темной ноченьки я бы укрывалъ,
«Съ укропной свѣчею я бы провожалъ».
«Отвѣтъ ему держитъ Обрамей изъ раю:
«Вспокаялся братъ, Лазарь, да не во время!
«Подернуло адъ кромѣшный травой-муравой» [1]).
«Вопіяли грѣшные
Во многіе разные голосы:
«Свѣтъ нашъ Михаилъ Архангелъ,
«Грозныхъ силъ воевода!
«Зачѣмъ мы на томъ свѣту родилися?
«Зачѣмъ съ-измалешенка мы не померли?
«На роду насъ родная мать зачѣмъ не растоптала?
«На бѣлый бы свѣтъ насъ не пускали,
«Не слыхать бы намъ грѣшнымъ слова грознаго,
«Не терпѣть бы муки превѣчная».
«Речетъ имъ Михаилъ Архангелъ,
«Грозныхъ силъ воевода:
«Вы гой еси многогрѣшные рабы, беззаконные!
«Топерь, рабы, вы росплакалися,
«Топерь, рабы, вы воспокаялися.
«Некогда вамъ, грѣшнымъ, душа спасти;
«Некогда вамъ, грѣшнымъ, во рай войти» [2]).

Единственная надежда душъ грѣшныхъ остается только на оставшихся въ живыхъ братій: только послѣдніе своею любовію, своею молитвою могутъ ослабить тяжесть ихъ страданій, только по ихъ молитвѣ Господь освобождаетъ грѣшную душу изъ ада:

«Стала она (дочь) Господа Бога просити:
«Господи, Господи! Не можно ли, Господи!

---

1) Варенцовъ, Стихъ „О двухъ Лазаряхъ“, 69—71 стр.
2) Ibid. стихъ „О Михаилѣ Архангелѣ“, 140—141 стр.

«Мою мати ату избавити?»
«Все я это, дѣвица, могу сдѣлати,
«Твою мать изъ ада выпускати,
«Для твоего моленія, для твоего прошенія»;

. . . .

«Душу ее (матери) выпускали, пользу душѣ дѣлали! [1])» Очевидно, состояніе душъ праведныхъ и грѣшныхъ, которое наступаетъ для нихъ послѣ смерти и мытарствъ, далеко не то полное блаженство въ совершенномъ Царствѣ добра, которому безусловно чуждо всякое зло, и далеко не то мрачное царство зла, для котораго безусловно закрыто всякое добро. Между блаженствомъ и мученіемъ душъ по смерти существуетъ всетаки, хотя и самое отдаленное, общеніе: праведные души посѣщаютъ адъ, а грѣшныя—рай, и тѣ и другія вступаютъ въ нѣкоторыя сношенія между собою, и для послѣднихъ есть еще надежда оставить свое мѣсто и перейти къ праведнымъ. . Очевидно, посмертное состояніе душъ—еще не совершенное блаженство и не окончательныя мученія. И Русскій народъ понималъ это несовершенство и временность блаженства праведныхъ и мученія грѣшныхъ душъ: «грѣшници бо въ адѣ суть, ждуще муки вѣчныя, а праведниці въ небеснѣмь жилищѣ водворяются со ангелы» [2]); «си же вся мѣста обходить душа праведнаго за М дни, и потомъ внесома будетъ въ рай, мѣсто покойно до послѣдняго въскрешенія» [3]). Эту неполноту онъ объяснилъ неполнотою самого существа человѣка: человѣкъ призванъ къ жизни и по душѣ и по тѣлу, но послѣ смерти живетъ одна только душа,—отсюда и неполнота жизни посмертной, какъ жизни одной только души. Поэтому, говорилъ Св. Кириллъ Туровскій, «до втораго пришествія Христова нѣсть суда, ни мученіа всякой души человѣчи, вѣрнаго же и невѣрнаго» [4]), разумѣя окончательный судъ и безусловныя мученія.

Но Русскій народъ вѣрилъ, что наступитъ время, когда къ жизни и тѣло умершаго человѣка, оставшееся въ землѣ и неуничтожившееся окончательно, но только уснувшее на время [5]), соединится съ душою

---

1) Кирѣевскій, „Стихъ о грѣшной рабѣ и объея праведной дочери“, 212 стр.
2) „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, подъ 6579 (1071) г., 175 стр.
3) См. выше.
4) „Притча о человѣчьстѣй души и о тѣлеси“, 150 стр.
5) „О законѣ Моисеомъ даннѣмъ“, 247 стр.

своею, и тогда для каждаго полнаго человѣка наступитъ или совершенное блаженство, или безусловныя мученія. Все это будетъ послѣ втораго пришествія Сына Божія—и кончины міра.

Событія послѣднихъ дней жизни міра, за которыми послѣдуетъ вѣчная и полная жизнь праведныхъ и грѣшныхъ, въ сознаніи Русскихъ людей домонгольскаго времени развертывались въ величественную картину, полную искренней вѣры и глубокаго религіознаго созерцанія.

Когда приблизится конецъ этого видимаго міра, на землѣ появится діаволъ во образѣ антихриста со множествомъ подчиненныхъ себѣ слугъ — темныхъ бѣсовъ [1]) За три года своего пребыванія среди людей, онъ посѣетъ въ нихъ столько зла, что общество людей превратится въ его царство, и онъ станетъ во главѣ міра, и пойдутъ по землѣ беззаконія великія, и повсюду умножится вѣра, и ослабѣетъ теченіе истинной жизни [2]). Тогда сойдутъ на землю пророки Божіи и обличатъ неправды антихриста. Но сила зла будетъ такъ велика на землѣ, что заглушитъ собою проповѣдниковъ истины и добра, — и антихристъ «исколетъ» пророковъ. Но эта дерзкая побѣда зла надъ добромъ будетъ уже послѣднимъ усиліемъ и проявленіемъ жизни зла въ мірѣ: на землѣ прекратится добро, какъ источникъ истинной жизни, и міръ, оставшись во злѣ, безъ жизни, уничтожится, и зло въ мірѣ погибнетъ на вѣки: пролитая невинная кровь пророковъ пожжетъ собою всю землю. И на сгорѣвшую землю Господь пошлетъ потопъ, и вода обмоетъ ее; и станетъ земля свѣтлою, чистою, непорочною, безъ малѣйшей тѣни какого-либо зла, съ вѣчною весною жизни [3]). Тогда раздастся надъ нею грозный звукъ трубы Архангела, призывающій къ жизни все земное [4]). И тогда возстанутъ всѣ живые и мертвые, обновленные послѣднимъ огнемъ, и по тѣлу ставшіе неумирающими, вѣчно живыми. Тогда устрашатся всѣ силы небесныя, и съ небесъ сойдетъ Матерь Божія, а за Нею придетъ на землю во славѣ и Самъ Сынъ Божій со всѣмъ воинствомъ Ангеловъ [5]). Онъ свяжетъ Своею силою

[1]) „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, подъ 6579 (1071) г., 182 стр.

[2]) „Житіе преподобнаго отца нашего Феодосія“, II стр.

[3]) Слово Авраамія Смоленскаго, 101 стр.

[4]) „О законѣ Моисеомъ данѣмъ“, 246 стр. и Изложеніе вѣры его же, 254 стр.

[5]) Уставъ св. в. кн. Владиміра, 2 стр.; „Слово нѣкоего отца“, 138 стр.

антихриста и заключитъ его въ бездну вмѣстѣ со всѣми слугами его [1]). Посреди земли поставится престолъ Его, и Онъ сядетъ на немъ и начнетъ послѣдній судъ надъ всѣми людьми [2]). Здѣсь предъ Божественнымъ Судіею, въ присутствіи всей вселенной, окружающей престолъ Его, откроются всѣ дѣла каждаго человѣка [3]), и Сынъ Божій окончательно опредѣлитъ вѣчную участь его [4]). Тогда прекратится возможность всякаго общенія праведныхъ и грѣшныхъ, потому что будутъ тогда только добрые и злые, совершенно чуждые другъ другу, и уже для того, чтобы измѣнить участь послѣднихъ (злыхъ), нужно бы было снова Сыну Божію пострадать за нихъ. И тогда наступитъ вѣчная и совершенная, блаженная жизнь праведныхъ въ полномъ единеніи съ Богомъ, и безусловная отчужденность отъ жизни грѣшныхъ и ихъ вѣчныя мученія и смерть вмѣстѣ съ діаволомъ [5]), мученія, соотвѣтствующія тому или другому направленію ихъ земной порочности.—Но обо всемъ этомъ пусть скажутъ самые духовные стихи Русскаго народа, стихи глубоко прочувствованные и въ высшей степени краснорѣчивые, полные искренней вѣры и самаго глубокаго содержанія:

«А въ послѣднее время будетъ антихристово пришествіе,
«И съ нимъ будутъ злые его мучители,
«Ангели, бѣси темные,
«А будетъ его царства на три годы,
«И велитъ сотона антихристъ сотворити по волѣ своей.
«Тогда наполнится земля беззаконія всякаго,
«И снидутъ пророци Божіи,
«И учнутъ христіаномъ глаголати,
«Чтобъ не вѣровали антихристову ученію,
«И обличати его злое ученіе и ухищреніе,
«И познаютъ вси, яко антихристъ сынъ пагубный,
«И тогда приступятъ бѣси темные

Изложеніе вѣры Св. Иларіона, 254 стр.; Молитва Св. Ѳеодосія, написанная по просьбѣ Симона варяга, 224 стр.; Сказаніе о житіи преп. Антонія римлянина, 322 стр.

[1]) „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, подъ 6579 (1071) г., 172 стр.

[2]) См. четвертое предшествующее примѣчаніе.

[3]) Ibid. и „Поученіе Св. Ѳеодосія о тръпѣніи и о смиреніи“, 211 стр., и „Въ среду 3 недѣли поста святаго феодора... поученіе“, 102 листъ.

[4]) Ibid.

[5]) Ibid.

«И побіютъ пророковъ Божіихъ,
«И послѣ убіенія пророческаго
«Повелѣніе Божіе — загорится вся земля,
«И выгоритъ въ глубину на шестьдесятъ локтей
«За наше великое беззаконіе» [1]).
«Сошлетъ Господи пророчество:
«Илью пророка и Онофрія;
«И станунъ святые пророчити.
«И сойдетъ на землю бездушный Богъ,
«Бездушный Богъ Антихристосъ;
«Онъ исколетъ святое пророчество.
«Отъ той-то отъ святой-то крови
«Загорится матушка сыра земля:
«Со восхода загорится до запада,
«Съ полуденъ загорится да до ночи;
«И выгорятъ горы со раздольями,
«И выгорятъ лѣсы темные,
«И сошлетъ Господи потопіе
«И на три дни на три мѣсяца;
«И вымоетъ матушку сыру землю
«Аки харатью бѣлую,
«Аки скорлупу яичную,
«Аки дѣвицу непорочную,
«Аки вдовицу благочестивую.
«И сойдетъ Михаилъ Архангелъ, батюшко,
«И утвердитъ престолъ среди земли;
«Вострубитъ въ трубаньку золоту:
«Воставайте вы, живые и мертвые!
«Стары и малы будьте въ тридесять лѣтъ!» [2])
«Тогда Ангелы-Архангелы всѣ устрашатся;
«Херувимы и Серафимы всѣ подвигнутся,
«Небесная сила восколыбнется.
«Со небесъ сойдетъ Мати Всепѣтая,

---

[1]) Варенцовъ, „Стихъ Богородицѣ“, 154 стр.
[2]) Кирѣевскій, „Стихъ о страшномъ судѣ“, 202 стр.

«Госпожа Владычица Богородица
«Со своею силой со небесною,
«Со Ангеламъ, со Архангеламъ,
«Со всѣми съ Херувимами.
«Среди земли престолъ Божій поставится,
«На престолъ сойдетъ самъ Исусъ Христосъ,
«Самъ Исусъ Христосъ, Небесный Царь, Судья праведный.
«Онъ будетъ насъ судить живыхъ и мертвыихъ.

. . . .

«И росплачутся многи грѣшные со почну страну,
«Госпожѣ Владычицѣ Богородицѣ.

. . . .

«Притечетъ Мати Всепѣтая,
«Ко престолу ко Божьему;
«Проглаголетъ Мати Всепѣтая,
«Госпожа Владычица и Богородица:
«Іисусъ Христосъ пресладкій сынъ,
«На престолѣ Судья праведный!
«Моги ради меня грѣшныхъ рабовъ помиловать
«Отъ злыя муки вѣчныя,
«Отъ огня-пламя неугасимаго,
«Отъ пропасти неисповѣдимыя.
«Да все ради меня,
«Госпожи Владычицы и Богородицы».
«Проглаголетъ Господи ко Матери
«Со престолу со Божьяго:
«Ой ты, Мати моя Всепѣтая,
«Госпожа, Владычица и Богородица!
«Могу ради тебя грѣшныхъ рабовъ помиловать
«Отъ злыя муки вѣчныя,
«Отъ огня пламя неугасимаго,
«Отъ пропасти неисповѣдимыя
«Да все ради тебя,
«Госпожи Владычицы и Богородицы;
«Да можешь ли, Мати, меня видѣти
«Во-вторые на Христовѣ на распятіи?»
«И росплачится Мати Всепѣтая
«Надъ многими надъ грѣшными.

«Проглаголетъ Мати Всепѣтая:

. . . .

«Не могу я тебя вeдѣти

«Во-вторые на Христовѣ на распятія;

. . . .

«Не жаль мнѣ таковаго народа многогрѣшнаго,

«А жаль мнѣ своего сына родимаго,

«Христа Царя Богонебеснаго».

. . . .

«Со небесъ сойдутъ на землю святы Ангелы,

. . . .

«Погонятъ грѣшныхъ рабовъ въ рѣку огненну.

«Они свяжутся своими грѣхами тяжкими.

«Еретникъ со еретницею (по-нашему колдунъ),

«Клеветникъ съ клеветницею,

«Ненавистникъ съ ненавистницей,

«Блудникъ со блудницею,

«Пьяница со пьяницею.

«Понесетъ грѣшныхъ рабовъ рѣка огненная

«На муки разныя, на муки разноличныя!

«Кому Господь создалъ по дѣламъ душамъ мученіе,

«По грѣхамъ розличеніе» [1]).

«Инымъ будетъ грѣшнымъ

Судьямъ, властямъ не милосливымъ—

имъ мѣсто и адовое, и пропасть глубокая:

то мука имъ вѣчная, житье вѣковѣчное.

Инымъ будетъ грѣшнымъ, прелюбодѣямъ, дружникамъ—

имъ рѣка огляная, пламя неугасимое:

. . . .

Инымъ будетъ грѣшнымъ женамъ и блудницамъ,

младенцовъ губительницамъ—

змѣи поѣдающія, сердце высосающія:

. . . .

Инымъ будетъ грѣшнымъ барышникамъ и ростовчикамъ—

черви усыпляющіе, пилы имъ терзающія, кости разрубляющія:

. . . .

---

1) Варенцовъ, Стихъ „О страшномъ судѣ“, 162—163, 165—168 стр.

Инымъ будетъ грѣшнымъ скверпословцамъ, пьяницамъ—
котлы имъ горящіе, смола зла кипущая:
то имъ мука вѣчная, житье вѣковѣчное» [1].
«Тогда сядетъ самъ Іисусъ Христосъ
«На престолѣ, Судья праведный,
«Задернетъ грѣшныхъ рабовъ
«Святымъ Духомъ Господнимъ,
«Землей, травой и муравой,
«Чтобы отъ грѣшныхъ отъ рабовъ не слышати
«Госпожѣ Владычицѣ и Богородицѣ
«Не писку, не визку, не вздраду
«И не зубнаго скрыданія,
«И не слезнаго рыданія
«Госпожи Владычицы и Богородицы» [2].

«Примутъ праведніи жизнь вѣчную, жизнь нестарѣющуюся, жизнь, ей же конца нѣсть, грѣшнымъ муку вѣчную, и огнь неугасимый, и тьму не свѣтимую, ея же чадо мое потщися убѣжати, и съ праведными вѣнчанъ быти сыми ликовствовати въ свѣтѣ незаходимомъ, въ радости вѣчнѣй и въ безконечныя вѣки» [3].

На этомъ мы и закончимъ нашу рѣчь о взглядахъ Русскихъ людей домонгольскаго времени по различнымъ вопросамъ вѣры Христовой.

---

1) Ibid., стихъ „О страшномъ судѣ", 173 стр.
2) Ibid. стихъ „О страшномъ судѣ", стр. 168.
3) „Слово нѣкоего отца к сыну своему", 138 стр.

III.

„Добра хочю братьа“ и Русьскѣй земли.

(Владиміръ Мономахъ).

Взгляды русскихъ людей домонгольскаго времени по различнымъ вопросамъ нравственно-христіанской жизни мы будемъ излагать только по письменнымъ памятникамъ домонгольской литературы, и то исключая памятниковъ лѣтописныхъ. Къ такому сокращенному изложенію (собственно, матеріаловъ для данной работы) заставляетъ насъ прибѣгнуть то, что существенное рѣшеніе вопросовъ жизни христіанина мы найдемъ и въ обозрѣваемыхъ нами памятникахъ.

Въ видахъ цѣльности и систематичности изложенія интересующихъ насъ взглядовъ русскихъ людей, мы дальнѣйшую нашу работу раздѣлимъ на три отдѣла. Въ первомъ мы представимъ тѣ нравственныя обязанности, какія выводили книжные люди разсматриваемаго времени изъ православнаго понятія о Богѣ, и которыя касаются ближе всего и главнымъ образомъ собственной личности каждаго человѣка,— условно назовемъ ихъ частными обязанностями человѣка; затѣмъ во второмъ представимъ трактатъ ихъ о взаимномъ отношеніи людей, раздѣливъ его на три отдѣла, изъ которыхъ въ первомъ приведемъ ихъ сужденія объ отношеніяхъ пастырей Церкви къ пасомымъ, во второмъ—власти къ подданнымъ, а въ третьемъ—объ общихъ обязанностяхъ въ отношеніи къ ближнимъ; въ заключитель-

номъ третьемъ (большомъ) отдѣлѣ приведемъ нѣкоторыя ихъ идеи о монашествѣ и монашеской жизни.

I.

Частныя обязанности человѣка.

Изъ понятія о Богѣ, истинной основѣ и цѣли жизни человѣка, самъ собою являлся вопросъ: въ чемъ же должна обнаруживаться истинная жизнь человѣка, жизнь Богомъ и въ Богѣ? Въ чемъ должна обнаруживаться его (человѣка) вѣра? Что онъ долженъ дѣлать для того, чтобы и на землѣ «богоугодно пожить» и потомъ за гробомъ вѣчно блаженствовать? Въ отвѣтъ на эти вопросы мы и встрѣчаемъ прежде всего ученіе разсматриваемыхъ нами памятниковъ о страхѣ Божіемъ и благоговѣніи ко всему священному, о смиреніи и молитвѣ, о покаяніи и постѣ.

«Бога ся боите, говорилъ еп. Лука,... раби (суще) первое Бога»...[1]) «Первое, училъ своихъ дѣтей Мономахъ, Бога дѣля и душа своея страхъ имѣйте Божии въ сердци своемъ, то бо есть начатокъ всякому добру. Се же вы конецъ всему страхъ Божии имѣйте выше всего...»[2]) Вотъ то первое чувство, которое долженъ воспитать въ себѣ христіанинъ, какъ источникъ всякаго добраго дѣла. Человѣкъ долженъ всегда носить въ своемъ сердцѣ памятованіе о Богѣ, долженъ постоянно имѣть Его какъ бы предъ глазами своими и это постоянное памятованіе всемогущаго Бога, соединенное съ боязнью и нежеланіемъ оскорбить Его величіе своими грѣхами, есть несомнѣнное побужденіе для него (человѣка) къ добродѣтельной жизни. «Тамо умъ вперимъ сдѣ поживше богомудренно, говорилъ св. Иларіонъ, присно имуще Бога предъ очима своима»[3]). «Тѣмже и мы не лѣнимся (на богоугодныя дѣла), взывалъ къ своимъ слушателямъ св. Кириллъ, еп. Туровскій, такого милостива имуще Владыку[4]).» «Тако Бога поминая блаженъ будеши, писалъ митр. Никифоръ, храняи судбу и творя правду въ всякое время... Яко свѣтило въ мирѣ, животное слово имѣя, и дѣла твоя:.., еже выноу възирати къ церкви царствующимъ и Князю княземъ, и предъ очима имѣти его...»[5])

1) „Поученіе...“ 10 стр.

2) „Поученье“, 232 и 238 стр.

3) „Поученіе св. Иларіона о пользѣ душевнѣй“, 295—296 стр.

4) „Поученіе на Пятикостіи,“ 87 стр.

5) „Посланіе“ 74 стр.

Изъ страха предъ величіемъ Божіимъ человѣкъ долженъ съ благоговѣніемъ относиться къ самому имени Божію и никогда не произносить его въ своей рѣчи. Если же ему и придется когда нибудь въ подтвержденіе своихъ словъ призвать въ свидѣтели Бога и поцѣловать крестъ, то это онъ долженъ сдѣлать только при полномъ убѣжденіи въ справедливости своихъ словъ, или же—въ несомнѣнномъ исполненіи обѣщаній, и уже никогда не измѣнять клятвѣ. «Не клените ся Божіимъ именемъ,» [1]) говорилъ еп. Лука. Такое наставленіе давалъ своимъ дѣтямъ и Мономахъ: «Рѣчь молвяче, и лихо и добро, не клените ся Богомъ, ни хреститеся, нѣту бо ти нужа никоеяже, аще ли вы будете крестъ цѣловати к братьи, или къ кому, али управивъше сердце свое, на немже можете устояти, тоже цѣлуйте, и цѣловавше блюдѣте, да не, приступни, погубите душѣ своеѣ» [2]). Прекрасный образецъ такого отношенія къ клятвѣ онъ представилъ изъ своей жизни: «и рѣхъ (на предложеніе братьевъ отнять волость у Ростиславича): «аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити, ни креста переступити.» [3]).

Съ одинаковымъ благоговѣніемъ человѣкъ долженъ относиться и ко всему тому, что посвящено Богу, и что служитъ средствомъ для нашего общенія съ Нимъ, а именно: къ церкви или храму, къ служителямъ церкви и къ праздникамъ.

Къ храму человѣкъ долженъ относиться какъ къ мѣсту особаго присутствія Божія и стоять въ немъ съ такимъ же благоговѣйнымъ страхомъ, какъ передъ лицемъ Самаго Бога. «Въ церкви предстоите со страхомъ Божиемъ, говорилъ еп. Лука; не молви рѣчи, но ни мысли; но моли Бога всею мыслью, да отдасть ти Богъ грѣхи» [4]) «Съ чистою совѣстью придемъ въ Божію церковь, проповѣдывалъ св. еп. Туровскій Кириллъ, и страхомъ въ ней стояще, просимъ отъ него отпуста грѣховъ и вѣчныя жизни...» [5]) Еще яснѣе училъ объ этомъ неизвѣстный «отецъ»: «Церковь же разумѣй небо суще, олтарь же престолъ Вышняго... Тѣмже въ церкви яко на небеси со страхомъ стой, и яко предъ очима Самого исходя.» [6])

Съ искреннимъ почтеніемъ должно относиться и къ служителямъ

---

1) „Поучение...“ 9 стр.
2) „Поученье“, 237 стр.
3) ibid 233 стр.
4) „Поучение...“ 8 стр.
5) „Поученіе на Пятникостіи“, 87 стр.
6) „Слово нѣкоего отца к сыну своему,“ 136 стр.

церкви. Они служатъ посредниками въ молитвахъ нашихъ къ Богу, а потому мы должны съ любовію принимать отъ нихъ благословеніе, какъ благословеніе именемъ Божіимъ, и по возможности снабжать ихъ всѣмъ необходимымъ. «Чтите отъ всего сердца iерея Божиа, чтите и слоугы церковныя,» [1]) училъ своихъ слушателей еп. Лука. Мономахъ писалъ своимъ дѣтямъ: «Епископы, и попы и игумены; съ любовью взимайте отъ нихъ благословенье, и не устраняйтеся отъ нихъ, и по силѣ любите и набдите, да приимите отъ нихъ молитву отъ Бога.» [2]) Митр. Кириллъ I давалъ такія наставленія по этому поводу: «чтите попы и дьяконы яко служителя Божыя [3])..: Попы же бѣлци честите достойно и дьяконы акы слуги Божия: ти бо за вы молитвы творятъ къ Богу по вся дни. Аще ли поимете черьнца в свой домъ или иного причетника и хощете ихъ честити, то боле трею чашь не нудите его, но дайте ему волю, да же ся и самъ папьетъ да самъ за то и отвѣщаетъ. А вамъ не надобѣ грѣхъ его,... не лзѣ слугъ Божіихъ до сорома упоити, но с поклономъ отпустити и благословенпе вземше отъ него» [4]). «.. разумѣй .. служителя же ангелы Божія» [5]). Съ такимъ же почтеніемъ совѣтывалъ митр. Кириллъ I относиться и къ монастырямъ и монахамъ, какъ это отчасти мы и видѣли сейчасъ: «Монастыри же чада любите, то бо суть сынове святыхъ... И къ нимъ (инокамъ) припадати, и к тѣмъ святымъ мѣстомъ приходити, и отъ тѣхъ благословения просите, и тѣхъ в домы своя вводите благословения дѣля» [6])... «И аще что имѣеши въ дому своемъ, донеси (монастырямъ) имъ потребная, все бо то въ руцѣ Божии влагаеши, и въздавія не лишенъ будеши.» [7]) Неизвѣстный «отецъ» даже опредѣлялъ количество вспомоществованія духовенству и церквамъ: «потщися всего своего имѣнія десятое Господеви даяти.» [8])

Должно также чтить и праздники, какъ дни посвященные на служеніе Богу, производя въ нихъ различныя дѣла благотворенія и воз-

---

1) „Поoученіе...“ 10 стр.
2) „Поученье“ 237 стр.
3) „Слово о постѣ“, 121 стр. въ „Москвитянинѣ.“
4) „Слово о попѣхъ“, 124 стр. ibid.
5) „Слово нѣкоего отца к сыну своему“, 136 стр.
6) „Слово о монастырѣхъ“ 122—123 стр. ibid.
7) „Слово нѣкоего отца к сыну своему“, 137 стр.
8) Ibid.

держиваясь отъ своихъ личныхъ занятій. «Святыя дни чтите», [1]) говорилъ еп. Лука. «Праздники святыхъ чести, училъ неизвѣстный отецъ: а самъ не упивайся, но алчныя и жадныя накормляй» [2]). Въ назиданіе же тѣмъ, которые желали бы въ праздники заниматься своими частными дѣлами, Іаковъ мнихъ разсказываетъ объ одной женщинѣ (изъ Дорогобужа), которая, за работу въ день Святителя Николая, была наказана тѣмъ, что у ней отсохла рука, (исцѣленная потомъ при мощахъ свв. Бориса и Глѣба) [3]).

Страхъ Божій и постоянное памятованіе всемогущаго и всесовершеннѣйшаго существа яснѣе оттѣнитъ человѣку его собственную грѣховность, его собственное ничтожество, заставитъ его никогда не забывать о смерти, которая каждую минуту можетъ застигнуть его и представить на судъ нелицепріятнаго Бога. «Внимаи словоу своемоу и дѣлоу своемоу, писалъ митр. Никифоръ; неразлоучена бо суть злаа от благыхъ, но смѣшены суть злобы съ добродѣтельми, якоже и плѣвелъ въ пшеници. И того ради подобаетъ намъ внимати, да не злобу въ добродѣтелии мѣсто пріимемъ. Красенъ бо мняшеся и добръ видѣніемъ, иже праотци оумертвивыи плодъ, но имѣяше посредѣ втаинѣ ловитвоу преслоушаніа» [4]). Митр. Кириллъ I проповѣдывалъ: «Имѣйте, чада моя, страхъ Божій присно въ сердцахъ вашихъ... не велитъ (страхъ) творити ліха ничтоже; вѣра бо страхомъ Господнимъ поминяті велитъ смерть на всякъ часъ и страшное судище. Страхъ бо Господень приимше первое праведніи спасошася... Тѣмже, чада моя милая, буди вы всѣмъ страхомъ Господнимъ спастися [5]). Разумѣй же, чадо, суету вѣка сего и скоро падающую плоть нашу. День растемъ, а утро гніемъ... Чадо, смерть всегда поминай; да та тя смерть всему добру научитъ, како пожити въ малѣмъ семъ времени» [6]). «Мы человѣци, писалъ Мономахъ, грѣшни суще и смертни... смертни есмы, днесь живи, а заутра в гробѣ» [7])...

---

[1]) „Поучение"... 10 стр.

[2]) „Слово нѣкоего отца"... 137 стр.

[3]) „Сказаніе страстей... святую мученику Бориса и Глѣба. Чюдо 4-е". 404—405 стр. Здѣсь мы будемъ цитовать „Сказаніе" по изданію въ „Христіанскомъ Чтеніи", 1849 г., II ч., 301—335 и 377—407 стр.

[4]) „Посланіе...", 64 стр.

[5]) „Слово о страсѣ", 126—127 стр.

[6]) „Слово нѣкоего отца..." 135 и 136 стр.

[7]) „Поученье" 235 и 237 стр.

«Боуести не имѣите..., говорилъ еп. Лука, помня, яко оутро боудемъ смрадъ и гной и червие» [1].

Самъ человѣкъ при своей грѣховности не можетъ гарантировать себѣ желательный исходъ послѣдняго суда, — ничтожна въ этомъ отношеніи и вся его внѣшняя обстановка — его богатство и слава: «Помышляше же (св. Борисъ) въ умѣ своемъ: аще пойду в домъ отца моего, и яко вгонати ми брата моего, якоже отець мой уби брата своего Ярополъка, преже святаго крещенія, славы ради мира сего, иже въсе мимоидеть и хуже паучины: то камо имамъ прiити по отшествіи моемъ отсюду? Что ли обрящю тогда? Кый ли будеть отвѣтъ тогда? Гдѣ ли скрыю множество грѣха моего? Что бо приобрѣтоша братая отца моего, или отець мой? Гдѣ бо ихъ житья и слава мира сего, и багряница, и брацины, сребро и злато, вина и медове, брашна честьная, быстрѣи кони и домови краснiи и велицѣи, и имѣнья многа, и дани, и чести бесчисленыя, и гордѣнья о боярехъ своихъ, яже уже все имъ акы нѣсть было никогдаж? Вся с нимь исчезоша, и нѣсть помощи ни отъ когоже сихъ: ни отъ имѣнія, ни отъ множества рабъ, ни отъ славы мира сего. Тѣмь и Соломонъ царь, въсе пропрошедъ, и вся видѣвъ, вся стяжавъ и съвокупль, и вся расмотривъ, рече: вся си сѣть (суть) суета, суетою буди. Токмо помощь отъ добрыхъ дѣлъ и отъ правовѣрия, а не отъ лицемѣрныя любви» [2].

Сознавши тщету и полную несостоятельность всего земнаго передъ своимъ вѣчнымъ назначеніемъ, человѣкъ приходитъ къ совершенному смиренію. Это чувство съ особою настойчивостію проповѣдывали книжные люди домонгольскаго времени, не различая его строго отъ кротости: «уготоваимъ яко горницу душа наша смиреніемъ [3]; сотвори си имя въ человѣцѣхъ кроткыи, да небесный житель будеши» [4]. Каждый человѣкъ, помня полную несостоятельность своихъ силъ и средствъ къ доброй и богоугодной жизни, долженъ всегда искать помощи Божіей и всею своею жизнью осуществлять Его волю: «Господь рече: луче есть искати кротости, нежели мудрости; кро-

1) „Поученіе“, 9 стр.

2) „Сказаніе страстей... святую мученику Бориса и Глѣба“, Іакова мниха, 380—381 стр.

3) „Слово въ недѣлю Цвѣтоносную“, св. Кирилла, епископа Туровскаго, стр.

4) „Слово нѣкоего отца“, 136 стр.

тость бо есть мати мудрости и разуму и помыслу благу и всѣмъ добрымъ дѣломъ [1]); чадо, буди пониженъ главою, высокъ же умомъ, а очи имѣй въ землю, а умъ на небеса, уста стищена, а сердцемъ къ Богу вопіюща, а нозѣ тихо ступающа... Буди, чадо мое, смысленъ и разумѣй, что есть воля Божія, что требуетъ Царь Небесный и отъ земныхъ [2]). Боудете смирени и кротци, да и послоужницы боудете, и творци Божіимъ заповѣдемъ» [3]).

Если человѣку и удается все въ жизни, и онъ чувствуетъ во всемъ достатокъ и довольство, или же наоборотъ—терпитъ во всемъ нужду, если каждое его дѣло кончается полнымъ успѣхомъ, — онъ долженъ быть чуждъ мысли приписывать все это своимъ силамъ, своему умѣнью или неумѣнью жить: во всемъ этомъ онъ долженъ видѣть дѣло промысла Божія и всякій успѣхъ свой принимать какъ даръ милости Божіей. «Се все, писалъ Мономахъ, что ны еси вдалъ, не наше, но твое, поручилъ ны еси на мало дний» [4]). «Богатъ ли имѣеши домъ свой, худъ ли, все то промысломъ Божіимъ» [5]). Иначе самыя заслуги наши теряютъ цѣну, — какъ писалъ игуменъ Даніилъ: «Мнози же и ходивше святыхъ сихъ мѣстъ и видѣвше святый градъ Іерусалимъ, и възнесшеся умомъ, яко нѣчто добро сътворше, и пакы погубляють мьзду труда своего» [6]).

На самую жизнь свою, на ея продолжительность, на счастливый исходъ угрожавшихъ ей несчастій человѣкъ долженъ смотрѣть какъ на знакъ Божія къ себѣ благоволенія, всегда помня, что безъ попущенія Божія ничто не можетъ случиться съ человѣкомъ, а тѣмъ болѣе прекращеніе самой его жизни. Поэтому-то человѣкъ, всегда носящій въ своемъ сердцѣ Бога, не боится никакихъ случайностей и даже смерти. Прекрасный урокъ такого расположенія предлагалъ своимъ дѣтямъ Мономахъ, ссылаясь на примѣръ собственной жизни: «сѣдя на санехъ, помыслихъ в души своей и похвалихъ Бога, иже мя сихъ днев грѣшнаго допровада... А се тружахъся ловы дѣя:.. конь диких своима рукама связалъ есмь въ путахъ 10 и 20 живыхъ конь, а кромѣ того же по Роси ѣздя ималъ есмъ своима рукама тѣ же

---

1) „Слово о премудрости, притча“, Кирилла, еп. Туровскаго, 89 стр.

2) „Слово нѣкоего отца...“, 135 и 136 стр.

3) „Поучение“, еп. Луки, 9 стр.

4) „Поученье“, 237 стр.

5) „Слово нѣкоего отца...“, 137 стр.

6) „Паломникъ Данила мниха“, 2—3 стр.

кони дикиѣ. Тура мя 2 метала на розѣхъ и с конемъ, олень мя одинъ болъ, а 2 лоси, одинъ ногами топталъ, а другый рогома болъ, вепрь ми на бедрѣ мечь оттялъ, медвѣдь ми у колѣна подъклада укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедры и конь со мною поверже; и Богъ невережена мя съблюде. И с коня много падахъ, голову си разбихъ дважды, и руцѣ и нозѣ свои вередихъ, въ уности своей вередихъ, не блюда живота своего, ни щадя головы своея... Да не зазрите ми, дѣти мои, ни инъ кто, прочетъ, не хвалю бо ся ни дерзости своея, но хвалю Бога и прославьляю милость его, иже мя грѣшнаго и худаго селико лѣтъ сблюдъ отъ тѣхъ часъ смертныхъ, и не лѣнива мя былъ створилъ худаго на вся дѣла человѣчьская потребна. Да сю грамотицю прочитаючи, потъснѣтеся на вся дѣла добрая, славяще Бога с святыми его. Смерти бо ся, дѣти, не бояще, ни рати, ни отъ звѣри, но мужьское дѣло творите, како вы Богъ подасть; оже бо язъ отъ рати, и отъ звѣри и отъ воды, отъ коня спадаяся, то никтоже васъ не можетъ вредитися и убити, понеже не будетъ отъ Бога повелѣно; а иже отъ Бога будеть смерть, то ни отець, ни мати, ни братья не могутъ отьяти, но оче добро есть блюсти, Божие блюденье леплѣ есть человѣчьскаго» [1]).

Напротивъ: если человѣкъ все время жилъ богоугодно, стремился къ Богу, то онъ долженъ радоваться смерти, какъ возможности скорѣйшаго исполненія своего желанія соединиться съ Богомъ, особенно смерти отъ руки враговъ. Идеалъ въ этомъ отношеніи прекрасно обрисованъ Іаковомъ мнихомъ въ лицѣ св. Бориса: «Помышляшешь же въ себѣ богоблаженный Борисъ, глаголя: «яко брата моего злуради человѣци понудять его на убийство мое и погубять мя; то аще прольеть кровь мою, то мученикъ буду Господу моему, а духъ мой пріиметь Владыка». Таче забывъ скорбь ту смертьную, тѣшаше сердце свое о словеси Божіи: иже кто погубить... И пойде радостнымъ сердцемъ, рекъ: «не презри мене, Господи, уповающаго на Тя, но спаси душу мою»... слава Ти (молился Борисъ), яко сподобилъ мя отъ прелести житья сего лестнаго... слава Ти, Владыко человѣколюбче, сподобивый мя скончати хотѣние сердца моего...» [2]).

Смиренно сознавая безконечное величіе Божіе и полное ничтожество себя и всего земнаго передъ всемогущимъ Творцомъ и передъ

---

[1]) „Поученье", 232, 242—243 стр.

[2]) „Сказаніе страстей... святую мученику Бориса и Глѣба", 381 и 384 стр.

своимъ вѣчнымъ назначеніемъ, человѣкъ долженъ постоянно обращаться къ Богу съ молитвою о помощи и о прощеніи грѣховъ. Постоянная, настойчивая, увѣренная молитва помогаетъ человѣку въ борьбѣ со грѣхомъ и доставляетъ ему просимое отъ Бога. «Не грѣшите ни одину же ночь, аще можете, — писалъ Мономахъ, — поклонитися до земли; а ли вы ся начнеть не мочи, а трижды; а того не забывайте, не лѣнитеся, тѣмь бо ночнымъ поклономъ и пѣньемъ человѣкъ побѣжаеть дьявола, и что въ день согрѣшить, а тѣмъ человѣкъ избываеть. Аще и на кони ѣздяче не будеть ни с кымъ орудья, аще инѣхъ молитвъ не умѣете молвити, а «Господи помилуй» зовете бе «престани, втайнѣ; та бо есть молитва всѣхъ лѣпши, нежели мыслити безлѣпицю ѣздя» [1]). «Вѣдомо же буди,—говорилъ митр. Кириллъ I, яко непытаемое есть молитвенное мѣсто но образъ. (По списку 16 вѣка: Да будетъ извѣстно, что для молитвы спрашивается не мѣсто, но расположеніе)... Да и ты, гдѣ убо еси, или на мори, или на пути, или на торгу, или въ коемъ мѣстѣ, или въ храмѣ, молися часто, и Богъ послушаетъ тебе»... [2]) «Да и мы, братіе,—говорилъ св. Кириллъ, еп. Туровскій,— Іисуса Христа Бога нашего прославимъ, исцѣлившаго насъ отъ недугъ грѣховныхъ, и къ нему вѣрою припадемъ глаголюще: не помяни первыхъ беззаконій нашихъ, нынѣшьняя очисти согрѣшенія, Ты бо еси всѣхъ Богъ небесныхъ и земныхъ... [3]) Послушайте же, да поучю вы о молитвѣ: тою бо исправляеться всяко доброе, аще отъ умилена сердца исходить яко благоуханіе къ Богу въсходить»... [4]) Молитвою человѣкъ долженъ начинать и оканчивать день свой (о постоянномъ молитвенномъ настроеніи мы уже привели слова Мономаха): «заутренюю отдавше Богови хвалу, и потомъ солнцю въсходящю, и узрѣвше солнце, и прославити Бога с радостью, и рече: просвѣти очи мои, Христе Боже, и (же) далъ ми еси свѣтъ твой красный, и еще: Господи, приложи ми лѣто къ лѣту, да прокъ, грѣховъ своихъ покаявъся, оправдивъ животъ, тако похвалю Бога [5]); и въ своеи клѣти, хотя спати, Богоу поклонився, толико на постели лязи» [6]). Вмѣстѣ

[1]) „Поученье". 236 стр.
[2]) „Слово о молитвѣ", 133—134 стр.
[3]) „Слово о расслабленѣмь"... 52 стр.
[4]) „Поученіе въ недѣлю 5-ю по Пасцѣ", 54 стр.
[5]) „Поученье", 238 стр.
[6]) „Пооучение Архиеп. Лоукы"... 8 стр.

съ тѣмъ каждый долженъ принимать участіе и во всѣхъ общественныхъ молитвахъ,—съ такимъ же вниманіемъ и расположеніемъ посѣщать всѣ службы церковныя: «не лѣнитеся къ церкви ходити, и на заутреню, и на обѣдню, и на вечернюю [1]); тѣмже и мы не лѣнимься... и съ чистою свѣстью придемъ въ Божію церковь... [2]) Буди ти въ скорбь твою прибѣжище церкви, паче же и кромѣ скорби по вся дни вшедъ припади Всевышнему, лицемъ своимъ землю покрый и принуди Его помиловати тя: не уклонитъ бо ся тебѣ, но утѣшитъ тя... Не забывай, что ли пѣснь или что слыша» [3]). И это (обязательное посѣщеніе Богослуженія) потому, что общественная молитва стоитъ неизмѣримо выше частной, келейной молитвы: «не буди лживъ, виною тѣлесною сбора церковнаго не отлучайся; якоже бо дождь растить сѣмя, тако и церкви влечеть душу на добрыя дѣла: все бо елико творити въ келіи нивъчтоже суть, аще и Псалтирь чтеши, или обанадесять псалма поеши, ни единому Господи помилуй подобится съборному пѣнію» [4]). Вмѣстѣ съ молитвою человѣкъ долженъ соединять искреннее покаяніе и слезное сокрушеніе о грѣхахъ своихъ. «Аще вы Богъ умягчитъ сердце, и слезы своя испустите о грѣсѣхъ своихъ,—писалъ Мономахъ,—рекуще: якоже блудницю и разбойника и мытаря помиловалъ еси, тако и насъ грѣшныхъ помилуй; и в церкви то дѣйте и ложася» [5]). «Скорби о грѣсѣхъ, воздыхай о соблазнахъ, печалуй о паденіи своемъ, да очиститися, да на исходѣ душевнемъ безъ порока обрящешися» [6]). Только искреннее оплакиваніе грѣховъ своихъ, соединенное съ полнымъ отвращеніемъ къ нимъ, очищаетъ нашу совѣсть и дѣлаетъ насъ достойными принятія тѣла и крови Спасителя, а вмѣстѣ съ ними и вѣчнаго блаженства. Въ противномъ случаѣ вмѣстѣ съ ними мы принимаемъ на себя еще большее осужденіе. «Всяку злобу отвъргъше отъ себе,—проповѣдывалъ еп. Туровскій,—зависть, клевету, студодѣяніе и все неподобное дѣяніе, и съ чистою свѣстью придемъ въ Божію церковь, и страхомъ въ ней стояще, просимъ отъ Него отпуста грѣховъ и вѣчныя

[1]) ibid. 7—8 стр.

[2]) „Поученіе на Пянтикостіи", 87 стр.

[3]) „Слово нѣкоего отца"... 136 стр.

[4]) „Посланіе... Епископа Симона"... 250 стр., въ „Памятникахъ Россійской Словесности".

[5]) „Поученье", 236 стр.

[6]) „Слово нѣкоего отца"... 136 стр.

жизни, да достойни будемъ приступити къ пречистымъ тайнамъ тѣлу и крьви Господни, тѣмь достойни творить общника небеснаго Царствія. А иже не очищьшеся пріемлють, то повиньни суть огневи вѣчьному; самъ бо рече Господь Богъ нашь: ядый плъть мою и пья кръвь мою, живъ будеть въ вѣкы; и егоже съ вѣрою просите, дамь вамъ»[2]). Для истиннаго покаянія, такимъ образомъ, мало одного сокрушенія о грѣхахъ своихъ: человѣкъ долженъ выступить на рѣшительную и открытую борьбу съ ними. Всѣ наши страсти, всѣ наши влеченія къ земному и эгоистическому, какъ влеченія къ суетному и скоропреходящему, только мѣшаютъ нашимъ стремленіямъ къ истинному и вѣчному. Нашъ долгъ бороться съ ними. Онѣ загораживаютъ намъ путь къ вѣчной жизни, и мы должны устранить ихъ съ нашего пути: иначе наша цѣль никогда не будетъ достигнута нами, всѣ наши отдѣльные подвиги и труды рушатся, и мы никогда не придемъ въ общеніе съ Богомъ. «О Владычице Богородице! — восклицалъ Мономахъ, — отъими отъ убогаго сердца моего гордость и буесть, да не възношюся суетою мира сего; в пустошнѣмь семь житьи научися, вѣрный человѣче, быти благочестию дѣлатель, научися по евангельскому словеси, очима управленье, языку удержанье, уму смѣренье, тѣлу порабощенье, гнѣву погубленье, помыслъ чистъ имѣти, понужаяся на добрая дѣла, Господа ради»... «Не грѣшите ни одину же почь, аще можете»... [2]) «Разумѣхъ тя санолюбца, — писалъ еп. Симонъ Поликарпу, — и славы ищеши отъ человѣкъ, а не отъ Бога. Не вѣруеши, окаяние, писанному: никтоже о себѣ възметь чести, но званный отъ Бога; аще бо Апостолу не вѣруеши, то ни Христу... Брате, не то свершеніе есть, еже славиму быти отъ всѣхъ, но еже исправити житіе и чиста себе снабдѣти» [3]). Неизвѣстный отецъ училъ: «Грѣха бѣгай акы ратника губящаго душу твою. Не всхощи веселитися въ мірѣ семъ, яко веселье свѣта сего плачемъ кончается, и се яве видѣти есть в мірѣ семъ — въ двоихъ сусѣдѣхъ у сихъ бракъ творятъ, а у другыхъ мертвеца плачютъ, и тѣ же плачь скоро минетъ, день плачютъ, а утро упиваются. Разумѣй же, чадо, суету вѣка сего и скоро падающую плоть нашу. День растемъ, а утро гніемъ. Тѣмъ же, въ малѣмъ семъ житьи, взыщи

---

[1]) „Поученіе на Пятикостіи“, 87 стр.

[2]) „Поученье“, 234 и 236 стр.

[3]) „Посланіе“... 254 и 256 стр.

вѣчныя жизни, идѣже ни едино отъ сихъ пѣсть ни скорби, ни воздыханія, но радость и веселье и свѣтъ не меркущій и солнце самъ Господь. Ту жизнь возлюби, къ ней по вся дни тщися, о той жизни по вся дни помышляй, и будетъ ти въ возглавіи мысль небесныя радости въстающю о брашно память царствія» [1]. «Потщимся, братие и сестры,—обращался къ своимъ слушателямъ св. Иларіонъ,—къ вѣчнѣй жизни свѣтлѣй, яже намъ Господь, по своей милости, туне даеть, и сея временныя и скверныя, аки змиинымъ ядовитыхъ устенъ, бѣгаемь, и не прикасаемъся ей. Господу Богу уготовившю небеса и насъ позвавъшю, то мы, сему тѣлу годяще спомъ и питіемъ и брашномь и сластьми грѣховными, отречемся царства небеснаго и Позвавшаго ны въ не... братие въспрянемь днесь, потщимся, пойдемъ не късняще по ускому пути, въводящему ны въ царство небесное; въдадимь телеса своя въ трудъ и на поты и молитву и на въздержанія, на частое покланяніе. Царство бо, рече, небесное нужно есть, и нудящеися въсхитаютъ е. То почто си не жалимъ, яко своею лѣностью и съслабостью дьяволу годяще, лишаемься вѣчныя жизни. Да подвигнемься, братіе, и понудимься на семъ малѣмь вѣцѣ и кратцѣмь. Кая бо намъ польза, тѣломь симь тлѣющимь? То аще убо бѣхомь ныня въ огни горѣли не токмо то до смерти; а онамо съ Господомъ царствовали въ славѣ въ вѣки. Но азъ не реку да быхомь ся въ огнь въвергли, не буди то: но да потрудимься въ исушеніе телесъ нашихъ... Тѣмже тамо умъ вперимь, сдѣ поживше богомудрено постомъ, молитвами, трудомь, пѣніемь, плачющеся грѣхъ своихъ и присно имуще Бога предъ очима своима и день смертьныи помышляти, и не ослабѣюще, но якоже и почепше, тако и скончаемь» [2].

Тоже самое проповѣдывалъ и св. Кириллъ, еп. Туровскій: «Тѣмже, братіе, подобаеть намъ яко Божіимь людемь сущимь, възлюбившаго насъ прославити Христа. Пріидѣте, поклонимся ему и припадемъ, яко и блудница, мысленѣ пречистѣи того лобзающе нозѣ; останемся, якоже и она, отъ злыхъ дѣлъ;... сломимъ гнѣводръжаніе яко и вѣтви, постелемъ ему яко и ризы добродѣтели..., и поидемъ съ идущимъ на страсть волную, въземъ крестъ свой претрьпѣніемъ всякія обиды; распьнемся брапми къ грѣху, умертвимъ похоти тѣлесныя [3])...

1) „Слово нѣкоего отца"... 135 стр.

2) „Поученіе святаго Иларіона о пользѣ душевнѣй", 293—296 стр.

3) „Слово въ недѣлю Цвѣтоносную", 8—9 стр.

или не стонати? И аще бы возможно по вся дни глаголалъ быхъ, и съ слезами моляся, и къ коленомъ вашимъ припадая, дабы ни единъ же насъ оставилъ годины молитвеныя» [1]. Если же безпристрастное и ко всѣмъ одинаково строгое учительство пастырей оказывалось недостаточнымъ, и происходило явное нарушеніе ихъ пастырскихъ уроковъ, они должны были прибѣгать къ силѣ и власти, чтобы хотя этимъ путемъ сохранить чистоту христіанской жизни. Съ этой цѣлію, по церковнымъ уставамъ св. Владиміра и Ярослава, епископамъ и митрополитамъ предоставлено было право суда преступленій противъ вѣры и основы христіанскаго общества— противъ семьи, а также право рѣщенія и нѣкоторыхъ другихъ тяжебъ. Замѣчательно, что и въ этомъ случаѣ представители церкви ничѣмъ не выдѣляли князей изъ числа другихъ своихъ пасомыхъ и въ случаѣ уклоненій ихъ отъ христіанской жизни считали непремѣнно своею обязанностью обличать и даже карать ихъ. Примѣръ дѣйствительнаго примѣненія пастырями этихъ своихъ обязанностей мы видимъ въ отношеніяхъ св. Θеодосія къ кн. Изяславу и кн. Святославу. Въ различныхъ случаяхъ онъ обличалъ ихъ, когда же послѣдній рѣшился отнять престолъ Кіевскій у законнаго князя Изяслава и, не смотря на обличенія св. Θеодосія, не отказался отъ своего преступнаго захвата, преподобный игуменъ запретилъ поминать его на ектеніяхъ и только послѣ усиленныхъ просьбъ братіи разрѣшилъ поминать его, но послѣ Изяслава [2]. Вышеприведенныя слова митр. Никифора изъ посланія его къ Мономаху объясняютъ намъ причину такой пастырской ревности и постояннаго почти и всеобщаго повиновенія пастырямъ. Они дѣйствовали въ этомъ случаѣ по высшему полномочію, отъ имени Самаго Бога, какъ Имъ Самимъ поставленные въ пастыри народу, обязанные отвѣчать за каждаго изъ пасомыхъ. «Да нужда ми есть глаголати къ вашей любви вся та,—говорилъ св. Θеодосій,—да не кьто умретъ въ моемъ молчаніи лютымъ грѣхомъ.» [3])

Князья въ разсматриваемое нами время были хранителями и оберегателями внѣшнихъ правъ русскаго народа какъ внутри своего

---

[1]) „Поученіе св. Θеодосія о хоженіи къ церкви и о молитвѣ“, 212 стр.
[2]) „Житіе преподобнаго Θеодосія“, LI—LIV стр.
[3]) „Поученіе св. Θеодосія о терпѣніи и о смиреніи.“ 212 стр.

владѣнія, такъ и за его предѣлами. Какъ облеченные силою и властію и стоявшіе на виду у всего народа, они имѣли большое вліяніе на него, или, какъ выражался митр. Никифоръ, «и вельми ползоуют, и великоу пакость имѣють.» Отсюда вытекали ихъ особыя обязанности, которыя они должны были свято хранить въ отношеніи къ своимъ подданнымъ.

Прежде всего, по мнѣнію нашихъ писателей, князья должны твердо хранить православную вѣру и точно знать всѣ ея догматы и предписанія, чтобы имѣть возможность научать имъ и вразумлять своихъ подданныхъ. Такъ объ этомъ писалъ митр. Никифоръ Мономаху: «Въпрашалъ еси былъ, благородный Княже! како отвръжени быша Латина отъ святыя соборныя и правовѣрныя церкве, и се, якоже обѣщався благородству твоему, повѣдаю ти вины ихъ... И прочитай же, Княже мой! не единою, ни дважды, по множицею, и ты, Княже, и сынове твои. Подобаеть бо Княземъ, яко отъ Бога избраномъ и призваномъ на правовѣрную вѣру его, Христова словеса разумѣти извѣстно, и основаніе церковное тврьдѣе, да ни ти будуть основаніе, якоже есть святыя церкве, на свѣтъ и наставленіе порученымъ имъ людемъ отъ Бога. Единъ бо Богъ царствуеть небесными, вамъ же, съ его помощію, царьствовати земными, долѣшнимъ симъ въ роды и роды. Да понеже избрани бысте отъ Бога, и възлюблени бысте имъ, и възлюбисте его, разумѣйте словеса его и испытайте.» [1].

Съ другой стороны изъ этого же знанія основъ православной вѣры они научаются твердо и неуклонно исповѣдывать чистоту и правоту ея предъ иновѣрными и предупреждать всякія попытки ихъ отторгнуть отъ нея кого-либо изъ его подданныхъ. Нерадивое отношеніе князя къ случаямъ послѣдняго рода ложится на него тяжелой отвѣтственностью. «Ты же, чадо,—писалъ св. Θеодосій кн. Изяславу,—такыхъ дѣяній (хвалить чужую вѣру) блюдися, ни присвоися к нимъ, нъ бѣгай отъ нихъ, якоже можеши, и свою вѣру непрестанно хвалиі, подвизаися въ ней добрыми дѣлы... аще узриши нѣкыя иновѣрныя съ вѣрными прю дѣюща и прелестію хотяща отвести отъ правыя вѣры, невѣжамъ сущемъ вѣрнымъ, ты же, вѣдѣ-

---

[1]) „Посланіе отъ Никыфора митрополита Кыевскаго къ Володимеру Князю всея Руси, сыну Всеволожю, сына Ярославля,“ 157 и 163 стр.

ніе имый, не скрый въ собѣ, нъ помози правовѣрьнымъ на криво-вѣрныя... Ащели умолчиши, то яко отъемь у Христоса, предаеши ихъ сотонѣ». [1]) Или, какъ писалъ тотъ же митр. Никифоръ: «съблюдено же ти се (по Бозѣ ревность) будеть, аще въ стадо Христово не даси влъкоу внити, и аще въ виноградъ, иже насади Богъ, не даси насадити тръніа, нъ съхраниши преданіа старое отецъ твоихъ.» [2]) Что касается до ближайшихъ обязанностей князей, чинившихъ судъ и расправу въ своемъ народѣ, то въ этомъ отношеніи, по мнѣнію нашихъ писателей, на нихъ лежалъ долгъ безусловной справедливости и милости ко всѣмъ. При исполненіи своихъ обязанностей князья естественно не имѣли физической возможности личнаго присутствія, разбирательства и веденія дѣлъ, возникавшихъ въ ихъ народѣ. Съ этою цѣлію они выбирали изъ своихъ подданныхъ лицъ, которые и служили имъ помощниками въ различныхъ областяхъ, подлежавшихъ ихъ вѣдѣнію. Но этотъ выборъ не всегда оказывался удачнымъ. Замѣчательное въ этомъ отношеніи свидѣтельство находимъ у Даніила Заточника: «Не имѣй себѣ двора близъ Княжа двора; не держи села близъ Княжа села: тіунъ бо его яко огнь трепетицею накладенъ; а рядовичи его яко искры: аще отъ огня устережешися, но отъ искры не можешь устрещися жженія портъ.» [3]) Отсюда вытекала для князя необходимость болѣе строгаго, тщательнаго и нелицепріятнаго выбора себѣ помощниковъ: «Княже, Господине мой!—писалъ Заточникъ; не лиши хлѣба нища мудра, ни вознеси до облакъ богатаго безумна; бесмысленна: нищь бо мудръ, яко злато въ калнѣ сосудѣ, а богатъ красенъ несмысленъ, то аки поволочитое зголовье. соломы натканo.» [4]) Отсюда же ясна необходимость не вполнѣ полагаться на своихъ слугъ какъ во внутреннихъ, такъ и во внѣшнихъ дѣлахъ, не давать имъ безотчетныхъ полномочій, но внимательно самимъ князьямъ относиться ко всѣмъ дѣламъ своихъ подданныхъ. Такъ относительно этого поучалъ Мономахъ своихъ дѣтей: «не зрите на тивуна, ни на отрока...

---

[1]) Посланіе „тогоже Ѳеодосіа къ тому же Изяславу (о Латынѣхъ). 216—217 стр. въ „Ученыхъ запискахъ И. А. Н.“

[2]) „Посланіе...“ 70 стр.

[3]) „Слово о Даниле заточникѣ“ 235 стр. въ „Памятникахъ Россійской словесности.“

[4]) ibid.

На войну вышедъ, не лѣнитеся, не зрите на воеводы... и сторожѣ сами наряживайте, и ночь, отвсюду нарядивше около вои, тоже лязите, а рано встанѣте; а оружья не снимайте с себе вборзѣ, не розглядавше лѣнощами, внезапу бо человѣкъ погыбаеть... Куда же ходяше путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни в селѣхъ, ни в житѣхъ, да не кляти васъ начнуть.» [1]) Въ примѣръ онъ приводилъ себя: «Еже было творити отроку моему, то самъ есмь створилъ, дѣла на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая собѣ упокоя; на посадникы не зря, ні на биричи, самъ творилъ что было надобѣ, весь нарядъ и в дому своемь то я творилъ есмь; і в ловчихъ ловчий нарядъ самъ есмь держалъ, и в конюсѣхъ, и о соколѣхъ и о ястрябѣхъ; тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмъ слиными обидѣти, и церковнаго наряда и службы самъ есмъ призиралъ». [2]) «Мужа бо мудра посылай,—писалъ заточникъ,—мало ему кажи; а безумна посылай, самъ не лѣнися по немъ итти. Очи бо мудрыхъ желають благыхъ, а безумному дому пировнаго... Зъ добрымъ бо думъцею князь высока стола додумаетца, а съ лихимъ думъцею думаетъ, и малаго стола лишенъ будетъ.» [3]) Яснѣе и, такъ сказать, научнѣе раскрывалъ эту мысль митр. Никифоръ въ томъ же посланіи: «И видѣніе оубо есть чювственое вѣрно, и его же видить, аще не безъ оума, то вѣрно видимъ; слоухъже въ дроугаа мѣста истинна, а въ другаа мѣста лжа... и подобаеть, яко единомоу видяшоу очима вѣровати, слоуху же не вѣровати, ни не вѣровати, по испытаніемъ и судомъ многомъ творити слышимая... О вторѣмъ же чювствіи и (лишнее) о слоусѣ не имамъ постиженія, Княже мои, изрещи что извѣстно; мнить же ми ся, яко не мога самъ вся творити очима своима, от слоужащихъ ороудіемъ твоимъ и приносящимъ ти въспоминанія, то от тѣхъ нѣкако приходить ти пакость доушевнаа, и отвръстоу сущоу слоухоу, тѣмъ единѣмъ стрѣла входить ти ...» [4]) Посему то на князьяхъ лежалъ долгъ справедливаго и милостиваго

---

[1]) „Поученье," 237 стр.
[2]) ibid., 242 стр.
[3]) „Слово о Даниилѣ заточникѣ", 235 и 237 стр.
[4]) „Посланіе..." 68, 71—72 стр.

суда ко всѣмъ, особенно къ слабымъ и беззащитнымъ. «Соудите по правдѣ,—говорилъ еп. Лука,—мьзды не емлите...» [1]) Главною ихъ заботою должно быть стремленіе къ оправданію и полному помилованію всѣхъ, представляемыхъ имъ на судъ. Особенно они должны избѣгать смертныхъ приговоровъ. «О семъ испытаи, княже мой,—продолжалъ въ томъ же посланіи митр. Никифоръ,—о томъ помысли: о изгнаныхъ от тебе, о осоуженыхъ от тебе наказаніа ради, о прѣзрѣныхъ, въспомяни о всѣхъ, кто на кого изреклъ, и кто кого оклеветалъ, и самъ судіи разсуди таковыя, и якоже от Бога наставляемъ, всѣхъ помяни, и тако сътвори и отпусти; да ти ся отпоустять, и отдаждь. да ти ся отдасть. Аще бо не отдамы, якоже Христосъ глаголетъ, грехопаденіа человѣкомъ, ни отецъ небесный оставить намъ прегрешеніи нашихъ. Но и всоуе нарицаемъ отца Бога, и глаголемъ къ Немоу лжюще: остави намъ длъгы наша, якоже и мы оставляемъ длъжникомъ нашимъ...» [2]) «поминаи о осуженыхъ от тебе, и исправи кто того оклеветалъ, и самъ разсуди; и простимъ, да прощени будемъ.» [3]) «Избавите обидима—писалъ Мономахъ,—судите сиротѣ, оправдайте вдовицю; и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте сильнымъ погубити человѣка. Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его; аще будетъ повиненъ смерти, а душа не погубляйте никакояже хрестьяны.» [4])

Какъ сильные и богатые, князья особенно должны не прельщаться блескомъ своей славы и богатства, но смиренно нести свои обязанности и щедрою рукою удѣлять бѣднымъ все возможное изъ своихъ имѣній. Употреблять же всѣ свои достатки только для своихъ удовольствій, или же по скупости прятать ихъ—великій грѣхъ. Такъ писалъ Мономахъ въ своемъ поученіи: «О Владычице Богородице! отъими отъ убогаго сердца моего гордость и буесть, да не возношюся суетою мира сего;... Всегоже паче убогихъ не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите, и придавайте сиротѣ,... Паче всего гордости не имѣйте в сердци и въ умѣ, но рцемъ: смертни

---

[1]) „Пооученіе..“ 10 стр.
[2]) „Посланіе...“ 72. стр.
[3]) ibid., 74 стр.
[4]) „Поученье“, 235, 236—237 стр.

есмы... и в земли не хороните, то ны есть великъ грѣхъ.» [1]) И это потому, что все, чѣмъ мы владѣемъ, не наше, что все это поручено только намъ для того, чтобы мы сдѣлали изъ него доброе употребленіе: «се все, что ны еси вдалъ, не наше, но твое, поручилъ ны еси на мало дний.» [2])

Идеальнымъ княземъ для того времени былъ св. Владиміръ, дѣятельность котораго въ такихъ чертахъ описывалъ Іаковъ мнихъ: «Блаженный же князь Володимеръ всѣмъ сердцемъ и всею душею Бога възлюби, и заповѣди Его взыска и съхрани... Князь же Володимеръ поревьнова святыхъ мужь дѣлу и житію ихъ, и възлюби Авраамово житіе, и подража страннолюбие его, Ияковлю истину, Мойсѣеву кротость, Давидово безлобие, Костянтина царя великаго, перваго царя крестьянскаго, того подража правовѣрие. Боле же всего бяше милостыню творя князь Володимеръ: иже немощніи и старѣи не можаху доити княже двора и потребу взяти, то во дворъ имъ посылаше; немощнымъ и старымъ всяку потребу блаженый князь Володимеръ даяше. И не могу сказати многыя его милостыня: не токмо въ дому своемъ милостыню творяше, но и по всему граду; не въ Киеви единомъ, но и по всей земли руской, и въ градехъ, и в селѣхъ, вездѣ милостыню творяше, нагыя одѣвая, алчьныя кормя и жадныи напаяя, странныя покоя милостію, и церковникы чтя и любя и милуя, подавая имъ требованіе; нищая, и сироты, и вдовица, и слѣпыя, и хромыя, и трудоватыя, вся милуя, и одѣвая, и накорьмя, и напаяя. Такоже пребывающ князю Володимерю въ добрыхъ дѣлехъ, благодать Божіа просвѣщаше сердце его, и рука Господня помогаше ему, и побѣжаше вся врагы своя, и бояхутся его вси [3])... и отъда отъ всего имѣніа десятую той церкви и отъ града. Бѣ бо велми милостивъ... Бяху же нищи приходаще на дворъ его по вся дни, и пріимаху, кто чего требоваше; а недужнымъ, немогущимъ ходити, повелѣ слугамъ, да в домы приносять имъ. И многы створи добродѣтели» [4]).

---

[1]) ibid. 234, 236—237 стр.

[2]) ibid., 237 стр.

[3]) „Память и похвала князю русскому Володимеру...“ 234—235 стр. въ „Христіанскомъ чтеніи“ 1849 г., II ч.

[4]) „Житіе Блаженнаго Володимера“, 332 стр. ibid.

Впрочемъ, дѣлами благотворительности открывается уже кругъ общехристіанскихъ обязанностей, и князья въ этомъ случаѣ были только, такъ сказать, примѣрами для другихъ.

Среди обязанностей, касающихся взаимныхъ отношеній людей, сами собою выдѣляются обязанности въ отношенія къ власти, къ семьѣ и во всѣмъ вообще людямъ. Каждый христіанинъ долженъ съ почтеніемъ и полною преданностію относиться къ своему князю, потому что внѣшняя власть установлена Богомъ (см. выше посланіе митр. Никифора къ Мономаху о латинахъ) и обезпечиваетъ каждому спокойное и болѣе или менѣе безбѣдное существованіе. «Князя чтите» [1]), говорилъ еп. Лука;—«князю же земли вашея покоряйтеся, — училъ митр. Кириллъ I: не рцѣте ему зла въ сердци своемъ, и пріяйте ему головою своею, и мечемъ своимъ, и всею мыслью своею, и не възмогутъ противитися инии князю вашему. Аще добрѣ приясте князю вашему, и обогатѣетъ земля ваша, и плодъ добръ объемлете... Да и вы, сынове мои милии, не мозите прияти чюжему князю, да не в то же зло впадете» [2]) (зло прелюбодѣицы и Іуды). И церковная власть такъ бережно охраняла авторитетъ княжеской власти, что, по церковному уставу Ярослава, считала достаточной причиной развода, если жена знала о заговорѣ противъ князя и не сказала объ этомъ мужу.

Главою семьи, по показанію нашихъ памятниковъ, долженъ быть мужъ. «В дому своемь не лѣнитеся, — поучалъ своихъ дѣтей Мономахъ,—но все видите» [3]). Въ виду сохраненія чистоты и прочности семейныхъ отношеній онъ непремѣнно долженъ хранить строгое единоженство: «другая тяжа (епископля) ажъ водить кто двѣ женѣ» [4]); «аще двѣ женѣ кто водить: митрополиту 40 гривень; а которая подълегла, тую пояти в домъ церковный, а первую дръжати по закону; а иметь лихо водити, казнію казнити его»; [5]) «Тоже (лишеніе причастія и почитаніе за иноплеменника и противника вѣры) створи

---

1) „Поучение...“ 10 стр.

2) „Слово о князѣхъ“, 124—125 стр.

3) „Поученье“, 237 стр.

4) Уставная грамота Смол. князя Ростислава Мстиславича.

5) Церковный уставъ Ярослава, въ „Исторіи Русской Церкви“ Макарія архіеп. Харьковскаго, II т., 2 изд. СПБ. 1868 г. Приложенія № 13,—377—380 стр.

иже без студа и бес срама 2 женѣ имѣють»... [1])» «Рѣхъ ему: а оже, владыко, се дроузии наложници водять явѣ и дѣтя родять, яко съ своею, и дроузи съ многыми отаи робами: которое лоуче? — Не добро, рече, ни се, ни оно» [2]).

Къ женѣ своей, какъ и къ дѣтямъ, мужъ долженъ относиться съ полною любовію, но не подпадать подъ ея вліяніе и не предоставлять ей рѣшающаго голоса въ своей жизни. «Жену свою любите,—писалъ Мономахъ,—но не дайте имъ надъ собою власти» [3]). «Сыну!—говорилъ митр. Кириллъ I,—аще по грѣху ти жена умретъ, ти поимеши другую, и той жоны словесъ дѣля блядивыхъ слушая не любити начнешь первыхъ дѣтій, а сия дѣти любити начнешь, а умъ свой великъ имѣя; аже не любити начнешь обоихъ дѣтей ладно, то по Златоустому Іоанну осуженъ будеши въ муку вѣчную, и подобенъ будеши коневи, на немже кобыла начнетъ ѣздити всѣдши» [4]).

Передъ сохраненіемъ же святости и прочности семейнаго союза оба супруга совершенно уравниваются и обязываются одинаково свято и нерушимо соблюдать супружескую вѣрность. Такъ, по церковно-юридическимъ памятникамъ даннаго времени, считалось одинаково преступленіемъ прелюбодѣяніе какъ мужа, такъ и жены. «Аще мужъ отъ жоны блядетъ, митрополиту у винѣ; Аще мужъ оженинится иною жоною, съ старою не роспустився, мужъ той митрополиту у винѣ, а молодую въ домъ церковный, а съ старою жити; аще поидетъ жона отъ своего мужа за иный мужъ: тую жону поняти в домъ церковный, а новоженя митрополиту у продажи; аще застанетъ мужь свою жону съ прелюбодѣемъ, или како учинитъ на нее исправу съ добрыми послухы: разлучити» [5]). «И еже... своѣ жены пущають и прилѣпляються инѣмъ,.. и ты вѣси явѣ тѣмъ всѣмъ чюжимъ быти нашея вѣры, отвержени сборныя церкви...» [6]).

---

[1]) 6 отвѣтъ митр. Іоанна II Іакову черноризцу, въ „Русской Историч. Библіотекѣ“, 6 т. СПБ. 1880 г., № 1, изд. Археографическою Коммиссіею.

[2]) 69 вопросъ Кирика, ibid. № 2.

[3]) „Поученье“, 237—238 стр.

[4]) „Слово о женьнѣй смерти“, 129 стр.

[5]) Церковный уставъ Ярослава.

[6]) 15 отвѣтъ митр. Іоанна II.

«Ажели жена от моужа со инымъ, то моужъ невиноватъ, поуская ю» [1]). (Какъ видно изъ этихъ выписокъ, мы говоримъ о моральномъ равенствѣ супруговъ;—строго юридическаго равенства въ дѣйствительности не было). Чистота супружескихъ отношеній ставилась такъ высоко, что считалось преступленіемъ и «оурѣкания... бляднею» [2]), или, «аще кто зоветь чужюю жону блядью» [3]). Замѣчательно, что даже на законный разводъ неодобрительно смотрѣли представители церкви того времени: «А иже-то распустилася мал-жена, и передъ тобою, владыко, тягавшася, что тѣмъ опитемья? Не дай, рече, причащения томоу, который ею роспоускаеться; али онъ оумирати начнеть, тоже дай» [4]). Церковь, такимъ образомъ, стремилась сравнять супружескія права жены съ правами мужа. Кстати замѣтить здѣсь, что равенство (съ мущиною) поддерживалось и относительно неприкосновенности личности и имущества женщины. По законамъ того времени считалось преступленіемъ, «аще кто умчить дѣвку или насилить» [5]), «ажъ уволочетъ кто... женку» [6]), «аще мужь беть чужую жону», и «иметь лихо водити» (свою) [7]). Яснѣе объ этомъ говорятъ другіе памятники: «оже кто оубьеть женоу, то тѣмьже судомь соудити, якоже и моужа» [8]); «оже ли велми зло боудеть, яко не мочи моужю дьржати жены, или жена моужа, или долгъ многъ оу моужа застанеть, а порты ея грабити начнеть, или пропиваеть, или ино зло, да 3 лѣта (не дай причащения)» [9]).

Что касается до взаимныхъ отношеній родителей и дѣтей, то въ основаніи ихъ, какъ мы уже отчасти видѣли, должны лежать любовь и уваженіе. Насилія отнюдь не должны допускаться ни съ той, ни съ другой стороны: «чтите... и родителя своя» [10]); «а се церковнии

---

1) 92 вопросъ Кирика.

2) Церковный уставъ св. Владиміра.

3) Церковный уставъ Ярослава.

4) 92 вопросъ Кирика.

5) Церковный уставъ Ярослава.

6) Грамота Ростислава Мстиславича.

7) Церковный уставъ Ярослава.

8) „Правда Роуськая“, 43 стр. въ „Русскихъ Достопамятностяхъ“, 1 ч., М. 1815.

9) 92 вопросъ Кирика.

10) „Поучение Лоукы“... 9 стр.

соуди... іли сынъ отца бьеть или матерь, или дчи, или снъха свекровь» [1]); «аще сынъ бьеть отца или матерь; аще дѣвка не восхочеть за мужъ, а отецъ и мати силою дадуть, а что створить надъ собою: отецъ и мати митрополиту у винѣ... такожь и отрокъ; аще дѣвка въсхощетъ замужъ, а отецъ и мати не дадутъ, а что сътворить: митрополиту у винѣ отецъ и мати; тахожь и отрокъ» [2]).

Тѣмъ же чувствомъ любви и снисхожденія долженъ руководиться глава семьи и въ отношеніи къ другимъ своимъ домочадцамъ и рабамъ, уча ихъ вѣрѣ Христовой, всегда милуя, снабжая всѣмъ необходимымъ и отпуская старыхъ (рабовъ) на свободу. Если и допускались въ отношеніи къ рабамъ тѣлесныя наказанія, то это только въ исключительныхъ случаяхъ и до извѣстныхъ предѣловъ, что бы не нанести вреда ихъ здоровью и жизни. Митр. Кириллъ такъ поучалъ объ этомъ своихъ слушателей: «сиротъ домашнихъ не обидите, но паче милуйте; гладомъ не морите, ни наготою; то бо суть домачнии твои убозии: убогій бо индѣ собѣ испроситъ, а си в твоей руцѣ токмо з...ть [3]) (въ печати пропущены буквы); ...челядь же свою милуйте, и учите на спасение и на покаяние, старыя же на свободу отпущайте бес потъкновения, уныя же на послушание на добро поучайте, якоже Аврамъ каза отъ разбоя и татбы и [4]). Чада моя милая! Еще вы глаголю: челядь свою кормите якоже досыти имъ, одѣвайте, обувайте. Аще ли не кормите, ни обуваете, а холопа твоего убъютъ у татбы или робу, то за кровь его тобѣ отвѣщати. Тѣмже набдите сироты своя во всемъ и учите я на крещение и на покаяние и на весь законъ Божій. Ты бо еси яко и Апостолъ дому своему кажи грозою и ласкою. Аще не учишь то отвѣтъ въздаси за то предъ Богомъ. Страхъ бо Божий приимше не опечалятъ на старость тебе. Аще ли тебе не послушаютъ ни мало, то лозы нань не щади, якоже Премудрость Божия глаголетъ до 4 или 6 ранъ, или за 12 ранъ. Аще ли рабъ или рабыни не слушаетъ, и по твоей воли не ходити, то за-год-а лозы нань не щадите до 6 ранъ и до 12. Аще ли велика вина то и 20 ранъ. Аще ли велми велика вина то 30 ранъ лозою, а болѣе 30 ранъ не велимъ.

---

[1]) Церковный уставъ св. Владиміра.
[2]) Церковный уставъ Ярослава.
[3]) „Слово о постѣ“, 121 стр.
[4]) Ibid.

Да еще тако кажете я, и добрѣ одѣваеши и кормиши, то благъ дарь примеши отъ Бога» [1].

Рабы въ свою очередь должны съ покорностью переносить свое положеніе, если бы даже оно было и тяжело, смотря на него какъ на удѣлъ, назначенный имъ самимъ Богомъ. «И се ми слово еще к рабомъ,—говорилъ тотъ же проповѣдникъ: да и вы убо, добрыя слуги, на се взирайте, яко не человѣку работаите, но Богу самому и проповѣди утваряеши, и все терпиши Владыцѣ. Повинесъ сы терпяще и гнѣвающе на тя и безлобьемъ ярящюся. Но помыслите, яко не тому творите благодати, но Божие повелѣние свершаете» [2].

Въ основѣ всѣхъ взаимныхъ отношеній людей должна лежать любовь. Каждый человѣкъ долженъ проникнуться чувствомъ искренняго и глубокаго благожеланія ко всѣмъ ближнимъ, а особенно къ христіанамъ, и безъ всякой лжи и обмана, безъ всякой хитрости и коварства не только питать его въ сердцѣ, но и осуществлять на дѣлѣ. Никакого вреда не должно желать, а тѣмъ болѣе наносить своему ближнему какъ словомъ, такъ и дѣломъ. «Лжѣ блюдися» [3], писалъ Мономахъ. «Любовь же имѣйте ко всѣмъ ладну,—говорилъ митр. Кириллъ,—и къ богату и ко убогу и к нищимъ и к бѣднымъ, и въ узахъ стражющихъ, якоже и Христосъ ко всему миру не избирая дая намъ весь образъ собою [4]... Сусѣда же не обидите и не отъемлите земли его... Богъ бо не единому человѣку велитъ быти на земли сей, но многимъ. Тѣмже чада моя блюдѣтеся и не отнимайте чюжаго [5]. Сыну! Аще хощеши великъ быти предъ Богомъ и человѣкы, то смирися всему ладно. Ласкай около всякаго человѣка кромѣ и в очи. Аше ли кому смѣются, то ты хвали и и люби, и да отъ Бога примеши мьзду, а отъ того честь» [6]. Съ большею подробностью говорилъ о взаимныхъ отношеніяхъ еп. Лука: «Любовь имѣите со всяцѣмъ человѣкомъ, а боле з братиею, и не боуди ино на сердци, а ино въ устѣхъ; но подъ братомъ амы не рои, да тебѣ Богъ въ горшаа тои не вриметь. Но боуди правдивъ тако, яко не

---

1) „Слово о челяди", 127—128 стр.
2) „Слово о рабѣхъ", 133 стр.
3) „Поученье", 237 стр.
4) „На поучение ко всѣмъ крестьяномъ", 119—120 стр.
5) „Слово о сусѣдѣ", 122 стр.
6) „Слово о смиреніи", 132 стр.

каися правды дѣла и закона Божия и приложа главы, да сочтеть тя Богъ съ святыми. . дроугъ дроуга похвали, да и Богъ вы и похвалить. Не мози свадити, да не наречешися сынъ диаволу; но смиряи, да боудеши сынъ Богоу... в лихвоу не даите... не оукради, не солжи, лжи послоухъ не боуди, не навиди, не завиди, не клевечи... с радующимися радуися, с печалными печаленъ»[1]... Отсюда само собою слѣдуетъ снисходительное и мирное, или вѣрнѣе, любовное отношеніе ко всѣмъ.

Если бы человѣкъ и видѣлъ какіе нибудь недостатки въ другомъ, онъ долженъ снисходительно относиться къ послѣднему и не осуждать его. «Не осоуди брата *ни мыслію*, говорилъ тотъ же проповѣдникъ, — поминая свои грѣхи, да тебѣ Богъ не осоудить... ни посмѣися никакому же»...[2]. «Грѣшныя милуйте»,[3]) — говорилъ митр. Кириллъ I. Если бы кто изъ ближнихъ и досаждалъ намъ, мы должны терпѣливо переносить эти обиды, воздерживаться отъ гнѣва, не воздавать зломъ за зло, а тѣмъ болѣе не мстить и не убивать человѣка. «Претерпите братъ братоу и всякомоу человѣкоу, — говорилъ еп. Лука, — а не въздаите зла за зло;... нелѣпо... молвити страшна слова, ни гнѣва на всякъ день имѣти, не похритаися;... въ напасти же терпи, на Бога оупованис имѣа... ни иного заклинаите, ни проклинаите... не оубіи,... Не боуди гнѣвнивъ, ни напраснивъ боуди»...[4]) «Изыдемъ любовію, — говорилъ св. Кириллъ, еп. Туровскій, — яко и народи, въ срѣтеніе ему, сломимъ гнѣводръжаніе яко и вѣтви,... въскликнемъ молитвами и безлобіемъ яко младенци»...[5]) Ненавидятъ ли кто тебе, — училъ своего сына неизвѣстный отецъ, — смѣрися предъ нимъ: худъ предъ нимъ и немощенъ створися, и обратиши сердце ему любити тя; ни створитъ бо ти инединаго зла покореніе, но и онаго спасеши, и себе»[6]). Мономахъ въ своемъ поученіи писалъ: «лишаемъ — не мьсти, ненавидимъ любо гонимъ — терпи, хулимъ — моли, умертви грѣхъ»...[7]) Особенно же должно избѣгать убійства человѣка по какимъ либо корыстнымъ побужде-

---

1) „Поучение“... 8 и 10 стр.
2) „Поучение“... 8—9 стр.
3) „Слово о постѣ“, 121 стр.
4) „Поученіе“... 8, 9 и 10 стр.
5) „Слово въ недѣлю Цвѣтоносную“... 9 стр.
6) „Слово нѣкоего отца“... 137 стр.
7) „Поученье“, 234—235 стр.

ніямъ, потому что въ этомъ случаѣ человѣкъ всецѣло отдаетъ себя во власть діавола и подвергаетъ себя страшной отвѣтственности. Вотъ какъ описываетъ, напр., братоубійство Іаковъ мнихъ: «Видѣв же се дьяволъ, искони ненавидяй добра человѣкомъ, яко всю надежю свою на Господа положилъ есть святый Борисъ, и начатъ подвижние бывати, и обрѣте и, якоже и Каина на братоубійство горяща, такоже и сей Святополкъ, поистинѣ втораго Каина, улови мысль его, яко да избьеть вся наслѣдникы отца своего, и самъ прійметь власть единъ. Тогда призва к собѣ оканный, треклятый Святополкъ съвѣтникы в сей неправдѣ и начальникы всему злу, отверзъ прескверная уста своя, и испусти злый свой гласъ, и рече... [1]) Рече бо Богъ: кто идеть прельстить Ахава; и рече бѣсъ: се азъ иду. Такоже и золъ человѣкъ, тщася на злое, не хужи есть бѣса; бѣси бо человѣка боятся, а золъ человѣкъ ни Бога ся боить, ни человѣка ся стыдить; бѣси бо креста Господня бояться, а человѣкъ золъ ни креста ся боить... [2]) (Святополкъ) и въсприятъ възмездие отъ Господа, якоже показа посланая на нь рана пагубная и по смерти мука вѣчная. И тако обою животу лихованъ бысть: и сдѣ не токмо княженья, но и живота гоньзне; и тамо не токмо царства небеснаго и еже съ Ангелы житья погрѣши, но муцѣ и огню предасться. И есть могила его и до сего дня; исходить отъ нея смрадъ золъ на показание человѣкомъ, да аще и кто си творить, слышавъ, прійметь вящьши сихъ» [3]) Онъ же нарисовалъ идеалъ перенесенія обидъ и всякаго зла отъ ближнихъ въ лицѣ свв. Бориса и Глѣба. «Но Ты, Господи,—восклицалъ св. Борисъ,—виждь и суди межь мною и братомъ моимь, и не постави имъ грѣха сего, [4])... Спасися и ты, брате. враже. Святополче,—молился св. Глѣбъ, — спаситеся и вы, братіе и дружино, вси спаситеся!» [5]).—И такъ, всепрощеніе должно отличать отношенія христіанина къ его врагамъ. «О многострастный и печалны азъ!—восклицалъ Мономахъ,—много борешися сердцемь, и одолѣвши, душе, сердцю моему, зане, тлѣньне сущи, помышляю како стати предъ страшнымъ Судьею, каянья и смѣренья не приимшимъ межю собою. Молвить бо иже: Бога люблю, а брата своего

---

1) „Сказаніе страстей... святую мученику Бориса и Глѣба“, 382 стр.

2) Ibid., 386 стр.

3) Ibid., 396 стр.

4) Ibid. 385 стр.

5) Ibid. 390 стр.

не люблю, ложь есть; и пакы: аще не отпустите прегрѣшеній брату, ни вамъ отпустить Отець вашь небесный» [1]). Христіанинъ также долженъ быть чуждъ гордаго и заносчиваго отношенія къ другимъ, потому что гордость ведетъ къ другимъ грѣхамъ и уничтожаетъ значеніе всѣхъ нашихъ подвиговъ. «Боуести не имѣите,—говорилъ еп. Лука,—ни гордости,... в гордаго бо сердци диаволъ сѣдить, и Божие слово не хощеть прилноути емоу» [2]). «Паче всего гордости не имѣйте в сердци и въ умѣ» [3]), поучалъ своихъ дѣтей Мономахъ. Подробнѣе говорилъ о гордости св. Кириллъ, еп. Туровскій: «Отгнахомъ отъ себе матерь (кротость), а мачеху пріяхомъ, ей же имя величанье, дѣти же ея суть: гордость, непокореніе, прекословье, презорьство, хула, клевета, зломыслье, гнѣвъ, вражда, ньянство, игры непріязнины и всякая злобы... всего же того горѣе есть гордость, и еже есть всему тому мати» [4]).

Вмѣсто же этого христіанинъ долженъ съ полною любовію и смиреніемъ относиться ко всѣмъ, уважая и старшихъ и младшихъ и не выставляя на видъ своего, хотя бы то и дѣйствительнаго, превосходства предъ другими. «Чтите стара человѣка» [5]), говорилъ еп. Лука. «Старыя чти яко отца,—поучалъ Мономахъ,—а молодыя яко братью» [6]). Много объ этомъ говорилъ митр. Кириллъ I: «старца чтите [7]); другомъ же малымъ и великымъ покоряйтеся. Или на пиръ звани будете, сядите на послѣднемъ мѣстѣ по Еуангелью... [8]) Не стыдися всякому созданному во образъ Божій главы своя покланяті. Старѣйшаго годинами почестити не лѣнися, и покоити старость его потщися. Сверстникы бо с миромъ стрѣтай, и меншаго тебѣ любовью приемли, а съ честнѣйшими собѣ никакоже стояти не лѣнися, да не буди самохотьемъ лишенъ вѣчнаго живота» [9]).

Особенно же христіанинъ долженъ отличаться милосердіемъ. Всѣмъ несчастнымъ и безпомощнымъ онъ долженъ подавать помощь, утѣ-

---

1) „Поученье", 243 стр.
2) „Пооучение..." 9 стр.
3) „Поученье", 237 стр.
4) „Слово о премудрости, притча", 89 и 90 стр.
5) „Пооучение..." 9 стр.
6) „Поученье", 237 стр.
7) „Слово о постѣ 121 стр.
8) „Слово о друзѣхъ" 126 стр.
9) „Слово нѣкоего отца...", 135 стр.

шеніе и отраду. Различіе національностей и вѣроисповѣданій не должно останавливать его благотворительности. Прекрасные уроки этой добродѣтели давали почти всѣ разсматриваемые нами писатели. Такъ, еп. Лука говорилъ: «Помните и милоуите странныя, и оубогыя, и темничникы, и своимъ сиротамъ милостиви боудете» [1]. Мономахъ писалъ своимъ дѣтямъ: «первое, Бога дѣля и душа своея, страхъ имѣйте Божий в сердци своемь, и милостыню творя неоскуду, то бо есть начатокъ всякому добру [2]. Такоже и Господь нашь показалъ ны есть на врагы побѣду, 3-ми дѣлы добрыми избыти его и побѣдити его: покаяньемъ, слезами и милостынею... [3]) Всего же паче убогыхъ не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите, и придавайте сиротѣ»... [4]) Митр. Кириллъ I училъ: «постящеся, нищимъ раздробляйте хлѣбъ свой; убогия милуйте; и нищіхъ и немощнихъ и на улицахъ лежащихъ и сѣдяща присѣщайте; сущая же в темници и бѣдѣ милуйте и утѣшайте; нагыя одѣвайте... правымже помогайте; грѣшныя милуйте; странныя въ домъ свой введите; вдовицъ призирайте: в бѣдахъ сущая избавляйте»... [5]) «руцѣ имѣй согбенѣ на собрание злаго имѣния свѣта сего, простертѣ же на подание убогимъ [6]). Чадо мое милое, алчнаго накорми, яко же ти повелѣ самъ Господь, жаднаго напой, страннаго введи, больнаго посѣти, въ темницѣ дойди и вижь бѣду ихъ воздохни» [7]). Святый Өеодосій писалъ князю Изяславу: «Милостынею же милуй не токмо своея вѣры, нъ и чюжея. Аще ли видиши нага, ли голодна, ли зимою, ли бѣдою одьржима, аще ти будеть, ли Жидвинъ, ли Сорочининъ, ли Болгаринъ, ли еретикъ, ли Латининъ, ли отъ поганыхъ, — всякаго помилуй и отъ бѣды избави, якоже можеши»... [8]). Замѣчательно объяснялъ значеніе дѣлъ милосердія св. Кириллъ, еп. Туровскій: «милостыню же беспрестани творите, та бо омываеть вся прегрѣшенія отъ насъ и небесная врата отверзаеть, и ярость Божію на кротость и на милость претворяеть; милостыни бо бесъ

1) „Поученье“ 9 стр.
2) „Поученье“, 232 стр
3) „Поученье“, 235 стр.
4) Ibid. 236 стр.
5) „Слово о постѣ“, 121 стр.
6) „Слово нѣкоего отца...“, 135 стр.
7) Ibid. 136 стр.
8) Посланіе о Латинахъ 217 стр.

труда на небеси возводитъ, и съ дерзновеніемъ у престола Божія поставляетъ»... [1]).

Вмѣстѣ со всѣмъ этимъ христіанинъ долженъ заботиться и о спасеніи своихъ ближнихъ. Его обязанность—учить еще не свѣдущихъ вѣрѣ Христовой, побуждать нерадивыхъ къ богоугодной жизни и всячески содѣйствовать воспитанію христіанскихъ чувствъ въ ближнемъ. Кириллъ, еп. Туровскій, говорилъ по этому поводу: «Тѣмъ молю вы, пришедъшихъ сдѣ, да поучаете неприходящихъ, и увѣщаете приходити къ церкви, вы бо вкусисте отъ меду ученія, они же никакоже... [2]) кождоже васъ молю вы, приходящихъ сдѣ, и въкушающе духовнаго сего меду, аще сусѣда имате, или родина, или жену, или дѣти, то позывайте къ церкви вся, и поучитеся душеполезнымъ словесемъ... [3]) Аще бы кто обрѣлъ здѣ земьное сокровище, пророческихъ же и апостольскихъ Писаній, и самаго Спаса Христа спасенныхъ словесъ истинна, и съ разсужденіемъ разумъ; уже не себѣ единому бысть на спасеніе, но и инѣмъ многимъ послушающимъ его.» [4]) Неизвѣстный отецъ писалъ: «словеса Божія ... аще ... приимеши... инѣмъ будеши раздавая, требующимъ своего спасенія.» [5]) Игуменъ Даніилъ такъ объяснялъ побужденія, заставившія его описать свое путешествіе по святымъ мѣстамъ: «убояхся осужденіа оного раба лѣниваго скрывшаго талантъ господина своего и прикупа не сътвори имъ; да и се написахъ вѣрныхъ ради человѣкъ, дабы кто слышавъ о мѣстехъ святыхъ и потщался душею и мыслію къ святымъ симъ мѣстомъ и равну мзду пріимуть съ ходившими до святыхъ сихъ мѣстъ.» [6]) Замѣчательно, что митр. Іоаннъ II, горя пастырскою ревностью о чистотѣ вѣры и жизни христіанской, жестоко скорбѣлъ о разрывѣ единенія и любви между востокомъ и западомъ и сдѣлалъ попытку къ возстановленію прерваннаго единенія, написавши по этому поводу посланіе папѣ Клименту II. Онъ писалъ въ этомъ посланіи: «И не вѣдѣ откуду възникоша соблазни и възбраненье божественнаго пути, яже что ради и како не исправишася зѣло чюжюся сему. Не вѣмъ бо кый бѣсъ лукавый, завистивъ и

---

[1]) „Поученіе на пятикостіи“ 88 стр.

[2]) „Поученіе въ недѣлю 5-ю по Пасцѣ“, 53—54 стр.

[3]) ibid. 55 стр.

[4]) „Притча о человѣчьстѣй души и о тѣлеси...“ 133 стр.

[5]) „Слово нѣкоего отца...“ 137—138 стр.

[6]) „Паломникъ Данила мниха“, 2 стр.

истинѣ врагъ и благочестію супостатъ, иже таковая премѣни и братьскую вашю и нашю любовь отверже всего крестьянскаго совокупленія. [1])...Молюся и мольбу творю и припадаю священнымъ стопамъ твоимъ въздвигнутися отъ сихъ всѣхъ (заблужденій)... Отдаи же ми, Господа ради, отъ многія бо любве таковая написавшу ми тобѣ. Аще суть во истинну творимая вами, якоже слышахомъ, испытаите писанья и обрящете вся си исправленья требующа. Но молю о Господѣ любовь твою впервыхъ аще хощеши напиши къ нашему святому Патріарху Констаитина града... и хужьшему паче всѣхъ мнѣ, Цѣлую тя и язъ Иванъ худыи Митрополитъ Рускіи ..[2]) Такъ высоко смотрѣли на христіанское братство, по крайней мѣрѣ, представители русской церкви домонгольскаго періода и съ такою любовію стремились къ осуществленію этого братства!

Вотъ вкратцѣ обязанности, которыя, по ученію разсматриваемыхъ нами писателей, долженъ исполнять христіанинъ въ отношеніи къ ближнимъ.

Въ заключеніе, между прочимъ, приведемъ нѣкоторыя замѣчанія нашихъ писателей о тѣхъ средствахъ, которыя помогаютъ человѣку знать и творить волю Божію. Первымъ такимъ средствомъ служитъ само слово Божіе: «Словеса бо Евангелскаа пища суть душамъ нашимъ,—говорилъ св. еп. Кириллъ,—яже Христосъ многообразно глагола человѣческаго ради спасенія [3])... Добро убо, братіе, и зѣло полезно, еже разумѣти паче божественныхъ писаній ученіе. Се и душю цѣломудрену сътворяеть, и къ смѣренію прелагаеть умъ, и сердце на добродѣтели възоостряеть, и всего благодарьствена сътворяеть человѣка, и на небеса къ Владычнимь обѣщаніемъ мысли приводитъ, и къ духовнымъ приводитъ трудомъ, тѣло укрѣпляеть, и преобидѣніе сего настоящяго житія славы и богатьства творитъ, и всея житійскыя печали свѣта сего отводитъ» [4]). «Словеса Божія, понеже плодовита суть, да аще умягчиши сердечную землю, и приимеши малое сѣмя ученія, и много зѣло расплодиши въ себѣ спасеное житіе» [5]). Поэтому необходимо вникать чтенію Божественныхъ Писаній, ходить

[1]) „Отъ Іоанна митрополита русскаго къ Клименту папежу римскому,“ 12 стр.
[2]) ibid . 19—20 стр.
[3]) „Слово въ недѣлю Цвѣтоносную“... 3 стр.
[4]) „Притча о человѣчьстѣй души...“ 132 стр.
[5]) „Слово нѣкоего отца...“ 137 стр.

въ церковь и тамъ слушать пастырскія разъясненія Слова Божія: «И умнѣ и скоро текущи ко вратомъ небеснымъ, уши уклоняй отъ зла слышания, умныма же выну прилѣгая к шюмению святымъ книгамъ ..» [1]) Или, какъ училъ тотъ же св. еп. Кириллъ: «Азъ убо, о друзи и братье! надѣяхъся на всяку недѣлю болѣ собрати въ церковь людій; на послушаніе Божественыхъ словесъ, нынѣ же мнѣ приходить. нъ аще быхъ о собѣ глаголалъ, то добрѣ бысте творили не приходяще, ныняже Владычня взвѣщаю вамъ и грамоту Христову прочитаю вамъ. Якоже бо кто грамоту Цареву или княжю принесетъ въ градъ, подъ рукою его сущимъ, не пытають житья принесъшаго ю: богатъ ли есть, или убогъ, ли грѣшенъ, ли праведьнъ, нъ тѣхъ точью чтомыхъ послушають, и тъщиться абы ничтоже ихъ не забыло; аще ли котораго слова негораздо услышить, то прошаеть слышавшаго; аще ли безъчиненъ человѣкъ голку створить, то бьюще отгонять и, акы пакость творяща. Да аще отъ земьнаго князя толико вниманіе будеть, колми паче сдѣ внимати подобаеть вамъ, идѣже Ангеломъ Владыка бесѣдуеть» [2]). Съ другой стороны творенія св. Отцевъ научають насъ истинной вѣрѣ и жизни: «должни есмы... вѣровати...., якоже научили Апостоли, святіи отци оутвердиша» [3]). Ихъ преданія надо всегда строго и неизмѣнно сохранять: св. Ѳеодосій въ подтвержденіе своихъ словъ не разъ ссылался на авторитетъ ихъ: «Не азъ бо то глаголю, но они, свѣтила вселенныя всеа, истинніи стлъпи правыя вѣры, всадители, наставници всему доброму благонравію, вожди истинніи и свѣтила не гасущая» [4]). «Первое имѣйте вѣру праву к Богу,—говорилъ митр. Кириллъ I,.. потомже въ послушаньи святыхъ Его Апостолъ, и святыхъ Отецъ, иже пострадаша Христа ради во вся дни живота своего» [5]).—И вообще всѣ преданія добрыя всегда надо хранить: «съхраниши преданіа старое отецъ твоихъ» [6]), писалъ митр. Никифоръ Мономаху.

Кромѣ того, весьма назидательны и полезны житія святыхъ и другія благочестивы сказанія. Мы уже знаемъ, что говорилъ объ

---

[1]) Ibid. 135 стр.

[2]) „Поученіе въ недѣлю 5-ю по Пасхѣ“, 53 стр.

[3]) „Пооучение Архиеп. Лоукы...“ 7 стр.

[4]) „Слово св. Ѳеодосія о търпѣніи и о любви“, 205 стр.

[5]) „На поучение ко всѣмъ крестьяномъ“, 119 стр.

[6]) „Посланіе...“ 70 стр.

описаніи своего путешествія Игуменъ Даніилъ. Іаковъ мнихъ писалъ: «кто бо не почюдится великому смиренію (св. Бориса), или кто не смирится, оного смиреніе видя и слыша?» [1]) Яснѣе объ этомъ говорилъ преп. Несторъ въ житіи св. Өеодосія: «Си на оуспѣхъ и на оустроеніе бесѣдующимъ списати хощу и о сихъ Бога славяще мзды отданіе пріимѣте» [2]). Все это и вообще все полезное надо постоянно читать и изучать: «аще забываете всего,— писалъ Мономахъ своимъ дѣтямъ —а часто прочитайте: и мнѣ будеть бе-сорома. и вамъ будетъ добро. Егоже умѣючи, того не забывайте доброго, а егоже не умѣючи, а тому ся учите, якоже бо отець мой, дома сѣдя, *изумљяше 5 языкъ*, в томъ бо честь есть отъ инѣхъ земль. Лѣность бо всему мати: еже умѣеть, то забудеть, а егоже не умѣеть, а тому ся не учить; добрѣ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе...» [3]).

Исполняя всѣ свои обязанности, христіанинъ можетъ вполнѣ надѣяться на свое спасеніе. Но тутъ у него можетъ явиться сомнѣніе въ достаточности своихъ силъ для неуклоннаго слѣдованія волѣ Божіей. Въ этомъ случаѣ вся его надежда должна быть на помощь Божію, которая никогда его не оставляетъ. «Поистинѣ, дѣти моя,— писалъ Мономахъ,—разумѣйте, како ти есть человѣколюбець Богъ милостивъ и премилостивъ, мы человѣци, грѣшни суще и смертни, то оже ны зло створить, то хощемъ и пожрети и кровь его прольяти вскорѣ; а Господь нашь, владѣя и животомъ и смертью, согрѣшенья наша выше главы нашея терпить, и пакы и до живота нашего, яко отець, чадо свое любя, бья, и пакы привлачить е к собѣ» [4]). Еще яснѣе говорилъ св. Иларіонъ: «Аще ли речеши: не могу подвигнутися, немощенъ есмь: токмо подвигнися по своей силѣ, якоже можеши, и видѣвъ Господь подвигъ твой, послеть ти и на прочая добрая дѣла» [5]).

Что же касается до того, что другимъ путемъ никакъ нельзя достичь спасенія, то это ясно, по мнѣнію неизвѣстнаго отца, изъ исторіи человѣчества: «Сыну мой, чадо мое, приклони ухо твое, и послушай отца своего, свѣтующаго ти спасенья... отъ Адама пра-

---

[1]) „Сказаніе страстей свв. мм. Бориса и Глѣба"... 385 стр.

[2]) „Житіе преп. Өеодосія", III стр.

[3]) „Поученье", 238 стр.

[4]) Ibid. 235.

[5]) „Поученіе св. Иларіона о пользѣ душевнѣй", 295 ст.

отца нашего до сего нашего вѣка, колико человѣкомъ множество бысть на земли и вси беспамятни быша.—Единиже памятни быша и просияша на земли и на небеси, иже по заповѣдемъ Божіимъ ходиша, и дни своя изжиша, и къ Единому вышнему взираху. Иже кротостью пожиша и в доброcловьи уста своя учиниша. Иже мало свѣта сего причащахуся, вси же свою мысль и все свое хотѣніе в безсмертное житіе управляху, и о томъ единомъ въздыхаху и моляху воину Бога яко достойнымъ явитися» [1]).

III.

О монашествѣ.

Монашеская жизнь, по представленію разсматриваемыхъ нами писателей, есть особый, въ строгомъ смыслѣ подвижническій видъ христіанской жизни. Стремясь ко спасенію своей души, монахи въ этой жизни прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы окончательно подавить въ себѣ грѣховную личность и слиться съ Богомъ непрестаннымъ исполненіемъ Его воли. Отсюда на нихъ лежитъ прежде всего обязанность совершеннаго забвенія міра и полнаго отреченія отъ своей воли и подчиненія ея волѣ руководителя-старца. Св. Θеодосій такъ поучалъ свою братію: «Что внесемъ, любимици мои, въ мірѣ семъ, или что имамы изнести? Не оставихомъ ли міра и яже въ мірѣ, (по) заповѣди Христовы [2])... Не призва бо насъ то благоволеніе Его здѣ, да всѣхъ земныхъ насытимся; не бо и того ради насъ створи, да общници будемъ временному сему житію лѣности дѣла нашея [3]). Нынѣ же нѣсть како ми глаголати, и како не обличати почасти каждаго васъ? Созва бо ны благодать Святаго Духа и молитва Святыя Богородица въ сю обитель — въ единодушіе и въ единоуміе и въ едину волю,—да будетъ бо воля Твоя, яко на небеси, и на земли. Мы же многи воля хощемъ имѣти. Егда бо година церковная позоветь насъ на святый съборъ, и тогда сердца наша сотона омрачить лѣностію, яко не ити съ тщаніемъ въ церковь на святое събраніе,—не реку въ церковь, но и на тотъ обѣдъ... И како

---

[1]) „Слово нѣкоего отца...“ 134 ст.

[2]) „Слово св. Θеодосія о терпѣніи и о любви“, 203 стр.

[3]) „Поученіе св. Θеодосія о терпѣніи и милостыни“, 208 стр.

ми молчати о томъ или не стонати» [1])? Симонъ, еп. Владимірскій, писалъ иноку печерскому Поликарпу: «Брате, сѣди въ безмолвіи, събери умъ свой и рци къ себѣ: человѣче! нѣси ли міра оставилъ еси и по плоти родитель, аще же и здѣ пришедъ на спасеніе, а не духовная творить. Что ради въ черническое имя облъкся еси? А не избавять тебе муки черныя ризы» [2]). «Точью до монастыря имѣй свою волю, — говорилъ св. Кириллъ, еп. Туровскій; по въспріятьи же образа, всего собе повързи въ покореніе, ни мала своевольства утай въ сердци твоемь» [3])... Вмѣстѣ съ этимъ монахи должны подавить въ себѣ совершенно всѣ свои личныя страсти и влеченія, какъ то: сребролюбіе, зависть, гнѣвъ и т. п. Св. Ѳеодосій говорилъ братіи: «Нынѣ бо печалуемь и скорбимь о лишѣхъ Богу видѣщіи, о немже бы намъ радоватися и хвалу воздати благому Владыцѣ, иже въ первый на десять часъ пришедшимъ не похули ихъ опожденія, но тужде мъзду дарова имъ, юже изъ утра дѣлавшимъ;... Луче бо, рече апостолъ, даяти, нежели взимати... того дѣля глаголю то всѣмь, да не вси пріимуть, яко квасъ, зло сребролюбіа. И что облиховани быхомъ, братіа моя и отци, что бо принесосте отъ имѣній своихъ на мѣсто се, или что азъ требовахъ отъ васъ, пріимая вы въ обитель сію и въ человѣколюбіе Божіе, что насъ лишеныхъ вся ли подаеть намъ, молитвами святыя Богородица? Да тѣмъ молюся вамъ отъ всея душа моея, любимицы мои, не пребываимъ въ двودушіи, да не прогнѣваемъ благаго Владыки..., но въздадимъ хвалу благому Владыцѣ, о иже тако о насъ смотрить, и вся намъ изобилія подаваеть, не помня немощей нашихъ» [4]). «А не хули келаря, — писалъ еп. Симонъ Поликарпу, — ибо ропщай исчезновеніе себѣ творить... Терпѣ же, брате, и досаженіа; претерпѣвый бо до конца спасется. Аще бо и ключитътися озлобленy быти, и пришедъ нѣкто възвѣститъ ти, яко онсица потяза тя злѣ, рци възвѣстившему ти: аще и укори мя, но братъ ми есть и достоинъ бо есмь того, не о себѣ же творить сего, но врагъ поустилъ есть на се, да вражду сътворить между нама, Господь же да поперетъ лукаваго, брата же да помилуеть. Речеши же: яко въ лице ми досади предо всѣми; не пристрашенъ буди,

---

1) „Поученіе св. Ѳеодосія о хожепіи въ церкви и о молитвѣ", 212 стр.

2) „Посланіе... Еп. Симона"... 249 стр.; тоже въ житіи препод. Ѳеодосія, XIII и др. стр.

3) „Сказаніе о черноризьчьстѣмь чину"... 103 стр.

4) „Слово св. Ѳеодосія о търпѣніи и о любви", 205, 206 и 207 стр.

стосъ бо ждеть входа нашего И въжземъ свѣтильники наша любовію и послушаніемъ, кротостію и смиреніемъ, и срящемъ Христа непостыднимь лицемъ, глаголюще къ намъ: пріидѣте, иже мене ради потружавшесь въ молитвахъ, и въ бдѣніихъ, и всякыхъ службахъ, и пріобщитеся благихъ всякъ..» [1]). «Ревнуйте святыхъ отець подвигу,—говоритъ Кириллъ, еп. Туровскій,—другъ друга преспѣвайте въ алкапіи и въ бдѣніи, въ молитвахъ, въ служебныхъ трудѣхъ; да не раслабѣвше объяденіемъ и піаньствомъ и плотскыми похотьми, вь адьстѣй станемь пустыни...» [2]).

Идеаломъ монашеской жизни преподобный Несторъ представляетъ св. Θеодосія: «Возрастая тѣломъ и душею, увлекаясь къ любви Божіей, онъ (св. Θеодосій) каждый день ходилъ въ церковь Божію, со всѣмъ вниманіемъ слушая божественныя книги. Къ тому же онъ никогда, по обыкновенію малыхъ, не приближался къ играющимъ дѣтямъ, но гнушался ихъ играми. Одежду носилъ другую и покрытую заплатами, и когда родители принуждали одѣться въ чистую одежду и идти играть съ дѣтьми, то онъ не слушалъ ихъ, но лучше желалъ быть подобнымъ убогому. Къ этому онъ просилъ родителей отдать его къ какому либо учителю для обученія его чтенію божественныхъ книгъ, что и было исполнено ими; и весьма скоро выучилъ преподоваемую ему науку, такъ что всѣ дивились разуму дитяти и скорому его обученію. А кто повѣдаетъ его смиреніе и повиновеніе, которое онъ снискалъ въ продолженіе ученія своего, и оказывалъ оное не только учителю своему, но и всѣмъ учащимся съ нимъ [3]). Всѣ сверстные ему отроки насмѣхались и издѣвались надъ нимъ за такое занятіе (печеніе просфоръ) по наущенію врага. Блаженный же все это переносилъ съ радостію и молчаніемъ [4])... властелинъ того города... далъ ему чистую одежду... Блаженный ходилъ въ ней нѣсколько дней, какъ бы нося нѣкоторую тяжесть; потомъ снялъ ее и отдалъ нищимъ, а самъ одѣлся въ рубище и въ немъ ходилъ (и такимъ образомъ онъ нѣсколько разъ поступалъ) [5]). Отецъ нашъ

---

[1]) „Поученіе св Θеодосія о трьпѣніи и о смиреніи“, 209 стр.

[2]) „Повѣсть къ Василью Игумену Печерьскому...“ 130 стр.

[3]) Житіе препод. Θеодосія, 132 стр. въ „Ученыхъ Запискахъ“, II кн., II вып.

[4]) ibid. 134—135 стр.

[5]) ibid. 136 стр.

мѣстѣхъ святыхъ не забывахъ именъ князей Рускыхъ, и княгинь ихъ, и дѣтей ихъ, ни епископовъ, ни игуменовъ, ни бояръ, ни дѣтей моихъ духовныхъ, ни всѣхъ христіанъ николиже не забывалъ есмь, но вездѣ поминалъ есмь»[1]).

Вмѣстѣ съ этимъ монахи и самымъ дѣломъ должны служить міру, насколько и чѣмъ могутъ. «Держи заповѣди, — училъ Св. Кириллъ, еп. Туровскій, — яже Христосъ, въсходя въ Іерусалимъ, ученикомъ глаголаше: хотяй быти въ васъ болій, да будеть всѣхъ мній, и всѣмъ слуга»[2]). Одно изъ примѣненій этой заповѣди указывалъ св. Ѳеодосій: «Нынѣ же азъ, худый, въ умѣ пріемъ заповѣдь благаго Владыкы, се вѣщаю вамъ. Лѣпо бо бяше намъ отъ трудовъ своихъ кръмити убогыя и страннья, а не праздньмъ пребывати, преходити отъ келія въ келію... Аще бы не благодать Божія приспѣла на насъ, и кръмила боголюбивыми человѣкы: что быхомъ сътворили, на своя труды зряще? Да аще речемъ: пѣніа ради нашего, или поста ради, или бдѣніа, та намъ вся приносять, и за всѣхъ бо за приносящихъ ни единою поклонимся. Слышасте бо притчю о десяти дѣвъ мудрыхъ, а 5 несмысленныхъ. Вѣщеваеть бо святое Евангеліе: мудрыя же дѣвьство съблюдоша, и святильники своя украсиша милостынями и вѣрами, и вънидоша въ чрътогъ радостный, и никомуже възбранлюющу имъ. Оныже буяя како нарекошася? Понеже дѣвьственую печать съблюдоша неразориму, и въ пощеніи и въ бдѣніи, въ молитвахъ стончиша плоть свою, масла же и милостыни не принесоша въ свѣтильницѣхъ своихъ душъ, и того ради изгнани быша изъ чрътога, и тогда взыскаша продающихъ милостыня нищихъ, но не обрѣтоша; уже бо затворишася двери человѣколюбіа Божіа. Да не лѣпо намъ есть, възлюбленіи, посылаемыхъ отъ Бога на пользу душамъ тѣлесемъ нашимъ отъ боголюбивыхъ человѣкъ, удержати себе, но и инѣмъ подаати требующимъ. Луче бо, рече апостолъ, даяти, нежели взимати»[3]). Вообще, нужно сказать, монашество, по мнѣнію нашихъ писателей, есть высшій подвигъ, соединенный съ неусыпною борьбою съ плотію и постояннымъ упражненіемъ въ различныхъ добродѣтеляхъ. «Подвизайтеся, трудницы, — обращался преподобный игуменъ къ своей братіи, — да пріимите вѣнець трьпѣнія вашего: Хри-

---

1) Ibid. 155 стр.

2) „Сказаніе о черноризьчьстѣмь чину,—“ 107 стр.

3) „Слово св. Ѳеодосія о трьпѣніи и о любви“, 205—206 стр.

чадо, о томъ, ни скоро подвигнися на гнѣвъ, но падъ поклонився до земля, а брату глаголя: прости мя, и исправи въ себѣ прегрѣшеніе, и всю силу вражію побѣдиши Аще ли потязанъ спротивишися, сугубо еси себѣ досадилъ» [1]). «И не ревнуй мужемъ, бе— страха Божія живущимъ въ монастыри, - говорилъ Св. Кириллъ, еп. Туровскій,—точью о чревѣ и одежи мыслящемъ и велеричьемъ гордящеся, свары же и укоризны всѣмъ бе-щину кидающемъ, земныя чести и власти о. собѣ въсхитающа, имьже мнози Христоси, по Писанію, иная ученія и заповѣди предающе по воли ихъ, якоже хотять. Ты же Христа единого заповѣдь и житье, иже отъ рожества и до распятія, досады, и клеветы, и поношенія, и раны тобе ради претерпѣ, сего послушай, о мнише! и приготови собе на терпѣніе скорбій; подвизайся, не раздруши своего обѣта; мужайся, егда укоризны пріемлеши; не поверзи собе супротивьемь аки нѣкій бещестьный судъ, смрады испущая»

Непремѣннымъ и главнымъ занятіемъ монаховъ должна быть молитва,—молитва не за себя только, но и за весь міръ «Тѣмьже, братіе моя,—говоритъ св. Ѳеодосій,—дръжаще междю собою любовь истинну, и всприимемь благаго Бога нашего законъ чистъ, и заповѣди Его непорочны съблюдемь, тружающеся въ бдѣніи и въ молитвахъ молящеся за весь міръ безъ прѣстани, да тѣмъ получимъ царство небесное о Христѣ Іисусѣ [2])... Билу бо ударяющу не лѣпо ны есть лежати, но встати на молитву, якоже ны богоносивый Ѳеодоръ учитъ [3]). . И аще бы възможно по вся дни глаголалъ быхъ, и съ слезами моляся, и къ коленомъ вашимъ припадая, дабы ни единъ же насъ оставилъ годины молитвеныя» [4]). Игуменъ Даніилъ такъ говоритъ въ описаніи своего путешествія объ исполненіи этого обѣта: «Азъ... рекохъ ему (Балдвину): «Господине княже! молюся тебѣ Бога ради и князей дѣлма Рускыхъ,—хотѣлъ быль и азъ поставити кандило свое надъ гробомъ Господнимъ за вся князя наша и за всю Рускую землю, за вся Христіане Рускыя земля»[5]). «Въ всѣхъ сихъ

---

[1]) Посланіе еп. Симона, 251—252 стр.

[2]) „Слово св. Ѳеодосія о терпѣніи и о любви", 204—205 стр.

[3]) „Поученіе св. Ѳеодосія о тръпѣніи и о смиреніи", 210 и д. стр.

[4]) „Поученіе св Ѳеодосія о хожееніи къ церкви и о молитвѣ", 212 стр.

[5]) „Паломникъ Даніила мниха", 139 стр.

Θеодосій, весь предавшись Богу и преподобному Антонію, съ сего времени трудился тѣлесно, бодрствовалъ во всѣ ночи, славословленіемъ Бога отгонялъ тягость сна, для воздержанія же плоти трудился, дѣлая своими руками, ежедневно имѣя въ памяти оное псаломенное слово: виждь смиреніе мое и трудъ мой, остави вся грѣхы моя (Пс. 24, 18). Онъ всячески смирялъ душу свою воздержаніемъ, а тѣло украшалъ трудомъ и подвижничествомъ, такъ что препод. Антоній и великій Никонъ удивлялись смиренію его и покорности, такому въ юности благонравію, крѣпости и бодрости, и славили о семъ Бога [1]... отецъ нашъ Θеодосій явилъ въ себѣ достойнаго начальника, по благодати Божіей. Онъ точно былъ какъ видимое свѣтило въ мірѣ для всѣхъ черноризцевъ,—сіялъ смиреннымъ смысломъ, послушаніемъ, подвигами, трудами. Онъ дѣлалъ каждый день своими руками. Часто ходилъ въ пекарню на ряду съ пекарями, и веселый духомъ, мѣсилъ тѣсто и пекъ хлѣбы, ибо... былъ крѣпокъ и силенъ тѣломъ. Всѣхъ страждущихъ училъ, укрѣплялъ и утѣшалъ, а самъ никогда не изнемогалъ въ дѣлахъ своихъ» [2].

Въ виду такого характера монашеской жизни монастыри являлись желанными пристанищами русскихъ людей того времени, въ которыхъ они надѣялись получить и утѣшеніе въ печаляхъ, и исцѣленіе болѣзней, и матеріальную помощь. Митр. Кириллъ I говорилъ: «монастыри же чада любите, то бо суть сынове святыхъ... (Иноки) хотяще за весь міръ Бога умолити... Иже могутъ вскорѣ вѣрою вся прошенья творити и горы преставляти, рекше больнымъ и недужнымъ помогати, и всякаго гнѣва Божія и напасти молитвами своими отводити. И къ нимъ припадати, и к тѣмъ святымъ мѣстомъ приходити» [3)... «покажаю ти, сыну мой, истинная пристанища, монастыря домы святыхъ, къ тѣмъ прибѣгай, и утѣшатъ тя, поскорби къ нимъ, обвеселишися, сынове бо безъ печалія суть и умѣютъ тя утѣшити» [4].

Этимъ мы и кончаемъ наше изслѣдованіе въ области пониманія христіанства русскими людьми домонгольскаго времени.

Григорій Георгіевскій.

---

[1]) ibid. 138 стр.
[2]) ibid. 155 стр.
[3]) „Слово о монастырѣхъ.“ 122—123 стр.
[4]) „Слово нѣкоего отца...“ 136 стр.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

(Румянцевскаго Музея, № 406, 99 об.—103 лл.).

Въ вто̂ г҃ не̂ по̂ на часѣ̂ ст҃го феѡ̂ра игоуме̂ стоуд̂ска̂. сло̂ оутѣшно къ бра̂и ѿ дш҃евнѣи ползѣ. г҃и бл҃ви.

Азъ грѣшныи, и лѣнивыи погрѣбыи талантъ свои в земли. и не придѣлавъ имъ ничтоже. и чаю по вся дни на себѣ. ѿнѣ̂ люты̂ и немл҃твыи истязатель. и прѣщенїа ѿного страшнаго и гнѣва лютаго. егда начнѣ̂ гл҃ти ѿ злыи рабе и лѣнивыи непотрѣбне. добрѣе бы створилъ дабы възвратилъ сребро мое добры̂ пенязни-кѡ̂ и поспѣшны̂ и дѣтельнымъ. иже быша ми въздѣлали съ лихвою. но̂ иже ноуж̂ю имѣю гл҃ати и гл҃ю. и гл҃я не прѣстаю. не ꙗко оучитель но̂ ꙗко рабъ съ слезами моляся *); и оуказаа вамъ прѣ-лежащаꙗ бл҃гаа, и грядоущаа моукы да быстє не погрѣшили бл҃гыѧ ѿноꙗ надеж̂а. не мало бо то зло еже на̂ тацѣ̂ даровъ лишенымъ быти и въ непроходимаꙗ и адьскаа мѣста впасти лѣностїю. хож̂енїа р̂а и красотъ маловременны̂. въ нихже ничсоже оуспѣша послѣдовавше таковы̂, азже оуныльи имѣꙗ всобѣ корѣнь злаго того пророщенїа ѿ моеꙗ лѣности. ни самь входя въ цр҃тво нб҃ное. и вамъ пропоноу творя своєю лѣностїю. и своими непо̂бными нравы; соуди̂ себе двоичю и трижы ѿлоучитися ѿ васъ. и се̂ створи̂ не добродѣтели и дѣанїꙗ ѿнѣхъ ст҃ы̂ по̂ражати хотя. но̂ се̂ лоуче соуди̂ да понѣ ва̂ не оупражнимю ѿ бл҃гого по̂визанїꙗ. аще бо бы̂ с вами былъ. не малоу спопоноу ва̂ створилъ бы̂ собою. ѿставилъ вы бы̂ ѿ Бж҃їа поути. мнѣ бо грѣшномоу еже единъ дн҃ь ѿлоучитися ѿ васъ. въ все ми ся лѣто вмѣняєть, паче же достоанїꙗ цр҃квнаго.

---

*) и колѣ̂ ваши̂... саꙗся.

и почитанія бжтвны словесъ, и житія стый. егоже ѿблиши мѧ лѣность моя не малаа. еюже акы веригами свѧзанъ лежѧ и ума моего акы лазарѧ другаго прѣ враты повръжена. токмо вѣрное око къ Богу простирая и Бцѧ съ вышнею млтвою на помощь призывая. да нѣкако бы сѧ умлрдилъ блгы Бъ ваши дѣлѧ млтвь и любовь юже къ мнѣ имѣете. падш бо паденіемъ злымъ, аще не Гь бы помоглъ мнѣ и Бца. вмалѣ не вселиласѧ бы въ адъ дша моѧ. и видѣ чего дѣлѧ падохъ ѿставивъ порученую ми службу. и въслѣдова трапезамъ и не чюя себе. своди мѧ къ пропасти льстѣи. но члколюбивый Бъ иже не презрѣ Лазарѧ струпы посыпана и гноина и умерша но въскрсилъ еси. тоже и на мою немощь присѣти. не призрѣ моея лѣности. но пусти на мѧ дхъ унынія, имже угнѣтаемъ есмь и донынѣ. егоже дѣлѧ удалихсѧ ѿ васъ. чаѧ по писаному Ба спасающаго мѧ. въ мое во ѿлучении ѿ васъ. не чю себе ничсоже добра приискавша. но токмо имыи бдѣнія бо и пощенія не могу скончати. егоже выда тѣмъ и ѿсудисѧ вашея ра любве рауюсѧ. е ктолицѣ злѣ видѧще мою худш не възгнушастесѧ мой словесъ. еже въ моемъ ѿхоженіи к вамь изглаголая. но съ всѧкы тщаніемь створисте я. и своея во лѣности забы въ вашемь тщаніи. и еже во велико поспѣшеніе имѣсте ѿ службѣ црквнѣи. и въ длъготрпѣнии стояніи. въ всѣ бо година и слуба ѿбрѣтающесѧ. и бжтвнаго феѡра ѿ заповѣдехъ раующесѧ. потщаніе имѣите. да тогоже блженьства сподвистесѧ. и жизни вѣчнѣи причастници будете. ѡ Хѣ Іс҃ѣ Гѣ нашемъ.

Въ сре г не по стро феѡра игмена стоуиска. поученіе о ползѣ дшвнѣи.

Тѣмь убо азъ нинѣ дрѣзнухъ се писати вамъ. и еще молюсѧ всею дшею моею. ѿ болѣзнна срца горкыя слезы к вамъ испущаю. братія моя и ѿци и чада дхвнаа. и съборе Бмъ събраныи. и стадо Хво възлюбленное, въспомѧнѣмъ яко ѿ съна ѿ свой ѿбычаи и ѿ волѣ свой. и възненавидимь я, и имѣмсѧ акы за лѣствицю. за прѣдаа стго великаго и бжтвнаго феѡра стоуискаго. исповѣдника бывша вѣры ра Хвы. и страстотрпца призывающа на помощь. съ пртою вл҃чцею нашею Бцею. да иже тѣхъ поспѣшеніе и млтвами и наша срца бъ утвердить и томже разоумѣ. и

в томъ ѡбычаи, и в томже слоуженіи. инако бо не можеть мати Бжіа преѡбрѣсти. но токмо тѣ млтвами. вѣдоуще іако никогоже бъ не ѡставить оуповающій на нь всею дшею. да и еще любимици мои молю вы ся. подвизаемь и възненавидимъ мира и га въ мирѣ. егоже дѣля пріидо семо. тѣхъ по вся дни ищемъ. еже есмы ѡбѣщалися тръпѣти по вся дни и та претръпимъ, да не словеса наша еже есмы изъгли прѣ неложными посьлоухы ѡсоудять на въ послѣніи днь. да не боуде печални ѿ скорбеуь находящи на ны по вся дни. слоуьы ра манастырьскыа. или недостатка свитеннаго телеснаго. но раующеся въ скорбе и въ ѡброуганіи. и въ бещестіи. смиреніемъ ведоущеся гнѣвъ же и роптаніе. и ненависть. вражоу же и тщеславіе. злобоу и гръдыню съ завистію ѿ оума своего ѿложивше. имѣмся за любовь еже е всемоу добромоу свершеніе. да просвѣтится хс въ дши нашеи. и в тѣлѣ нашемь. иже начнеть емоу въ слоуба пристоаті іако безлобивіи агньци. дроу дроу покаряющеся. инако бо не може іарма его носити на себѣ благаго но токмо покореніемь. не ложьно бо ѡбѣщахомся послѣдовати емоу. покоршемоу иже хоще въ слѣ мене. да ѿвръжется себе и послѣдоуеть ми. и пакы іже хощеть дшю свою спти погоуби ю. то бо наша хвала и радость и моужество. ѿ иже мене ра Бжіа страдати іазвы его на тѣлѣ своемь носяще. якоже и ѡнъ за ны постра. и вѣдоуще того блга и члколюбца влкоу. варимь лице его въ исповѣданіи. и въ ѱалмѣхъ въсклинкнѣ пріидѣте поклонимся и припадѣмъ емоу и въсплачемся прѣ Бмъ. іако тъ есть бъ нашь и мы людіе его. и ѡвца паствины его. да ега гла его оуслышимъ не ѡжестимь срць вашй въ прогнѣваніи. да вънидемъ оу покои его. и ѡноіа радости неизгланныа насытимся. ха славяще и пртоую трцю ѡца:

ОГЛАВЛЕНІЕ.